

Фильдинг Генри

История Тома Джонса, Найденыша (Книги 15-18)

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ, В КОТОРОЙ НАША ИСТОРИЯ ПОДВИГАЕТСЯ
ВПЕРЕД ЕЩЕ НА ДВА ДНЯ

ГЛАВА I, слишком краткая, чтобы нуждаться в заглавии

Некоторые богословы, или, вернее, моралисты, учат, что на этом свете добродетель - прямая дорога к счастью, а порок - к несчастью. Теория благотворная и утешительная, против которой можно сделать только одно возражение, а именно: она не соответствует истине.

Конечно, если под добродетелью писатели разумеют упражнение в тех кардинальных добродетелях, которые, подобно добрым хозяйкам, сидят дома и заботятся только о своих семейных делах, то я охотно с ними соглашусь: все эти добродетели действительно ведут прямо к счастью, так что я, наперекор всей древним и новым мудрецам, готов назвать их скорее именем мудрости, а не добродетели, ибо что касается земной жизни, то не было, кажется, системы мудрее системы древних эпикурейцев, полагавших в этой мудрости высшее благо, как не было ничего глупее системы их прямой противоположности нынешних эпикурейцев, считающих верхом блаженства обильное удовлетворение всех чувственных желаний.

Но если под добродетелью разуметь (как это, по моему убеждению, и подобает) некоторое относительное качество, всегда действующее за порогом нашего дома и озабоченное благом других не меньше, чем нашим собственным, то я не могу так легко согласиться, что она есть вернейший путь к земному счастью: ведь в таком случае, боюсь, нам придется включить в представление о счастье и бедность, и презрение, и все бедствия, навлекаемые на человека злословием, завистью и неблагодарностью; пожалуй, мы иногда принуждены будем искать это счастье даже в тюрьме, поскольку упомянутая добродетель многих приводит и туда.

Мне теперь недосуг пускаться в обширное поле рассуждений. открывающееся здесь передо мной; моим намерением было лишь убрать с дороги превратное учение, ибо, пока мистер Джонс совершал самые добродетельные поступки, стараясь спасти от гибели своих близких, дьявол или иной злой дух, может быть, воплощенный в образе человека, изо всех сил трудился над тем, чтобы сделать его совершенно несчастным, погубив его Софью.

Вот вам и исключение из упомянутого правила, если только действительно его можно назвать правилом. Но так как на жизненном пути нашем мы наблюдали столько подобных исключений, то предпочитаем оспаривать самое учение, на котором оно основано. как. по нашему убеждению, нехристианское, ошибочное и подрывающее одно из благороднейших доказательств веры в бессмертие. какое только может представить человеку его разум.

Мы полагаем, однако, что любопытство читателя (если оно у res o есть) уже пробудилось и требует пищи; поспешим же его насытить.

ГЛАВА II, в которой возникает самый черный замысел против Софьи

Один мой знакомый старик, большой умница, любил говорить: "Когда детям нечего делать, они проказят". Не буду распространять этого тонкого изречения на всю прекрасную половину рода человеческого, но справедливо, кажется сказать, что когда женская ревность не проявляется открыто в свойственной ей форме ярости и бешенства, то эта пагубная страсть почти наверняка действует тайком и пытается

сделать подкоп под крепость, которую не в состоянии взять открытым штурмом.

Примером может служить поведение леди Белластон: под ласковыми улыбками, игравшими на ее лице, таился сильный гнев на Софью; и, видя ясно, что эта девушка является помехой полному осуществлению ее желаний, она решила отделаться от нее тем или иным способом; вскоре ей представился к тому чрезвычайно благоприятный случай.

Читатель благоволит припомнить, как Софья, перепугавшись в театре кутерьмы, поднятой кучкой остроумных молодых джентльменов, именующих себя столицей, отдалась под покровительство одного кавалера, благополучно проводившего ее до самого портшеза.

Этот джентльмен, часто бывавший у леди Белластон, несколько раз видел Софью и почувствовал к ней большое расположение. Известно, что красота никогда не кажется столь привлекательной, как в минуту испытываемого ею огорчения, и потому испуг Софьи настолько усилил его расположение к ней, что превратил его, можно сказать не преувеличивая, в настоящую влюбленность.

Легко себе представить, что влюбленный не пожелал упускать такого прекрасного случая познакомиться ближе с той, которая занимает его мысли; тем более даже простая благовоспитанность требовала, чтобы он сделал ей визит.

Поэтому на следующее же утро после происшествия в театре он явился к Софье с обычными поздравлениями и выражением надежды, что она не чувствует никаких дурных последствий вчерашнего приключения.

Любовь, подобно огню, однажды загоревшись, скоро раздувается в пламя: Софья в самое короткое время довершила свою победу. Время летело незаметно, и благородный лорд провел у молодой девушки целых два часа, не подумав, что засиживается слишком долго. Уже одного этого обстоятельства было довольно, чтобы встревожить Софью, которая в большей степени сохранила способность к наблюдению минут и часов; но взоры ее гостя говорили еще более красноречиво о происходящем в его груди: открытого признания в любви он, правда, не сделал, однако многие его выражения были слишком пылкими и слишком нежными, чтобы их можно было приписать учтивости даже в век, когда такая учтивость была в моде, - а всем хорошо известно, что в настоящее время в моде совершенно обратное.

Леди Белластон была извещена о визите лорда тотчас же по его прибытии; продолжительность этого визита красноречиво говорила ей, что все идет согласно ее желанию, и подтверждала правильность ее подозрения, возникшего при взгляде на юную парочку. Она рассудила, и, кажется, совершенно справедливо, что делу этому она никоим образом не должна помогать, присутствуя сама при свидании; соответственно этому ею отдано было слугам распоряжение сказать лорду, когда он будет уходить, что она желает его видеть; а тем временем она принялась обдумывать план, не сомневаясь, что его светлость с большой готовностью возьмется за его осуществление.

Лорд Фелламар (так звали молодого человека) не успел войти к ней в комнату, как она атаковала его таким обращением:

- Боже мой, милорд, вы еще здесь? Я уже думала, что слуги забыли передать вам мое приглашение, между тем как мне нужно поговорить с вами о важном деле.

- Да, леди Белластон, вы имеете полное право удивляться продолжительности моего визита; я просидел больше двух часов, а мне показалось, что и полчаса не прошло.

- Какие из этого следуют выводы, милорд? Беседа ваша была, должно быть, очень приятна, если время пролетело так незаметно.

- Клянусь честью, такой приятной беседы я не припомню, - отвечал он. Сделайте милость, леди Белластон, скажите, кто эта яркая звезда, так внезапно появившаяся среди нас?

- О какой яркой звезде говорите вы, милорд? - спросила леди с напускным удивлением.

- О леди, с которой я намерен познакомиться в вашем доме, которую почти вынес вчера из театра на руках и у которой пробыл сейчас так непозволительно долго.

- Ах, кузина Вестерн! - сказала леди.- Эта яркая звезда, милорд,- дочь одного сельского сквайра-мужлана; она всего две недели в столице, где никогда раньше не была.

- А я, право, готов был побиться об заклад, что она выросла при дворе. Не говоря уже о красоте, столько в ней грации, ума, обходительности.

- Bravo! Значит, кузину можно поздравить с победой,

- К сожалению, да: я влюбился в нее по уши.

- Ну, жалеть вам об этом не приходится; она очень богата: единственная дочь, и поместья отца приносят три тысячи фунтов годового дохода.

- В таком случае, сударыня, я считаю ее первой невестой в Англии.

- Что же, если она вам нравится, милорд, от души желаю вам успеха.

- Раз уж вы так добры, сударыня, то не могу ли я просить вас на правах родственницы сделать от моего имени предложение ее отцу.

- Вы говорите это серьезно? - спросила леди с напускной важностью.

- Надеюсь, сударыня, вы не настолько дурного мнения обо мне, чтобы думать, будто я способен шутить с вашей светлостью в подобном деле.

- В таком случае я охотно передам ваше предложение ее отцу и могу вас уверить, что он с радостью его примет. Но тут есть одно препятствие, о котором мне стыдно даже сказать, а между тем оно для вас непреодолимо. У вас есть соперник, милорд, которого мне совестно даже назвать по имени, но которого никогда не одолеете ни вы и никто на свете.

- Право, леди Белластон, вы повергли меня в такое уныние, что мне жизнь стала немила.

- Стыдитесь, милорд! Я думала, что это известие скорее воспламенит вас. Влюбленный - и говорит об унынии! Я думала, что вы спросите имя вашего соперника и немедленно бросите ему вызов.

- Уверяю вас, сударыня, я готов решиться на что угодно ради вашей прелестной кузины. Но кто же, однако, этот счастливец?

- Он, как, к сожалению, большая часть счастливцев на свете, человек самого низкого звания. Это нищий, незаконнорожденный, найденыш - словом, человек, который по своему положению ниже вашего последнего лакея.

- Возможно ли, чтобы это юное создание, украшенное всеми совершенствами, решило отдать себя такому недостойному человеку?

- Увы, милорд! Не забывайте, что она выросла в деревне, а деревня отравлена для молодых женщин. Там они набираются романтических понятий о любви и всяких бредней, так что столица и хорошее общество едва только за целую зиму в состоянии очистить их головы от этой дурь.

- Ваша кузина, сударыня, слишком большая драгоценность, чтобы дать ей погибнуть; надо спасти ее во что бы то ни стало.

- Но каким образом, милорд? Родные сделали уже все, что в их власти, но она точно во хмелю и непременно хочет себя обесчестить. Говоря откровенно, я каждый день жду, что она с ним убежит.

- Ваши слова, леди Белластон, глубоко меня трогают, ничуть не уменьшая моего преклонения перед вашей кузиной, только пробуждают во мне сострадание. Надо непременно найти средство спасти такое бесценное сокровище. Вы не пробовали ее образумить?

- Образумить! - воскликнула леди Белластон с деланным смехом. Полноте, милорд, вы слишком хорошо нас знаете, чтобы серьезно говорить о попытке

образумить молодую женщину. Эти бесценные сокровища так же глухи, как драгоценности на их нарядах. Время, милорд, одно только время способно вылечить от этой дури. Но я убеждена, что кузина моя не согласится принять это лекарство; я живу в ежедневном страхе за нее. Словом, тут могут помочь только крутые меры.

- Так что же делать?! - воскликнул лорд.- Какие принять меры? Есть ли какое-нибудь средство?.. Ах, леди Белластон, за такую награду на что бы только я не решился!

- Не знаю, что вам и сказать,- отвечала леди, помолчав; потом, опять помолчав, продолжала: - Право, ума не приложу, что мне с этой девушкой делать... Если ее спасать, так надо предпринять что-нибудь немедленно, и, как я уже сказала, тут могут помочь только крутые меры... Если вы действительно чувствуете такую привязанность к моей кузине (а надо отдать ей справедливость: если бы не это глупое увлечение, в безрассудстве которого она сама вскоре убедится, она вполне бы этого заслуживала), так, по-моему, здесь есть только один способ - правда, очень неприятный, мне почти страшно и подумать о нем... он требует, надо сказать, много смелости.

- О, в смелости у меня нет недостатка, сударыня; надеюсь, никто меня в этом не заподозрит. И надо быть порядочным трусом, чтобы пойти па попятный в настоящем случае.

- В вас я не сомневаюсь, милорд; гораздо больше сомневаюсь я в собственной храбрости, потому что мне придется рисковать здесь 04eifb многим. Словом, я должна буду оказать слишком большое доверие вашей чести, па какое едва ли благоразумно решаться женщине.

И в этом отношении лорд Фелламар скоро рассеял ее сомнения, потому что имя его было незапятнано, и, будучи о нем хорошего мнения, свет лишь отдавал ему должное.

- Ну, извольте...- продолжала леди Белластон.- Нет, страшно, не могу решиться... Нет. этого нельзя... По крайней мере, прежде нужно попробовать другие средства. Можете вы уклониться от всех приглашений и обедать сегодня у меня? Вам представится случай еще больше насладиться обществом мисс Вестерн... Уверяю вас, вам нельзя терять времени. У меня будут только леди Бетти, мисс Игл. полковник Гамстед и Том Эдварде; они скоро уйдут, а другим я велю отказывать. Таким образом, вы можете объясниться окончательно, а я найду способ доказать вам w привязанность к этому человеку.

Милорд с благодарностью принял приглашение и поехал переодеться, потому что было уже три часа утра или, по старинному счету, три часа пополудни.

ГЛАВА III Дальнейшее развитие того же замысла

Читатель, вероятно, давно уже догадался, что леди Белластон принадлежала к высшему свету (в котором занимала довольно высокое положение); но она играла также весьма видную роль в малом свете, каковым именем называлось весьма достойное и почтенное общество, еще недавно процветавшее в нашем отечестве.

В числе прочих прекрасных правил, составлявших устав этого общества, было одно особенно замечательное: как в славном клубе героев, образовавшемся в конце последней войны, все члены обязаны были драться, по крайней мере, по разу в день, так и в нашем обществе каждый член должен был рассказать в течение суток, по крайней мере, одну забавную небылицу, которая и пускалась по городу общими силами всего братства.

Об этом обществе ходило много рассказней, сочинявшихся, судя по некоторым приметам, самими же его членами. Например, что председатель его сам дьявол, который лично ведет собрания, восседая в креслах на почетном конце стола; но после самого тщательного расследования я убедился, что в этих рассказнях нет ни слова правды и что общество состояло из самых благонамеренных людей, а

распространяемые ими небылицы были безобидного свойства и имели целью лишь повеселить и доставить развлечение.

Эдварде тоже был член этого веселого общества. К нему-то и обратилась леди Белластон, как к лучшему исполнителю задуманного ею плана, и снабдила его небылицей, которою он должен был рассказывать по данной ею реплике; а реплику эту она намерена была подать лишь вечером, когда все, кроме него и лорда Фелламара, уйдут и они сядут играть в вист.

Итак, к этой минуте, выпавшей между семью и восемью часами вечера, мы и перенесем читателя. Леди Белластон, лорд Фелламар, мисс Вестерн и Том играли в вист, и за последней сдачей леди подала Тому условленную реплику таким образом:

- Право, Том, вы начали невыносимо запаздывать: бывало, рассказываете нам все городские новости, а теперь ничего не знаете, точно с того света являетесь.

Мистер Эдварде начал оправдываться:

- Я не виноват, сударыня: свет теперь так скучен, что о нем нечего рассказывать... Ах да, вспомнил: какой ужасный случай произошел с бедным полковником Вилькоксом... Бедняга Нед!.. Вы его знаете, милорд, да и все его знают. Право, я о нем ужасно беспокоюсь.

- А что такое? - спросила леди Белластон.

- Сегодня утром он убил на дуэли своего противника - вот и все.

Лорд Фелламар, не посвященный в заговор, озабоченно спросил, кого же он убил.

- Какого-то неизвестного молодого человека, недавно приехавшего из Сомерсетшира.- отвечал Эдварде.- Зовут его Джонсом; он близкий родственник мистера Олверти, о котором ваша светлость, вероятно, слышали. Я видел его втроем в кофейной. Ах, это был писанный красавец!

Софья, начавшая было сдавать карты, когда Том заговорил об убийстве на дуэли, остановилась и прислушалась (истории такого рода всегда волновали ее); но только что рассказчик кончил, как она возобновила сдачу: дала одному три карты, другому семь и третьему десять, потом выронила колоду из рук и упала на спинку стула.

Как обыкновенно бывает в таких случаях, поднялась суматоха, все поспешили на помощь. Софья, как водится, пришла наконец в себя и выразила желание, чтобы ее отвели к ней в комнату. По просьбе лорда леди Белластон рассказала ей всю правду, то есть объяснила, что это шутка и что она сама ее придумала;

она успокоила Софью уверением, что ни лорд, ни Том, хотя она его и подучила, не посвящены в тайну ее отношений с Джонсом.

Лорду Фелламару не требовалось других доказательств, чтобы убедиться в полной справедливости утверждений леди Белластон. Когда эта почтенная дама вернулась от Софьи, они смастерили вдвоем план, который хотя и не показался лорду слишком гнусным (так как он твердо обещал и твердо решил загладить потом свой поступок женитьбой), однако большинству наших читателей, несомненно, покажется отвратительным.

Роковой замысел положено было привести в исполнение на другой день, в семь часов вечера. Леди Белластон взялась устроить так, чтобы Софья была одна и лорда провели прямо к ней. Все в доме предполагалось привести в согласие с задуманным планом: большую часть слуг усладить, а миссис Гонору, чтобы не возбудить в ней подозрений, оставить при госпоже до самого приезда его светлости, после чего леди Белластон должна была отозвать ее как можно подальше от комнаты Софьи, так чтобы оттуда не донеслись никакие крики.

Договорившись на этом, лорд распрощался, а леди Белластон удалилась на покой, чрезвычайно довольная проектом, в успехе которого не имела никаких оснований сомневаться: устраняя досадную помеху в лице Софьи, он сулил ей

безмятежное наслаждение любовью с Джонсом, не подвергая ее при этом никаким нареканиям, если бы даже дело получило огласку. Впрочем, она твердо рассчитывала это предотвратить, состряпав свадьбу, на которую обещанная Софья, разумеется, легко согласится и от которой все ее родные будут в восторге.

Но в груди другого заговорщика было далеко не так спокойно - душа его металась в тревоге, так прекрасно описанной Шекспиром:

Меж совершеньем страшного злодейства
И первым побуждением к нему
Проходит срок, подобный наважденью
Или кошмару; смертные орудья
И дух совет между собою держат,
И человек тогда подобен царству,
В котором вспыхнуло восстание.

Правда, в ослеплении страсти лорд с жадностью ухватился за предложенный план, особенно поскольку он исходил от Софьиной родственницы, но когда подушка, этот друг размышления, представила перед глазами лорда Фелламара затеянное им дело со всеми его черными сторонами и со всеми неизбежными и вероятными его последствиями - решимость его начала слабеть, или, вернее, склоняться в другую сторону; наконец, после продолжавшейся всю ночь борьбы честь одержала в нем верх над вожделением, и он решил пойти к леди Белластон и отказаться от предприятия.

Леди Белластон, несмотря на поздний час, была еще в постели, и Софья сидела у ее изголовья, когда служанка доложила о прибытии лорда Фелламара; ее светлость приказала передать, что она его тотчас примет. Но только что служанка вышла, как Софья начала просить кузину не поощрять искательства этого гадкого (как сказала она, хотя не совсем справедливо) лорда.

- Я вижу его намерения,- сказала она,- вчера он совершенно явно ухаживал за мной, но я твердо решила этого не допускать; прошу вашу светлость не оставлять пас больше наедине и велеть слугам, чтобы они ему отказывали, если он будет меня спрашивать.

- Полно, душенька,- отвечала леди Белластон, - у вас, деревенских барышень, только и есть на уме что любовники; вы воображаете, что если мужчина с вами любезен, так он уж и ухаживает за вами. Лорд Фелламар - один из самых обаятельных кавалеров в столице, и я убеждена, что это с его стороны обыкновенное внимание к молодой женщине. Надо же такое выдумать! Впрочем, я от души желаю, чтобы ваше предположение оправдалось, и вы будете совсем шальной, если ему откажете.

- Ну, так как я шальная,- сказала Софья,- то надеюсь, что он перестанет беспокоить меня своими визитами.

- Чего же вам бояться, душенька? Если вы решили бежать с вашим Джонсом, кто же способен вас удержать?

- Честное слово, сударыня, вы меня обижаете. Я ни с кем не намерена бежать и не выйду замуж против желания отца.

- Хорошо, мисс Вестерн,- сказала леди,- если вы не расположены принимать гостей, так можете уйти к себе в комнату. Не в пример вам, я не боюсь лорда и велю просить его в свою туалетную.

Софья поблагодарила ее и удалилась; тотчас же после этого Фелламар был проведен к леди.

ГЛАВА IV, из которой будет видно, какой опасный адвокат женщина, когда она применяет свое красноречие в защиту дурного дела

Выслушав сомнения юного лорда, леди Белластон отнеслась к ним с таким же презрением, с каким мудрые знатоки закона, известные под именем ньюгетских

ходатаев, обходятся с угрызениями совести новичка-свидетеля.

- Вы нездоровы, милорд,- сказала она,- вам нужно принять лекарство. Придется послать к леди Эджли за каплями. Стыдитесь! Надо иметь больше мужества. Неужели вас так пугает слово "похищение"? Или вы так щепетильны?.. Право, случись история с Еленой в паше время, я бы ей не поверила, то есть не поверила бы смелости Париса, а не любви героини: все женщины любят отважных мужчин. Существует также история о похищении сабинянок,- но и она, слава богу, очень древняя. Вашу светлость, может быть, удивит моя начитанность, но, помнится, мистер Гук говорит, что из них вышли потом отличные лены. А из знакомых мне замужних дам немногие, кажется, были взяты своими мужьями насильно.

- Не смейтесь надо мной так безжалостно, дорогая леди Белластон, взмолился лорд Фелламар.

- Да неужели вы думаете, дорогой мой, что в Англии найдется хоть одна женщина, которая в душе не посмеялась бы над вами, какой бы недотрогой она ни казалась с виду?.. Вы заставляете меня высказывать странные вещи и выдавать заветные тайны моего пола, но я утешаюсь сознанием честности своих намерений и тем, что стремлюсь оказать кузине услугу: ведь я все же рассчитываю, что вы будете ей, несмотря на это, хорошим мужем,- я ни за что не посоветовала бы ей отдать себя пустому титулу. Мне было бы неприятно выслушивать потом ее упреки, что по моей милости она хпущта человека с характером, потому что даже враги не отрицают этого качества в вашем несчастном сопернике

Пусть те, кто имел удовольствие выслушивать подобные рассуждения от жены или любовницы, скажут, слаще ли они становятся оттого, что исходят из женских уст. Несомненно только, что они запали в душу лорда глубже всего того, что могли бы сказать по этому поводу Демосфен или Цицерон.

Заметив, что гордость юного лорда воспламенилась, леди Белластон, как искусный оратор, начала разжигать ей в помощь другие страсти.

- Милорд,- сказала она серьезным тоном,- благоволите вспомнить, что вы первый заговорили об этом, ибо мне вовсе не хотелось бы оставлять в вас впечатление, будто я навязываю вам свою кузину Восемьдесят тысяч фунтов говорят сами за себя. они не нуждаются в адвокате.

- Как и мисс Вестерн не нуждается в таком приданом,- отвечал лорд,- ни у одной женщины, по-моему, нет и половины ее прелестей.

- Ах, милорд,- возразила леди Белластон, смотрясь в зеркало,- смею вас уверить, были женщины и получше ее; впрочем, я ничуть не желаю умалять ее красоту: она действительно очаровательная девушка - и через несколько часов окажется в объятиях человека, который совершенно ее не заслуживает, хотя, надо отдать ему справедливость, характера он смелого.

- Надеюсь, сударыня,- сказал лорд,- хоть и должен признать, что он ее не заслуживает, ибо если небо пли ваша светлость не обманут моих надежд, так она еще сегодня будет моей

- Хорошо сказано, милорд,- отвечала леди.- Можете быть спокойны, я вас не подведу и на этой же неделе надеюсь назвать вас публично родственником.

Дальнейший их разговор состоял из восклицаний, извинений и комплиментов, которые приятно слышать от собеседника, но очень скучно читать в пересказе. Закончим же здесь этот диалог и перенесемся к роковому часу, когда все было подготовлено к гибели бедной Софьи.

Но так как это самое трагическое происшествие во всей нашей истории, то мы посвятим ему отдельную главу.

ГЛАВА V содержание которой отчасти возмутит, отчасти, поразит читателя

Часы пробили семь. Бедная Софья, одинокая и печальная, сидела за чтением трагедии. То был "Роковой брак", и она дошла до сцены, где несчастная Изабелла

расстается со своим обручальным кольцом.

Книга выпала у нее из рук, и слезы градом покатились на грудь. В этом положении она оставалась несколько минут, как вдруг дверь отворилась и вошел лорд Фелламар. Софья вскочила со стула при его появлении, а лорд, подойдя ближе, сказал с низким поклоном:

- Боюсь, мисс Вестерн, я вторгаюсь к вам довольно бесцеремонно.

- Да, милорд, должна сознаться, я несколько удивлена вашим неожиданным посещением.

- Если мое посещение неожиданно, сударыня,- отвечал лорд Фелламар, значит, мои глаза плохо выражали мои чувства, когда я в последний раз имел честь вас видеть, в противном случае вы нашли бы вполне естественным появление у вас человека, сердце которого вы похитили.

Несмотря на все свое смущение, Софья ответила на эту напыщенную фразу (и вполне справедливо, мне кажется) презрительным взглядом. Лорд произнес тогда другую в том же роде, еще более витиеватую. Софья, вся дрожа, отвечала:

- Вы, видно, с ума сошли, ваша светлость. Право, милорд, иначе нельзя оправдать ваше поведение.

- Да, я действительно не в своем уме, сударыня! - воскликнул он.- Но вы должны простить мне следствия безумства, которому вы сами причиной. Любовь совершенно отняла у меня рассудок, и я почти не соображаю, что делаю.

- Честное слово, милорд, я не понимаю ни ваших слов, ни вашего поведения.

- Так позвольте же мне, сударыня, объяснить у ваших ног, позвольте открыть мою душу и сказать, что я влюблен в вас до потери чувств. О дивное, божественное создание! Какой язык может выразить чувства моего сердца?

- Уверю вас, милорд,- сказала Софья, делая движение к выходу,- я не стану больше слушать ни одного вашего слова.

- О, не покидайте меня так жестоко! Если бы вы знали хоть половину моих мук, ваше нежное сердце пожалело бы то, что наделали ваши глаза.

Тут, испустив глубокий вздох, он схватил ее за руку и несколько минут говорил в стиле, который доставит читателю столь же мало удовольствия, сколь он доставил его Софье; окончил лорд заявлением, что, будь он властелином мира, он поверг бы его к ее ногам.

- А я, сэр,- гневно отвечала Софья, вырывая у него руку,- с одинаковым презрением отвергла бы и ваш мир, и его властелина.

С этими словами она направилась к двери, но лорд Фелламар опять схватил ее за руку и сказал:

- Простите, ангел мой, вольность, до которой довело меня только отчаяние... Поверьте, если бы я мог надеяться, что вы согласитесь принять мое звание и мое состояние, ничтожные только по сравнению с вашими прелестями, я смиренно предложил бы их вам... Но я не в силах лишиться вас... Клянусь небом, я скорее расстанусь с жизнью!.. Вы моя, вы должны быть и будете моей!

- Умоляю вас, милорд, оставьте ваше домогательство,- отвечала Софья. Клянусь вам честью, я не хочу и слушать об этом. Пустите мою руку, милорд; я ухожу сию минуту и не желаю больше вас видеть.

- В таком случае, сударыня, я не должен терять ни одного мгновения, потому что не могу и не хочу жить без вас...

- Что это значит, милорд? Я подниму тревогу, позову людей.

- Я ничего не боюсь, сударыня, только бы мне не лишиться вас: я предотвращу это несчастье единственным способом, какой остался в моем отчаянном положении.

С этими словами он заключил ее в свои объятия, и Софья закричала так пронзительно, что кто-нибудь непременно прибежал бы ей на помощь, если бы леди Белластон не позаботилась удалить все уши.

Но счастливый случай выручил Софью: в ту же минуту раздался другой голос, почти заглушивший ее вопль; по всему дому гремело:

- Где она? Я мигом ее найду, черт возьми! Покажи мне ее комнату, говорю! Где моя дочь? Я знаю, она здесь, в этом доме, и я увижу ее, если она жива! Покажи, где она!

С этими словами двери распахнулись, и в комнату вошел сквайр Вестерн в сопровождении священника и целого отряда мирмидонян.

Как плачевно должно было быть положение несчастной Софьи, если бешеный крик отца обрадовал слух ее! Действительно, появление его было для нее счастьем, потому что только оно одно на свете способно было спасти девушку от беды, которая навсегда лишила бы ее душевного мира.

Несмотря на испуг, Софья сразу узнала голос отца, а его светлость, несмотря на все ослепление страсти, узнал голос рассудка, повелительно заявившего ему, что сейчас не время совершать задуманную гнусность. Услышав, таким образом, приближающийся голос и поняв, чей он (потому что сквайр не раз прокричал слово "дочь", равно как и Софья в разгаре борьбы звала отца), Фелламар счел благоразумным оставить свою добычу, успев только измять ее шейный платок и насильно прижаться губами к ее нежной шее.

Если мне не придет на помощь воображение самого читателя, я не в состоянии буду описать положение нашей парочки в минуту появления Вестерна. Софья кое-как добрела по стула и упала на него, растерзанная, бледная, запыхавшаяся, пылая негодованием на лорда Фелламара, испуганная и в то же время обрадованная приходом отца.

Его светлость сидел возле нее, парик его съехал на плечо, костюм был в беспорядке, из-под кафтана выглядывало белье больше, чем требовала мода. Сам он был изумлен, испуган, раздосадован и пристыжен.

Что же касается сквайра Вестерна, то в эту минуту он был сражен врагом, так часто преследующим и почти всегда одолевающим деревенских джентльменов нашего королевства.- попросту говоря, он был пьян. Обстоятельство это в соединении с его природной запальчивостью могло иметь следствием только то, что он немедленно подбежал к дочери и накинулся на нее с самой площадной бранью; он пустил бы в ход и кулаки, если бы не вмешался священник, обратившийся к нему с таким увещанием:

- Ради бога, сэр, не забывайте, что вы в доме знатной дамы. Прошу вас, укротите свой гнев; сердце ваше должно наполниться радостью по случаю обретения вашей дочери. Оставьте мщение, оно принадлежит не нам. Я вижу на лице мисс Софьи глубокое сокрушение и уверен, что, если вы ее простите, она раскается во всех прошлых грехах и возвратится к повиновению.

Сила мышц священника принесла Софье больше пользы, чем сила его красноречия. Впрочем, последние его слова произвели известное действие, и сквайр отвечал:

- Я прощу ей, если она за него пойдет. Если ты пойдешь за него, Софья, я все тебе прощу. Чего ж ты молчишь? Ты выйдешь за него, черт меня побери, выйдешь! Чего ж, ты не отвечаешь? Экая упрямая стерва!

- Прошу вас, сэр, будьте сдержанней на язык,- сказал священник,- вы так напугали вашу дочь, что она не в силах произнести ни слова.

- Убирайся ты к ... ! - отвечал сквайр.- Значит, ты берешь ее сторону? Хорош священник, нечего сказать: заступает за непокорную дочь! Теперь черта с два получишь от меня приход! Скорее отдам его самому дьяволу!

- Покорнейше прошу прощения,- проговорил священник,- смею уверить вашу милость, я совсем не то разумел.

В эту минуту в комнату вошла леди Белластон и направилась прямо к сквайру,

который, следуя наставлениям сестры, низко ей поклонился на деревенский лад, сказал несколько любезностей и тотчас же перешел к жалобам:

- Вот, дражайшая кузина, вот перед вами самая непокорная дочь на свете; влюбилась по уши в нищего бродягу и не хочет выйти за одного из лучших женихов в Англии, за которого мы ее просватали.

- Право, любезный кузен, вы несправедливы к вашей дочери,- отвечала леди.- Поверьте, что она не так неблагоразумна и, конечно, не откажется от партии, выгоды которой не может не сознавать.

Леди Белластон умышленно делала ошибку: она хорошо знала, кого имеет в виду мистер Вестерн, но, вероятно, считала, что его легко будет склонить к принятию предложения лорда.

- Слышишь, что говорит миледи? - обрадовался сквайр.- Все твои родные за эту партию. Полно, Софи, будь умницей, будь послушной, осчастливь своего отца.

- Если смерть моя может вас осчастливить,- отвечала Софья,- то вы скоро будете счастливы.

- Это ложь, Софи, гнусная ложь, ты это знаешь,- сказал сквайр.

- Да, мисс Вестерн, вы оскорбляете своего отца,- заметила леди Белластон.- Ведь он заботится только о вашем благе, настаивая на этом браке. Я и все ваши друзья не можем не признать большой честью для всех нас сделанное вам предложение.

- Да, все мы, все,- подхватил сквайр.- Ведь не я это затеял. Леди знает, что мысль была мне подана твоей теткой... Полно же, Софи, еще раз прошу тебя: будь умницей и дай мне сейчас, при кузине, свое согласие.

- Позвольте мне соединить ваши руки, кузина,- сказала леди Белластон. Теперь не в моде терять время па ухаживанье.

- П правильно!-сказал сквайр. - Разве мало будет времени заняться этим потом? После венца извольте, никто вам не помешает!

Прекрасно зная, что леди Белластон имеет в виду его, и никогда не слышав ни слова о Блайфиле, лорд Фелламар был в полной уверенности, что и отец Софьи говорит о нем. Поэтому он подошел к сквайру и сказал:

- Хотя я и не имею чести, сэр, быть с вами знакомым, но так как вы соблаговолили принять мое предложение, то позвольте мне вступиться, сэр, и просить вас не вынуждать согласия у вашей дочери сию минуту.

- Вступиться! - воскликнул сквайр.- Да кто вы такой, милостивый государь?

- Я лорд Фелламар, сэр; я тот счастливец, кого, надеюсь, вы удостоите чести назвать своим зятем.

- Вот сукин сын, даром что в расшитом кафтане! - выругался сквайр.Зятем! Да убирайся ты к черту!

- Конечно, я снесу от вас, сэр, больше, чем от всякого другого,отвечал лорд,- но должен сказать вам, что я не привык к подобному языку и обижен.

- Ну и обижайся на здоровье! - продолжал сквайр.- Не думай, что я испугался такого ферта, как ты, оттого что у тебя прут сбоку болтается! Скинь-ка его, и я тебе покажу, как не в свои дела соваться! Я тебя научу, как тестем меня звать! Повыколочу твой кафтан!

- Довольно, сэр,- сказал милорд,- я не позволю себе бесчинства в присутствии дам. Я вполне удовлетворен. Ваш покорный слуга, сэр! Леди Белластон, мое вам нижайшее!

Когда он вышел, леди Белластон укоризненно сказала:

- Боже мой, сэр, что вы наделали! Вы не знаете, кого вы оскорбили: это человек очень знатный и богатый; вчера он сделал вашей дочери предложение, и я не сомневаюсь, что вы его приняли бы с величайшим удовольствием.

- Распоряжайтесь за себя, любезнейшая кузина,- отвечал сквайр,- а я не желаю

иметь дела с вашими лордами. Дочь моя выйдет за честного деревенского джентльмена; я ей отыскал жениха, и она будет его женой. Сердечно жалею, что она причинила вашей светлости столько беспокойства.

Леди Белластон произнесла какую-то учтивую фразу насчет беспокойства, на которую сквайр отвечал:

- Вы очень добры, и я всегда готов столько же услужить вашей светлости,- на то мы и родственники. Засим желаю вам покойной ночи... Идем, сударыня! Если не пойдешь волей, так я велю внести тебя в карету.

Софья отвечала, что уедет добровольно, но попросила разрешения сесть в портшез, потому что не в состоянии передвигаться другим способом.

- Уж не вздумай ли, голубушка, уверять меня, что не можешь ехать в карете? Скажите какие нежности! Нет, нет, будь покойна: теперь глаз с тебя не спущу, пока не выйдешь замуж!

Софья отвечала, что видит, что отец решил разбить ей сердце.

- Велика важность, если тебе его разобьет хороший муж! - воскликнул сквайр.- Гроша медного, полушки не дам за непокорную дочь! - И он силой потащил ее за руку.

Тут снова вмешался священник, прося сквайра обращаться с дочерью деликатнее. Мистер Вестерн только громко выругался и приказал ему придержать свой язык.

- Ты ведь не на церковной кафедре. Там можешь себе врать, что угодно, а я не позволю попам ездить на мне верхом и учить, как себя вести. Желаю вам спокойной ночи, сударыня! Пойдем, Софи! Будь умницей, и все будет хорошо. Выйдешь за него, голубушка, выйдешь!

Внизу встретила их миссис Гонора и, низко поклонившись сквайру, изъявила желание сопровождать свою госпожу; но он оттолкнул ее со словами:

- Проваливай, сударыня, проваливай. Чтоб ноги твоей больше не было в моем доме!

- Как, вы отнимаете у меня и мою горничную? - сказала Софи.

- Да, сударыня, отнимаю,- отвечал сквайр.- Не бойся, без горничной не останешься, достану тебе другую девушку, получше этой. Девушка! Ставлю пять фунтов против пяти шиллингов, что она такая же девушка, как моя бабушка. Нет, Софи, больше она не будет устраивать побегов, дудки!

И сквайр усадил дочь и священника в наемную карету, сел сам и приказал кучеру ехать в дом, где он остановился. Дорогой он оставил Софью в покое и развлекался чтением наставлений священнику, как должно вести себя перед людьми, выше нас стоящими.

Возможно, что ему не удалось бы так легко увезти дочь от леди Белластон, если бы эта почтенная дама пожелала ее удержать, но леди только радовалась предстоящему заточению Софьи; и так как ее план в отношении лорда Фелламара потерпел крушение, то она была очень довольна, что соперницу собираются насильно выдать за другого.

ГЛАВА VI Каким образом сквайру удалось отыскать свою дочь

Хотя читателю приходится безропотно мириться с присутствием во многих книгах и более непостижимых событий, чем появление мистера Вестерна, мы от всего сердца готовы сделать ему любое удовольствие и потому расскажем, каким образом сквайр открыл местопребывание своей дочери.

В третьей главе тринадцатой книги мы намекнули (ибо не в нашем обычае сообщать раньше времени более того, что требуется по ходу повествования), что миссис Фитцпатрик, очень желавшая примириться с дядей и теткой Вестерн, сочла, что ей представляется для этого удобный случай, если она окажет им услугу, удержав Софью от того самого поступка, который навлек на нее гнев родных. После

долгих размышлений миссис Фитцпатрик решила уведомить тетушку Вестерн о местонахождении Софьи и с этой целью написала ей следующее письмо, которое мы по многим причинам приводим дословно:

"Досточтимая тетушка!

Причина, побуждающая меня взяться за перо, заставит, может быть, дорогую тетушку принять благосклонно мое письмо, хотя бы ради одной из ее племянниц.- другая имеет мало оснований надеяться на такое счастье.

Итак, без дальнейших предисловий скажу, что, отправившись в путь с намерением броситься к вашим ногам, я, по самому странному стечению обстоятельств, встретила с кузиной Софьей, история которой вам известна лучше, чем мне, хотя, увы, и я знаю ее слишком достаточно - достаточно, чтобы видеть, как близка кузина, если не принять немедленных мер, к повторению роковой ошибки, которую, на свое несчастье, совершила я, по глупости и неведению не пожелав последовать вашим мудрым и предусмотрительным советам.

Словом, я его видела, я провела почти весь вчерашний день в его обществе, и должна признаться, что это обаятельный молодой человек. Как он со мной познакомился, скучно сейчас рассказывать, но сегодня утром я переменила квартиру, чтобы он не открыл при помощи свидания со мной, где живет кузина. Он этого еще не знает и не должен знать, пока дядя не принял мер для ее безопасности. Поэтому нельзя терять времени, и мне надо лишь сообщить вам, что она у леди Белластон, с которой я виделась и которая, кажется, намерена скрыть ее от родных. Вы знаете, сударыня, странности этой женщины; однако мне меньше всего пристало давать советы особе столь пронизательного ума и обладающей таким великим знанием света,- потому сообщаю вам только голый факт.

Надеюсь, сударыня, что это доказательство заботливости моей о благе родных поможет мне снова снискать благосклонность особы, всегда с таким усердием ограждавшей честь и истинные выгоды нас всех, и послужит средством вернуть ваше дружеское расположение, составлявшее такую существенную часть моего счастья в прошлом и столь необходимое для него в будущем.

С глубочайшим почтением,
досточтимая тетушка, ваша благодарная, почтительная племянница
и покорнейшая слуга
Гарриет Фитцпатрик".

Миссис Вестерн находилась теперь в доме брата, где жила со времени бегства Софьи, чтобы доставлять утешение бедному сквайру в постигшем его несчастье. Какого рода было это утешение, отпускаявшееся ею ежедневными порциями, читатель уже знает из предшествующих глав.

Письмо миссис Фитцпатрик было ей подано как раз в ту минуту, когда она, стоя спиной к камину со щепоткой нюхательного табаку, преподносила сквайру, курившему послеобеденную трубку, эту ежедневную дозу утешения. Прочитав письмо, она тотчас же передала его брату со словами:

- Вот, сэр, известие о вашей заблудшей овечке. Судьба возвращает вам ее; и если вы послушаетесь моих советов, так, может быть, ее удастся еще спасти.

Пробежав письмо, сквайр сорвался с места, швырнул трубку в огонь и от радости закричал "ура"; потом кликнул слуг, велел подать себе ботфорты, приказал оседлать Кавалера и других лошадей и немедленно послать за священником Саплом. Отдав эти распоряжения, он бросился к сестре и сжал ее в объятиях.

- Черт возьми, да вы как будто недовольны! - воскликнул он.- Можно подумать, вам досадно, что я нашел дочь.

- Братец.- отвечала она,- глубокие политики, смотрящие в корень, открывают часто перспективы, совершенно непохожие па то, что видно на поверхности вещей. Правда, дело ваше не так отчаянно, как были дела Голландии, когда Людовик XIV

стоял у ворот Амстердама, но оно требует деликатности, которой, извините меня, братец, вам сильно недостает. В обращении с дамой, занимающей такое высокое положение в свете, как леди Белластон, надо соблюдать приличия, которые требуют, боюсь, лучшего знания света, чем ваше.

- Я знаю, сестрица, что вы невысокого мнения о моих дарованиях, но в этом деле я покажу вам, какой я дурак. Знание света - подумаешь! Прожив так долго в деревне, я приобрел кой-какие знания насчет законов и обычаев страны. Я знаю, что имею право взять свое, где бы я его ни нашел. Покажите мне, где моя дочь, и если я не сумею ее достать, то можете называть меня дураком до конца дней моих. В Лондоне есть мировые судьи, как и в других местах.

- Право, вы заставляете меня дрожать за исход предприятия, которое, если вы послушаетесь моего совета, может быть успешно доведено до конца. Неужели вы действительно воображаете, братец, что в дом знатной женщины можно проникнуть с приказами об аресте и с помощью этих скотов, мировых судей? Я вас научу, как поступить. Приехав в столицу и прилично одевшись (а надо сказать, братец, что для этого не годится ни один из ваших теперешних костюмов), вы должны послать приветствие леди Белластон и просить позволения явиться к пей. Когда вы будете к ней допущены, - а она, разумеется, вас примет, - изложите ей ваше дело, не забыв при этом упомянуть мое имя (потому что вы хоть и родственники, а едва ли в лицо Друг Друга видели), и я уверена, что она лишит своего покровительства племянницу, которая, наверно, ее обманула. Это единственный способ действия... Мировые судьи! Да неужто вы думаете, что в цивилизованном государстве допустимо такое обращение с знатной дамой?

- Черт бы побрал всех этих барынь! - не унимался сквайр. - Нечего сказать, хорошо цивилизованное государство, где женщина выше закона! И с какой стати буду я посылать приветствия какой-то паршивой шлюхе, которая прячет дочь от родного отца? Повторяю вам, сестра, я не такой невежда, как вы думаете... Я знаю, вам бы хотелось поставить женщин выше закона, - да шалишь! Я слышал собственными ушами, как главный судья графства сказал на сессии, что в Англии нет человека, который стоял бы выше закона. Но ваш закон, видно, ганноверский!

- Я вижу, мистер Вестерн, что вы делаетесь с каждым днем все невежественнее. Ну настоящий медведь!

- Я такой же медведь, как вы медведица, сестра, - возразил сквайр. Толкуйте сколько угодно о своей учтивости, только я, ей-ей, не вижу ее в обращении со мной. Я не медведь и не кобель, хоть и знаю кой-кого, чье имя начинается с буквы с... Но к дьяволу это! Я докажу вам, что умею вести себя получше других!

- Можете говорить, что вам угодно, мистер Вестерн, - отвечала сестрица. - Je vous m'enrse de tout mon coeur! и потому не буду сердиться. Впрочем, как справедливо говорит моя племянница с этой ужасной ирландской фамилией, мне так дороги честь и истинные выгоды моих родных, что ради спасения Софьи я решила сама ехать в Лондон, потому что, ей-ей, братец, вы неподходящий посол при цивилизованном дворе... Гренландия, Гренландия - вот где вести переговоры такому мужлану, как вы.

- Слава богу, я перестал вас понимать: опять вы принялись за свою ганноверскую тарабарщину. Однако же по части учтивости я вам не уступлю, и если вы не сердитесь за мои слова, то и я не сержусь за то, что вы сказали. Я всегда думал, что родственникам глупо ссориться между собой; оно, конечно, случается иногда погорячиться, но потом отходишь; я не злопамятен. Это очень мило, что вы едете в Лондон, я был там всего два раза в жизни, и то недели по две - не больше, и, понятно, не успел за это время познакомиться как следует с улицами и людьми. Я никогда не отрицал, что вы знаете все это лучше меня. Мне спорить об этом с вами было бы все равно, что вам спорить со мной, как вести свору гончих или искать зайца.

- Могу вас уверить, что никогда об этом спорить не буду.

- Ну и я никогда не буду спорить о том.

Тут между враждующими сторонами, употребляя выражение миссис Вестерн, был заключен союз. Вскоре явился священник, были поданы лошади, и сквайр уехал, обещав последовать наставлению сестры, а сама она начала готовиться к отъезду на следующий день.

Дорогой сквайр рассказал священнику положение дела, и они сообща решили, что можно спокойно обойтись и без предписанных формальностей; сквайр поэтому передумал и по приезде распорядился, как уже было описано.

ГЛАВА VII, в которой беднягу Джонса постигают разные несчастья

В таком положении находились дела, когда миссис Гонора явилась, как мы видели, в дом миссис Миллер и вызвала Джонса. Оставшись с ним наедине, она начала так:

- Мистер Джонс, голубчик! Прямо сил нет рассказать! Пропали мы все - и вы, сэр, и бедная моя барышня, и я!

- Случилось что-нибудь с Софьей? - спросил Джонс, посмотрев на нее безумными глазами.

- Да уж хуже и быть не может! - отвечала Гонора.- Ах, другой такой госпожи мне не сыскать! Довелось же дожить до такого дня!

При этих словах Джонс побледнел как полотно, задрожал, и слова застряли у него в горле. Между тем Гонора продолжала;

- Ах, мистер Джонс, я навсегда потеряла свою барышню!

- Как? Что? Ради бога, говорите! О, моя милая Софья!

- Что правда, то правда,- такая уж она была милая со мной! Другого такую места уж не сыскать!

- К черту ваше место! - воскликнул Джонс.- Где... что... что случилось с Софьей?

- Ну да, конечно, слуг можно посылать к черту,-обиделась Гонора.- Вам все равно, что бы с ними ни случилось, хоть бы их выгнали вон па улицу. Мы ведь не из такой же плоти и крови, как другие люди,- так не все ли равно, что с нами станется.

- Если у вас есть хоть капля жалости или сострадания,- воскликнул Джонс,- скажите мне сейчас же, что случилось с Софьей!

- Верьте слову, я жалею вас больше, чем вы меня,- отвечала Гонора.ведь я не посылаю вас к черту оттого, что вы потеряли такое золото-барышню. Да, вас нужно пожалеть и меня тоже; честное слово, если была когда-нибудь добрая госпожа...

- Да что случилось?! - закричал взбешенный Джонс.

- Что?.. Что? - отвечала Гонора.- Да то, чего хуже не может быть ни для вас, ни для меня: отец приехал в Лондон и ^вез ее от вас.

Джонс упал на колени и возблагодарил бога, что не случилось ничего хуже.

- Да что же может быть хуже для нас с вами? Он увез ее, поклявшись, что она будет женой мистера Блайфила,- вот вам подарочек; а меня, несчастную, совсем выгнал вон.

- Право, миссис Гонора, вы перепугали меня до полусмерти. Я вообразил, что с Софьей случилось что-нибудь ужасное - что-нибудь такое, по сравнению с чем даже ее брак с Блайфилом пустяки. Но она жива, а где жизнь, там и надежда, дорогая Гонора. В нашей стране свободы женщину нельзя выдать .замуж насильно.

- Ваша правда, сэр. Вы можете еще надеяться; но, увы, какие надежды могут быть у меня, несчастной, и надо вам знать, сэр, я страдаю все по вашей милости. Сквайр разгневался на меня за то, что я взяла вашу сторону против мистера Блайфила.

- Поверьте, миссис Гонора, я живо чувствую все ваши услуги и всеми силами постараюсь вознаградить вас.

- Но, сэр, что может вознаградить слугу за потерю места, кроме поучения другою
- такого же хорошего?

- Не отчаивайтесь, миссис Гонора, я надеюсь восстановить вас на прежнем.

- Увы, сэр, могу ли я ласкать себя такими надеждами, зная, что они несбыточны? Ведь сквайр крепко зол на меня. Вот разве вы женитесь на моей барышне,- теперь я твердо надеюсь, что женитесь: вы такой щедрый, такой добрый барин; и я уверена, вы ее любите, и она души в вас не чает,- ни к чему это отрицать, ведь всякий, кто хоть немного знаком с моей барышней, это увидит: она, бедняжка, притворяться не умеет; а кому же и быть счастливыми, если не тем, кто друг друга любит? Счастье не всегда в богатстве,- а впрочем, у моей барышни достанет его на двоих. Уж как жаль будет, если такую парочку да разведут. Но нет, я уверена, что напоследок вы все-таки сойдетесь: чему быть, того не миновать. Если брак совершен на небесах, так уж никакому мировому судье его не развести. Хорошо, кабы отец Сапл был посмелее да сказал бы сквайру, что грешно силой выдавать дочь против ее желания; но он в полной зависимости от сквайра; он, бедняга, хоть и очень набожный и говорит, что нехорошо так делать, да только за спиной у сквайра, а в глаза ему и пикнуть не смеет. На сей раз, правда, он немного расхрабрился: я никогда его таким не видела, боялась, что сквайр его прибьет. Не грустите, сэр, не отчаивайтесь, все еще может обернуться к лучшему: пока вы уверены в моей барышне,- а в ней вы можете быть уверены, она ни за что не согласится выйти за другого. Только я до смерти боюсь, как бы сквайр сгоряча не сделал ей хуже: он ведь ух какой горячий! Боюсь, разобьет он бедной барышне сердечко, потому что оно у нее нежное, как у цыпленка. Жаль, что у пей нет ни на волос моей смелости. Кабы я кого любила, а отец вздумал бы посадить меня под замок, я бы глаза ему выцарапала, а уж до дружка своего добралась бы. Правда, приходится еще о приданом подумать: отец захочет - даст, не захочет - не даст, а это, понятно, меняет дело.

Слушал ли Джонс эти разглагольствования с напряженным вниманием, или же в речи Гоноры не было ни единой паузы - не знаю, только он ни разу не вставил ни слова от себя, а она говорила без умолку, пока в комнату не вбежал Партридж с известием, что приехала та важная дама.

Джонс попал в положение, отчаяннее которого невозможно себе представить. Гонора ничего не знала о его знакомстве с леди Белластон, и ей всех меньше желал бы он в этом признаться. Второпях, будучи подавлен полученными известиями, он придумал (как это обыкновенно бывает) самый худший выход и, вместо того чтобы выдать Гонору леди, что не имело бы никаких важных последствий, предпочел выдать леди Гоноре,- словом, он решил спрятать горничную, поспешно увел ее за кровать и задернул полог.

Хлопоты в течение целого дня по делу хозяйки и ее семьи, испуг, вызванный сообщением миссис Гоноры, и замешательство по случаю внезапного приезда леди Белластон совсем вышибли из памяти Джонса принятые им раньше решения; он и думать перестал, что ему следует играть роль больного, да с этой ролью не вязались ни нарядный костюм ею, ни свежий вид.

Поэтому прием, оказанный им леди, больше отвечал ее желаниям, чем ожиданиям: лицо Джонса дышало напускным радушием и не носило ни малейших следов действительной или притворной болезни.

Войдя в комнату, леди Белластон первым делом уселась на кровать

- Вы видите, голубчик Джонс,- сказала она,- ничто не в силах удержать меня надолго вдали от вас. Может быть, мне следовало рассердиться на вас за то, что я целый день вас не видела и не получала никаких известий. Между тем, если судить по вашей наружности, болезнь не подмешала бы вам выйти, да вряд ли вы и сидели целый день дома, разнаряженный, как молодая дама, принимающая гостей после родов. Не думайте, однако, что я намерена вас корить: я не хочу брать на себя роль докучной жены, чтобы не дать вам повода разыграть роль холодного мужа.

- Помилуйте, леди Белластон,- возразил Джонс,- как можно упрекать человека в

невнимании, когда он был весь к вашим услугам? Кто из нас, дорогая, имеет основание жаловаться? Кто вчера не сдержал слова и заставил несчастного любовника ждать, тосковать, вздыхать и томиться?

- Ах, не говорите, дорогой мистер Джонс! - воскликнула леди.- Если бы вы знали, что мне помешало, вы бы меня пожалели. Вы не можете себе представить, сколько даме из общества приходится терпеть от назойливости глупцов, если она желает разыгрывать светскую комедию. Я рада, однако, что ваша скука и тоска вам не повредили: никогда я еще не видела вас таким цветущим. Честное слово, Джонс, вы можете сейчас позировать для статуи Адониса!

Есть обидные слова, на которые человек, дорожающий своей честью, может ответить только пощечиной. С другой стороны, у любовников есть, надо думать, выражения, на которые можно ответить только поцелуем. Таков, по-видимому, был комплимент леди Белластон Джонсу, особенно если принять во внимание сопровождавший его нежный взгляд, который был выразительнее всяких слов. Джонс, бесспорно, находился в эту минуту в неприятнейшем и тягостнейшем положении, какое можно себе представить, ибо, продолжая наше сравнение, мы можем сказать, что, несмотря на брошенный леди вызов, Джонс не мог получить и даже потребовать удовлетворения в присутствии третьего лица: поединки этого рода обыкновенно происходят без секундантов. Так как это возражение не приходило в голову леди Белластон, не знавшей о присутствии в комнате еще одной женщины, то она была очень удивлена, не получив от Джонса никакого ответа; а Джонс, сознавая свое смешное положение, стоял поодаль и, не смея ответить как следует, молчал. Нельзя было бы себе представить ничего комичнее и в то же время трагичнее этой сцены, если бы она затянулась еще дольше. Леди уже раза два-три переменялась в лице, вскочила с кровати и опять на нее села, а Джонс желал, чтобы пол под ним провалился или потолок па него обрушился, как вдруг неожиданный случай освободил его из затруднения, из которого ни красноречие Цицерона, ни политика Макиавелли его не выручили бы без великого срама.

Этим спасительным случаем было прибытие Найтингейла-младшего, мертвецки пьяного, или, вернее, находившегося в том состоянии, когда человек перестает владеть рассудком, но еще владеет ногами.

Миссис Миллер и дочери ее уже спали, а Партридж курил трубку у кухонного очага; таким образом, Найтингейл беспрепятственно дошел до дверей комнаты мистера Джонса. Он их распахнул и уже собирался войти без церемонии, но Джонс сорвался с места и бросился ему навстречу настолько стремительно, что Найтингейл не успел даже переступить порог и разглядеть, кто сидит на кровати.

Найтингейл спяно принял комнату Джонса за свою, поэтому он во что бы то ни стало хотел войти, громко заявляя, что его не имеют права не пускать в собственную постель. Джонс, однако, с ним справился и передал в руки Партриджа, поспешившего явиться на шум.

После этого Джонсу поневоле пришлось вернуться к себе в комнату. Только что он перешагнул порог, как услышал возглас леди Белластон правда, не очень громкий - и в ту же минуту увидел, как она бросилась в кресло в таком волнении, что на ее месте женщина понежнее непременно лишилась бы чувств.

Дело в том, что, испуганная завязавшейся возней, исхода которой она не могла предвидеть, и слыша угрозы Найтингейла добраться до постели, леди попыталась спрятаться в знакомый ей уголок, но, к великому своему конфузу, нашла, что место уже занято.

- Разве так делают порядочные люди, мистер Джонс! - воскликнула она. Какая низость!.. Осрамить меня перед какой-то дрянью!

- Дрянью! - вскричала взбешенная Гонора, выскакивая из-за полога.- Ах, вот оно что!.. Дрянью, говорите?.. Хоть я и бедная и дрянью, да я честная, а это не всякая

богачка может про себя сказать.

Джонс, вместо того чтобы сразу же утихомирить миссис Гонору, как сделал бы более опытный волокита, принялся проклинать свою звезду и называть себя несчастнейшим человеком на свете, а потом, обратись к леди Белластон, начал довольно неуклюже уверять ее в своей невинности. Тем временем к леди успело вернуться самообладание, свойственное всякой светской женщине, особенно в таких случаях, и она спокойно отвечала:

- Сэр, ваши извинения совершенно излишни: я вижу теперь, кто эта особа. Сначала я не узнала миссис Гонору, но теперь я, разумеется, не могу подозревать вас ни в чем дурном, а она, я в том уверена, женщина слишком рассудительная, чтобы дурно истолковать мое посещение; я всегда была к ней расположена и при случае докажу это расположение на деле.

Миссис Гонора была столько же вспыльчива, сколько и отходчива. Ласковый тон леди Белластон сразу укротил ее гнев.

- Я знаю, сударыня,- отвечала она,- и я всегда была признательна вашей светлости за доброту, никто ко мне так хорошо не относился, как ваша светлость теперь, когда я вижу, что это ваша светлость, я, ей богу, готова язык себе откусить за такие слова. Чтобы я дурно подумала о вашей светлости? Да разве служанке пристало судить о том, что делает такая леди? Впрочем, что я говорю? Бывшая служанка я теперь никому больше не служу, несчастная... Я потеряла лучшую госпожу на свете...

Тут Гонора сочла уместным разразиться рыданиями.

- Не плачьте, душенька,- сказала добросердечная леди,- может быть, мне удастся вам помочь. Приходите ко мне завтра утром.

С этими словами она подняла с полу свой веер и, не удостоив Джонса даже взглядом, величественно вышла из комнаты: бесстыдство знатных женщин исполнено своего рода достоинства, которое тщетно пытаются проявить в подобных обстоятельствах простые смертные.

Джонс проводил леди по лестнице, не раз предложив ей руку, но она решительно отказалась от всяких ус туг и седа в портшез, не обращая внимания на его низкие поклоны.

По возвращении Джонса к себе в комната произошел длинный разговор между ним и миссис Гонорей, приходившей понемногу в себя после испытанных ею волнений. Предметом разговора была неверность Джонса ее барышне. Гонора долго и укоризненно говорила на эту тему, пока Джонс не нашел наконец средство умиротворить ее и даже добился у нее обещания хранить все это в строжайшей тайне, постараться завтра же отыскать Софью и известить его о дальнейших шагах сквайра.

Так кончилось это неприятное приключение, к удовольствию одной лишь миссис Гоноры, ибо тайна (как, может быть, известно из опыта некоторым моим читателям) есть приобретение часто весьма выгодное не только для того, кто свято ее хранит, но и для того, кто шепотом передает ее первому встречному, пока она не доходит до ушей всех и каждого, за исключением простака, щедро заплатившего за мнимое сокрытие того, что известно всему свету.

ГЛАВА VIII, краткая и приятная

Несмотря на все услуги, оказанные ей Джонсом, миссис Миллер не могла удержаться на следующее утро от мягких замечаний своему жильцу по поводу урагана, бушевавшего ночью в его комнате. Но эти замечания были так умеренны и дружественны, они так явно диктовались заботой о благе самого мистера Джонса, что последний, нимало не обидевшись, принял увещание почтенной дамы с благодарностью, выразил большое сожаление по поводу случившегося, извинился, как мог, и обещал не производить больше такого беспорядка в ее доме.

Но хотя миссис Миллер не могла обойтись без этой маленькой головной уборы при встрече со своим жильцом, однако он был приглашен вниз для гораздо приятнейшего дела, а именно: для исполнения обязанностей посаженного отца мисс Нанси на церемонии ее бракосочетания с мистером Найтингейлом, который был уже одет и настолько трезв, насколько должен быть трезв человек, получающий жену таким безрассудным способом.

Здесь, может быть, следует рассказать, как этот молодой джентльмен ускользнул от своего дяди и почему он явился ночью домой в описанном выше состоянии

Накануне, приехав с племянником к себе на квартиру, дядя велел подать вина, отчасти для убогатворения собственной персоны (ибо был большим приверженцем бутылки), отчасти же чтобы удержать племянника от немедленного осуществления его намерения, он стал усердно потчевать молодого человека, а тот хоть и не питал большой склонности к вину, но и не гнушался им настолько, чтобы послушаться дяди или огорчить его отказом, и в скором времени был совершенно пьян.

Только что дядя одержал эту победу и готовился уложить племянника в постель, как прибыл гонец с известием, которое настолько расстроило и потрясло старика, что он позабыл и думать о племяннике и всецело погрузился в собственные заботы.

Это неожиданное прискорбное известие состояло в том, что дочь его почти тотчас по отъезде отца убежала с молодым священником, их соседом; хотя у отца могло быть одно только возражение против ее выбора - именно, что священник не имеет гроша за душой, однако она не сочла нужным сообщить о своей любви даже столь снисходительному родителю, и вела она себя так ловко, что никто ничего не подозревал до самой минуты, когда все было кончено.

Старик Найтингейл по получении этого известия, в крайнем расстройстве, велел сию же минуту нанять почтовую карету и, поручив племянника попечению слуги, поспешно уехал, едва соображая, что он делает и куда едет.

По отъезде дяди слуга пришел укладывать племянника в постель, для этого он его разбудил и с большим трудом растолковал, что дядюшка уехал; однако племянник, вместо того чтобы принять предлагаемые ему услуги, потребовал портшез, и слуга, не получивший насчет этого никаких распоряжений, охотно исполнил его желание. Доставленный таким образом в дом миссис Миллер, племянник кое-как добрался до комнаты мистера Джонса, о чем было уже рассказано.

Когда препятствие в лице дяди было устранено (хотя молодой Найтингейл не знал еще, каким образом), стороны быстро закончили свои приготовления, и мать, мистер Джонс, мистер Найтингейл и его невеста сели в наемную карету, которая отвезла их в "Докторскую коллегия"; там мисс Нанси скоро была сделана, как говорится, честной женщиной, а бедная мать ее, в истинном смысле слова, счастливейшей из смертных.

Увидя, что его хлопоты в пользу миссис Миллер и ее семьи увенчались полным успехом, мистер Джонс обратился к собственным делам. Но тут, чтобы читатели мои не называли его глупцом за такую заботливость о других, а иные не усмотрели в его поведении больше бескорыстия, чем было в действительности, мы считаем нужным их уверить, что герой наш был далеко не бескорыстен и, доводя это предприятие до благополучного конца, получал значительную выгоду.

Этот кажущийся парадокс объясняется тем, что герой наш справедливо мог сказать про себя вместе с Теренцием: "Homo sum: humani nihil a me alienum puto"². Он никогда не бывал равнодушным зрителем чужого горя или радости и чувствовал то и другое особенно сильно, когда сам в какой-то степени являлся их причиной. Он не мог, следовательно, исторгнуть целую семью из глубочайшего отчаяния и вознести на вершину счастья, не испытывая сам великого наслаждения - большего, пожалуй,

чем то, какое часто доставляет людям окончание тяжелой работы или преодоление вопиющей несправедливости.

Читатели, похожие по своему душевному складу на нашего героя, найдут, я думаю, краткую главу эту весьма содержательной, тогда как другие были бы, вероятно, очень довольны, если бы, несмотря на свою краткость, она была вовсе опущена, как не ведущая к развязке - то есть, если я их правильно понимаю, не приближающая мистера Джонса к виселице или к какому-нибудь еще более ужасному концу.

ГЛАВА IX, содержащая любовные письма разного рода

По возвращении домой мистер Джонс нашел у себя на столе следующие письма, которые, по счастью, вскрыл в том порядке, в каком они были отправлены.

Письмо первое

"Положительно я в каком-то странном умопомрачении: как бы ни были тверды и основательны мои решения, через минуту я их меняю. Прошедшей ночью я решила не видеть вас больше, а сегодня поутру готова выслушать, если вы можете, как говорится, обелить себя. Между тем я знаю, что это неосуществимо. Я мысленно перебрала все, что вы можете придумать... А может быть, и не все. Может быть, вы изобретательнее. Приходите, следовательно, тотчас же по получении этого письма. Если вы состряпаете какое-нибудь извинение, я почти обещаю вам поверить. Скомпрометировать меня перед... Нет, не могу и думать об этом... Приходите сейчас же... Это третье письмо, что я вам пишу: два первых сожжены... я почти готова сжечь и это... Ах, я совсем теряю рассудок... Приходите сию минуту".

Письмо второе

"Если вы лелеете хоть какую-нибудь надежду на прощение или хотя бы на то, чтобы вас приняли в моем доме, приходите сию минуту".

Письмо третье

"Оказывается, вас не было дома, когда вам принесли мои записки. Как только получите эту, приходите ко мне... Я подвинусь из дома и не велю принимать никого, кроме вас. Конечно, ничто вас не может задержать надолго".

Джонс только что прочитал эти три записки, как вошел мистер Найтингейл.

- Что это, Том? - спросил он.- Верно, послания от леди Белластон по поводу ночного приключения? (В доме уже все знали, кто была гостья.)

- От леди Белластон? - переспросил Джонс довольно суровым тоном.

- Полно, Том, не таитесь перед друзьями, хотя я был вчера слишком пьян, чтобы ее разглядеть, но я видел ее в маскараде. Или вы думаете, я не знаю, кто такая царица фей?

- И вы действительно узнали ее в маскараде?

- Честное слово, узнал и намекал вам об этом раз двадцать потом, да вы всегда были так скрытны на этот счет, что я не решался говорить прямо. Ваша крайняя щепетильность в этом деле, друг мой, показывает, что репутация леди не настолько знакома вам, как сама она. Не сердитесь, Том, по, клянусь вам, вы не первый молодой человек, которого она обольстила. Поверьте, честь ее не подвергается сейчас никакой опасности.

Хотя с самого начала своей интриги Джонс не имел никаких оснований принимать леди за весталку, однако, совершенно не зная столицы и почти не имея в ней знакомых, он не подозревал о существовании так называемых женщин легкого поведения, то есть таких, которые, сохраняя всю видимость добродетели, завязывают интригу с каждым приглянувшимся мужчиной и которых, за исключением немногих, слишком щепетильных дам, посещает, как говорится, весь город,- словом, которых все считают такими, какими, однако, никто их не называет.

Убедившись теперь, что Найтингейл знает подробно о его похождениях, и догадываясь, что чрезмерная деликатность, которой он отличался до сих пор, в

данном случае, пожалуй, не требуемся, Джонс дал волю языку приятеля и попросил его рассказать откровенно все, что тот знает или слышал о леди.

Найтингейл, в характере которого вообще было много женского, имел большую слабость: любил поболтать и посплетничать. Поэтому, получив от Джонса позволение говорить не стесняясь, он начал длинный рассказ о леди; но рассказ этот содержал столько подробностей, не делавших ей чести, что из уважения к светским женщинам мы не станем его здесь повторять. Мы не хотим подавать будущим нашим комментаторам ни малейшего повода для каких-либо злобных заключений и для выставления нас в роли клеветников, о которой мы и не помышляли.

Внимательно выслушав рассказ Найтингейла, Джонс глубоко вздохнул. Заметив это, Найтингейл воскликнул:

- Эге! Да уж не влюблен ли ты, голубчик. Если бы я знал, что история моя тебя огорчит, я бы и рта не раскрыл.

- Ах, дорогой мой, я так далеко зашел с этой женщиной, что не знаю, как и выпутаться. Влюблен! Нет, друг мой, но я ей обязан, очень многим обязан. Раз вы столько знаете, я буду с вами совершенно откровенен. Может быть, лишь благодаря ей у меня был это кусок хлеба. Как же мне ее покинуть? А я должен это сделать, иначе буду повинен в самой черной измене другой женщине, неизмеримо более достойной, - женщине, дорогой Найтингейл, любимой мною со страстью, о какой немногие имеют понятие. Я с ума схожу, не знаю, что предпринять.

- А эта другая, простите, порядочная женщина? - спросил Найтингейл.

- Порядочная? - воскликнул Джонс.- Ничье грязное дыхание не смело коснуться ее имени. Горный воздух не чище, прозрачный ручей не светлее, чем ее честь. И телом и душой она само совершенство. Она прекраснейшее создание во вселенной и вместе с тем наделена такими благородными и возвышенными качествами души, что хотя я думаю о ней беспрестанно, но вспоминаю о красоте ее, лишь когда ее вижу.

- Так неужели, друг мой, владея подобным сокровищем, вы можете хоть минуту колебаться, оставить ли вам такую...

- Замолчите! Не оскорбляйте ее,- остановил его Джонс.- Я ненавижу неблагодарность.

- Ну, не вам первому она делает такого рода одолжения. Она замечательно щедра, если кто ей понравится; но позвольте мне сказать вам: она при этом так расчетлива, что ее щедрость скорее должна пробудить в мужчине тщеславие, чем внушить ему благодарность.

И Найтингейл так увлекся, заговорив на эту тему, и рассказал приятелю столько историй о леди Белластон, ручаясь за их достоверность, что в сердце Джонса погасло всякое к ней уважение, и также чувство признательности. Джонс начал видеть в ее милостях скорее жалованье, чем подарок, что роняло в его глазах не только дарительницу, но и его самого, и вызывало в нем сильнейшую досаду. От этого неприятного предмета мысли его, естественно, обратились к Софье; он живо представил себе ее добродетель, чистоту, любовь к нему, все, что ей пришлось из-за него вытерпеть,- и связь с леди Белластон показалась ему еще гнуснее. Следствием того было то, что Джонс решил, если только найдется благовидный предлог, отказаться от своей должности - так смотрел он теперь на свои отношения к ней,- хотя это и лишало его куска хлеба. Он сообщил о своем решении приятелю, и Найтингейл, подумав немного, сказал:

- Нашел, голубчик! Я нашел вернейшее средство: предложите ей быть вашей женой. Голову даю на отсечение, что это подействует.

- Сделать ей предложение? - воскликнул Джонс.

- Да, да, сделайте предложение, и она мигом от вас откажется. Я знал одного молодого человека, которого она когда-то содержала; он всерьез сделал ей предложение и был в ту же минуту оставлен.

Джонс объявил, что у него не хватит смелости проделать такой опыт.

- Может быть, мое предложение не так ее шокирует,- сказал он.- Ну, а если она согласится, что тогда? Я попал в собственные сети и погиб навеки.

- Нет, я дам вам средство, с помощью которого вы можете выпутаться в любую минуту.

- Какое средство?

- А вот какое. Молодой человек, о котором я вам сказал, один из самых близких моих друзей. Леди успела с тех пор так ему напакостить, что он ужасно на нее зол и, я уверен, охотно покажет вам ее письма. Это послужит вам благовидным предлогом порвать с ней и отказаться от своего слова, пока узел еще не завязан, если она действительно вздумает его завязать. Но я убежден, что она этого не сделает.

После некоторого колебания Джонс согласился последовать совету приятеля, но объявил, что у него не хватит смелости сделать предложение устно. Тогда Найтингейл продиктовал ему следующее письмо:

"Милостивая государыня!

Я чрезвычайно огорчен, что злосчастная отлучка из дому помешала мне получить вовремя приказания вашей светлости; а мое вынужденное промедление с оправданиями только усугубляет вашу досаду. Ах, леди Белластон, я в ужасе от мысли, какой опасности подвергают вашу репутацию досадные случайности! Есть только одно средство оградить ее. Мне нет надобности его называть. Позвольте мне только сказать, что я дорожу вашей честью, как своей собственной, и мое единственное желание - удостоиться милости повергнуть свою свободу к вашим ногам. Поверьте, я не могу быть вполне счастлив, если вы великодушно не предоставите мне законного права называть вас навсегда моей.

Пребываю, милостивая государыня, с глубочайшим почтением, вашей светлости премного обязанный покорнейший, нижайший слуга

Томас Джонс". На это письмо он немедленно получил следующий ответ:

"Сэр!

Читая ваше торжественное послание, такое холодное и церемонное, я готова была поклясться, что вы уже имеете то законное право, о котором говорите: что мы уже много лет составляем вместе уродливое существо, именуемое мужем и женой. Так вы в самом деле считаете меня дурой? Или воображаете себя способным настолько свести меня с ума, что я отдам в ваше распоряжение все свои средства, которые позволяют вам жить в свое удовольствие? Это ли доказательства любви, которых я ожидала? Этим вы благодарите за ...? Впрочем, считаю ниже своего достоинства укорять вас и восхищена вашим глубочайшим почтением.

P. S. Мне нет времени перечитать это письмо. Может быть, я сказала больше, чем хотела. Приходите вечером в восемь часов".

Джонс, по совету своего адвоката, отвечал;

"Милостивая государыня!

Невозможно выразить, как оскорбило меня ваше подозрение. Как могла леди Белластон подарить благосклонным вниманием человека, которого считает способным на такую низость? Как может она отзываться о священнейших узах любви с таким презрением? Неужели вы думаете, сударыня, что если, охваченный пылом страсти, я позабыл о подобающем уважении к вашей чести, то позволю себе продолжать сношения, которые едва ли могут долго укрыться от внимания света и, следовательно, окажутся роковыми для вашей репутации? Если вы такого мнения обо мне, то я при первой же возможности возвращу вам денежные подарки, которые имел несчастье получить от вас; за дары же более нежные навсегда пребуду и т. д."

Письмо заключалось точно такими же словами, как и первое. Леди ответила так:

"Вижу, что вы мерзавец, и презираю вас от всей души. Если вы ко мне явитесь, то не будете приняты".

Как ни велика была радость Джонса по случаю освобождения от рабства, бремя которого, как знают все его носившие, далеко не из легких, все-таки на душе его было не совсем спокойно. План этот заключал в себе слишком много коварства, чтобы им остался доволен человек, ненавидящий всякую ложь и нечестность; да Джонс никогда бы и не прибегнул к нему, не окажись он в таком отчаянном положении, когда ему волей-неволей приходилось поступить бесчестно либо с одной дамой, либо с другой; а читатель согласится, что как нравственные побуждения, так и любовь говорили ему гораздо сильнее в пользу Софьи.

Найтингейл был в восторге от успеха своей выдумки, за которую получил множество благодарностей и похвал от своего приятеля.

- Мы оказали друг другу прямо противоположные услуги, дорогой Том, сказал он. - Вы мне обязаны возвращением свободы, а я вам - утратой ее. Но если вы столько же счастливы, как и я, то мы, право, счастливейшие люди в целой Англии.

Тут оба джентльмена приглашены были к обеду, в приготовление которого миссис Миллер, сама исполнявшая обязанности кухарки, постаралась вложить все свое искусство, чтобы достойно отпраздновать свадьбу дочери. Это радостное событие она приписывала главным образом дружеской помощи Джонса; она была преисполнена благодарности к нему, и все взгляды, слова и действия почтенной вдовы так усердно выражали это чувство, что на долю дочери и даже новоиспеченного зятя перепадало очень мало внимания.

Сейчас же после обеда миссис Миллер получила письмо; но в этой главе уже и без того довольно было писем, а потому мы сообщим содержание его в следующей.

ГЛАВА X, состоящая частью из фактов, частью из замечаний по их поводу

Письмо, полученное в конце предыдущей главы, было от мистера Олверти. Он извещал, что едет в Лондон с племянником своим Блайфилом и просит, как всегда, приготовить для него помещение в первом этаже, а для племянника во втором.

Веселье, озарявшее до сих пор лицо бедной женщины, при этом известии немного омрачилось. Письмо порядком смутило ее. Отблагодарить новоиспеченного зятя за столь бескорыстный союз с дочерью, выпроводив его тотчас после свадьбы за двери, казалось ей непозволительным; с другой стороны, она не допускала и мысли отказать под каким-нибудь предлогом своему благодетелю в квартире, которая, в сущности, была его же собственностью. Надо сказать, что мистер Олверти, делая людям бесчисленные благодеяния, держался правил, диаметрально противоположных тем, какими руководится большая часть благотворителей: он всячески скрывал свою щедрость не только от посторонних, но и от тех, кому помогал. Слово "дать" он постоянно заменял словами "ссудить" или "заплатить" и, благодетельствуя человеку полными пригоршнями, словесно всегда старался умалить значение сделанного. Так, назначая миссис Миллер пенсию в пятьдесят фунтов стерлингов, он сказал, что платит эти деньги за квартиру в первом этаже, где будет останавливаться, приезжая в Лондон (чего почти вовсе не имел в виду), но в другое время она может ее сдавать, так как он всегда будет извещать ее о своем приезде за месяц. Теперь, однако, он так торопился в столицу, что не имел возможности предупредить ее заранее и, вероятно, второпях забыл оговорить, что рассчитывает на свою квартиру только в том случае, если она свободна, потому что охотно отказался бы от нее и не по такой важной причине, как новоселье молодых.

Есть, однако, люди, которые, как превосходно замечает Прайор, руководятся в своих поступках кое-чем повыше

Морали правил прописных,
Застылых, внешних, неживых,
Закона букву не блюдут...

Этих людей не удовлетворяет оправдательный приговор в Олд-Бейли и даже молчание суровейшего из судей - совести. Только благородное и честное им по душе,

и если поступок их хоть немного ниже идеала, они томятся и тоскуют, не находя покоя, точно убийца, которого страшит призрак убитого или образ палача.

Миссис Миллер была из их числа. Она не могла скрыть тревоги, вызванной письмом; но едва только она познакомила присутствующих с его содержанием и намекнула на то, что ее в нем смущало, как Джонс, ее добрый ангел, тотчас же вывел ее из затруднения.

- Не тревожьтесь, сударыня.- сказал он.- мои комнаты в любую минуту к вашим услугам, а мистер Найтингейл. покуда он еще не приготовил приличного помещения для супруги, согласится, я уверен, вернуться в свою новую квартиру, куда не откажется последовать с ним и миссис Найтингейл.

Предложение это тотчас было принято мужем и женой.

Читатель легко поверит, что лицо миссис Миллер снова осветилось признательностью к Джонсу, пожалуй, труднее будет его убедить, что герой наш доставил любящей матери больше удовольствия и прямо-таки умилил ее не столько тем, что вывел из затруднения, сколько тем, что назвал дочь ее миссис Найтингейл, впервые поразив ее слух этим приятным именем.

Следующий день был назначен для переезда молодых, а также мистера Джонса, нанявшего себе помещение в том же доме. где поселился его приятель. Все успокоились и провели день очень весело, за исключением Джонса, который наружно, правда, присоединился к общему веселью, однако сердце его не раз мучительно сжималось при мысли о Софье, особенно в связи с известиями о мистере Блайфиле (ибо он прекрасно понимал цель его поездки в Лондон); в довершение всего миссис Гонора, обещавшая разузнать о положении Софьи и принести ему известия на следующий вечер, обманула и не пришла.

При нынешних обстоятельствах Джонс едва ли мог надеяться на приятные вести; и все-таки он с мучительным нетерпением ждал миссис Гонору, точно она должна была явиться с письмом от Софьи, в котором ему назначалось свидание. Проистекало ли это нетерпение от естественной слабости человеческого ума, пробуждающей в нас желание знать самое худшее, только бы прекратить невыносимое состояние неизвестности, или из тайно лелеемой в душе надежды-решить не беремся. Но всякий, кто любил, отлично знает, как велика в таких случаях роль надежды. Ибо из всех способностей, создаваемых в душе любовью, удивительнее всего способность не терять надежды среди самого мрачного отчаяния. Трудного, невероятного и даже невозможного для нее совершенно не существует, так что к без памяти влюбленному приложимы слова Аддисона о Цезаре:

Пред ним крошатся Альпы, Пиренеи.

Впрочем, правда и то, что эта самая страсть делает горы из кротовых куч и ввергает человека в отчаяние среди самых блестящих надежд; но такие приступы уныния у здоровых натур непродолжительны. В каком душевном состоянии находился теперь Джонс, предоставляем догадываться читателю, потому что точными сведениями на этот счет не располагаем; верно только то, что, проведя два часа в ожидании, он не в силах был дольше скрывать свое беспокойство и удалился к себе в комнату. Тревога чуть не свела его с ума, но наконец пришло долгожданное письмо от миссис Гоноры, которое мы приводим дословно:

"Сэр!

Я бы непременно пришла к вам, согласно своему обещанию, если бы мне не помешала ее светлость; ведь вы хорошо знаете, сэр, что каждый заботится прежде всего о себе, а другого такого случая мне никогда не дожидаться, и дура была бы я, кабы не приняла любезного предложения ее светлости взять меня в горничные, когда я ее и не просила об этом. Ей-богу, она прекраснейшая барыня на свете, и кто говорит обратное, тот в душе дурной человек. Может статься, я и сама говорила что-нибудь такое,- так это по невежеству, и я искренне об этом жалею. Я знаю, вы

джентльмен благородный, и если я когда сболтнула что-нибудь такое, так вы не станете этого повторять и не захотите повредить бедной служанке, которая почитает вас больше всего на свете. Правду говорят: держи язык за зубами, потому что как знать, что может случиться; ведь скажи мне кто-нибудь вчера, что сегодня я буду на таком хорошем месте, так я бы ни за что не поверила; мне, ей-богу, и во сне этого не снилось, да я никогда и не метила ни на чье место; но раз уж ее светлость была так добра предоставить мне его сама, без моей просьбы, так ни миссис Итоф и никому другому бранить меня не за что! Я только беру то, что само падает мне в руки. Пожалуйста, никому ни слова о том, что я вам сказала, а я желаю вашей чести всякого добра на свете, и, поверьте моему слову, мисс Софья вам все-таки достанется. Ну, а я, вы сами понимаете, по могу вам больше служить в этом деле, потому у меня есть теперь госпожа и я не вольна собою распоряжаться, и прошу вашу честь никому не рассказывать о том, что было. И верьте, сэр, остаюсь по гроб вашей чести покорная слуга

Гонора Блакмор".

Джонс терялся в догадках насчет этого шага леди Белластон, между тем как она хотела только удержать в стенах своего дома человека, знавшего ее тайну, и тем положить конец дальнейшему ее распространению; но главное леди было нежелательно, чтобы тайна ее дошла до Софьи. Хотя молодая девушка была почти единственным лицом, которое ни за что не стало бы передавать ее другим, однако ее светлость не могла этому поверить: воспламенившись непримиримой ненавистью к Софье, она воображала, что подобное же чувство должно таиться и в нежном сердце нашей героини, куда оно на самом деле никогда не находило доступа.

Между тем как Джонсу мерещились тысячи злобных козней и тонких хитросплетений, которыми он объяснял себе служебную карьеру Гоноры, Фортуна, все время столь враждебная его союзу с Софьей, попытала новый способ окончательно расстроить это дело, поставив на пути нашему герою искушение, против которого он, казалось, не мог устоять в нынешних своих отчаянных обстоятельствах.

ГЛАВА XI, содержащая события любопытные, но не беспримерные

Одна дама, некая миссис Гант, короткая приятельница миссис Миллер, часто ее навещавшая, не раз встречала у нее Джонса. Ей было лет тридцать, так как сама она давала себе двадцать шесть; лицом и фигурой она могла еще нравиться, несмотря на некоторую склонность к полноте. Родные выдали ее совсем юной за старика купца, который, нажив большое состояние на Востоке, оставил торговлю. С ним она прожила двенадцать лет примерной женой, хотя это стоило ей труда и большого самоотречения; добродетель ее была вознаграждена смертью мужа и получением большого наследства. Теперь только что истек год ее вдовства, который она провела в глубоком уединении, встречаясь лишь с немногими близкими друзьями и деля свое время между исполнением религиозных обрядов и чтением романов, всегда составлявшим любимое ее занятие. Прекрасное здоровье, горячий темперамент и религиозный образ мыслей делали для нее новый брак совершенно необходимым, и она решила пожить со вторым мужем в свое удовольствие, как в первый раз вышла замуж, чтобы доставить удовольствие родным. Джонс получил от нее следующее письмо:

"Сэр!

С первого же дня, как я вас увидела, вы, мне кажется, могли ясно прочесть в глазах моих, что я к вам равнодушна; но ни язык мой, ни рука моя ни за что бы вам в этом не признались, если бы я не слышала о вас столько хорошего от ваших хозяек: рассказы и о вашем великодушии и доброте убеждают меня, что вы человек не только в высшей степени привлекательный, но и весьма достойный. От них же я имела удовольствие узнать, что ни наружность моя, ни образ мыслей, ни характер

мой вам не противны. Состояния моего довольно для счастья нас обоих, но без вас оно не может сделать меня счастливой. Знаю, что поступок этот навлечет на меня порицание, но я была бы недостойна вас. Если бы страх перед мнением света пересилил во мне любовь. Одно только препятствие меня останавливает: мне говорили, что вы заняты интригой с какой-то знатной дамой. Если вы готовы ею пожертвовать ради обладания мной, я ваша - если нет, то забудьте мою слабость, и пусть это останется вечной тайной между вами и

Арабеллой Гант).

Письмо это привело Джонса в сильное волнение. Обстоятельства его были очень плачевны, так как источник, из которого он до сих пор черпал, иссяк. От всех подарков леди Белластон у него оставалось не больше пяти гиней, а еще сегодня утром один поставщик требовал уплаты вдвое большей суммы. Возлюбленная Софья была во власти отца, и на ее освобождение он не имел почти никакой надежды. Жить на ее счет, на небольшие средства, принадлежавшие ей независимо от отца, Джонсу не позволяли ни гордость, ни любовь. Таким образом, состояние миссис Гант пришлось бы ему чрезвычайно кстати, и он, в сущности, не мог ничего возразить против ее предложения напротив, она ему нравилась больше других женщин, за исключением Софьи. Но покинуть Софью и жениться на другой,- нет, это было невозможно, он не мог и думать об этом. Впрочем, отчего же и не подумать, если Софья не может быть его женой? Не будет ли это даже благороднее, чем поддерживать в ней безнадежную страсть? Разве не требуют этого дружеские чувства к ней? На минуту эти доводы одержали верх, и Джонс уже решил было изменить Софье из высоких соображений чести; но все эти тонкости не могли устоять против голоса сердца, отчетливо называвшего такую дружбу изменой любви. Кончилось тем, что он потребовал перо, чернил и бумаги и написал миссис Гант следующее:

"Сударыня!

Пожертвовать интригой ради обладания вами было бы только слабой благодарностью за ваше благосклонное внимание, и я бы, разумеется, так и сделал, хотя бы и не был свободен, как в настоящее время, от всяких подобных дел. Но я не оправдаю вашего доброго мнения обо мне, если не скажу вам напрямик, что сердце мое принадлежит другой - женщине высокой добродетели, от которой я не могу отказаться, хотя ора, вероятно, никогда не будет моей. Избави боже. чтобы в ответ на ваше милое предложение я оскорбил вас, отдав вам мою руку, не имея власти отдать вместе с ней и сердце. Нет. скорее умру с голоду, чем совершу такую низость. Если бы даже моя возлюбленная вышла за другого, и тогда я не женился бы на вас, пока образ ее совершенно не изгладился бы из моего сердца. Будьте уверены, что тайна ваша будет свято сохранена в груди премного вам обязанного и благодарного, покорного слуги вашего

Т. Джонса".

Написав и отправив это письмо, герой наш подошел к письменному столу, достал оттуда муфту мисс Вестерн, покрыв ее поцелуями и зашагал по комнате с гордостью и самодовольством ирландца, нашедшего невесту с пятьюдесятью тысячами фунтов приданого.

ГЛАВА XII Открытие, сделанное Партриджем

Пока Джонс восторгался, таким образом, благородством своего поступка, к нему в комнату вприпрыжку вбежал Партридж, как он это обыкновенно делал, принося, или воображая, что приносит, хорошие вести. Он был послан поутру Джонсом выведать от слуг леди Белластон или иным способом, куда увезли Софью, и теперь вернулся с сияющим лицом доложить нашему герою, что пропавшая птичка нашлась.

- Я видел полевого сторожа, Черного Джорджа, сэр,- сказал он,- его взял в Лондон сквайр Вестерн в числе своих слуг. Я сразу узнал Джорджа, хотя не видел его

уже много лет; он, знаете, человек замечательный, или, говоря точнее, борода у него замечательная: такой огромной и черной я никогда не видывал. А Черный Джордж, однако, узнал меня не сразу.

- Хорошо, а где же твои приятные новости? - спросил Джонс.- Что ты узнал о Софье?

- Погодите,- отвечал Партридж,- я сейчас расскажу все по порядку. Вы ужасно нетерпеливы, сэр, вам хочется добраться до неопределенного наклонения, минуя повелительное. Так я сказал, сэр: он не сразу вспомнил мое лицо.

- К черту твое лицо! - воскликнул Джонс.- Что с Софьей?

- Ах, боже мой, сэр, я узнал о мисс Софье только то, что собираюсь рассказать, и давно бы уже рассказал, если бы вы не перебивали меня. Только не смотрите на меня так сердито, а то со страху у меня все выскочит из головы, или, правильнее, из памяти. Никогда вы не смотрели так сердито с самого дня нашего отъезда из Эптона: тысячу лет проживу, а уж этого дня не забуду.

- Ладно, рассказывай, как знаешь; ты, видно, решил свести меня с ума.

- Боже упаси и помилуй! Это мне уже дорого стоило: как я сказал, по гроб жизни помнить буду.

- Так что же Черный Джордж? - сгорал от нетерпения Джонс.

- Он, значит, припомнил меня не скоро. Да и точно, я с тех пор, как видел его, очень переменялся. Non sum qualis eram³. Много я перетерпел за это время, а ничто так не меняет человека, как горе. Говорят, от горя в одну ночь седеют. Так или иначе, но он наконец меня узнал, отрицать не буду; ведь мы с ним одних лет и вместе в школу ходили. Джордж был ужасный тупица, ну, да это не важно: успех в жизни не зависит от знаний. Я имею полное право утверждать это; впрочем, через тысячу лет все к одному придет. Да, так на чем бишь я остановился?.. Ах да... узнали мы друг друга, крепко пожали друг другу руки и решили зайти в пивную распить по кружечке,- к счастью, пиво оказалось превосходное, какого я в Лондоне еще не встречал. Ну, вот теперь, сэр, я дошел до главного: не успел я произнести ваше имя и сказать, что приехал в Лондон вместе с вами и вместе с вами живу здесь, как Джордж потребовал еще по кружке, объявив, что хочет выпить за ваше здоровье. И надо правду сказать, пил он так усердно, что сердце у меня радовалось: есть еще, думал я, благодарность на свете. Ну вот, выпили мы, и тогда я, чтоб в долгу не остаться, потребовал еще пива, и мы снова выпили за ваше здоровье, а потом я поспешил домой поделиться с вами новостью.

- Какой новостью? Ты ведь ни слова не сказал мне о Софье.

- Господи! Чуть было не забыл. Разумеется, была речь о молодой госпоже Вестерн, и Джордж мне все рассказал: мистер Блайфил едет сюда на ней жениться. Так пусть же, говорю, спешит, не то кое-кто перехватит раньше, чем он поспеет, и ох как жаль будет, говорю, мистер Сигрим, если это кое-кому не удастся, потому что кое-кто любит ее больше всех женщин на свете. Только по думайте, говорю, и пусть она не думает, чтобы он это ради денег; что касается этого, так, уверяю вас, есть тут другая леди, куда познатнее и побогаче,- влюбилась кое в кого так, что ни днем ни ночью покоя ему не дает.

Джонс вспыхнул и начал бранить Партриджа за то, что он его выдал, но педагог оправдывался тем, что никого не назвал по имени.

- Кроме того, сэр,- прибавил он,- поверьте мне, Джордж искренне вам предан и несколько раз посылал мистера Блайфила к черту; больше того, он говорил, что на все пойдет, чтобы только вам услужить; и это не пустые слова, ручаюсь вам. Выдал вас, вот тоже сказали! Да если не считать меня, так у вас нет на свете друга, преданнее Джорджа, который бы так готов был на всякую услугу.

- Ладно,- сказал Джонс, немного успокоившись,- так этот человек, пожалуй, действительно ко мне расположенный, живет в одном доме с Софьей?

- В том же самом! Ведь он служит у них, и уж как разодет! Если бы не черная борода, вы бы его не узнали.

- В одной услуге он мне, во всяком случае, не откажет: наверно, согласится передать письмо Софье.

- Вы попали в точку, *ad unguem*⁴. Как это мне не пришло в голову? Ручаюсь, он сделает это по первому вашему слову.

- Хорошо, оставь меня. Я напишу письмо, а ты передашь ему завтра утром; ведь ты знаешь, где его найти?

- Разумеется, я найду его, сэр, можете не беспокоиться. Пиво пришлось ему по вкусу, и уж теперь он без него не обойдется. Наверно, каждый день будет туда заглядывать.

- Так ты не знаешь, на какой улице живет Софья?

- Как не знать, сэр, знаю.

- Как же она называется, эта улица?

- Как она называется, сэр? Да она совсем рядом, улицы через две отсюда, не дальше. Названия ее я, правда, не знаю, он мне не сказал, а я не спросил,- знаете, чтобы не внушить подозрения. Нет, пет, сэр, это уж предоставьте мне одному. Я достаточно хитер, меня не проведешь.

- Да, ты удивительный хитрец. Но я все же напишу моему божеству, в надежде, что у тебя хватит хитрости найти сторожа завтра в пивной.

И, отпустив проникательного Партриджа, мистер Джонс сел писать, за каковым занятием мы оставим его на время... И закончим на этом пятнадцатую книгу.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ, ОХВАТЫВАЮЩАЯ ПЕРИОД В ПЯТЬ ДНЕЙ

ГЛАВА I О прологах

Слышал я об одном драматурге, говорившем, что ему легче написать пьесу, чем пролог; так и мне стоит меньше труда написать целую книгу этой истории, чем вступительную главу к книге.

По правде говоря, я думаю, много проклятий тяготеет над головой автора, впервые установившего обычай предварять пьесу куском словесности, известным под названием пролога; сначала он составлял часть самой пьесы, но в последние годы имеет обыкновенно так мало связи с драмой, перед которой его помещают, что пролог, написанный к одной пьесе, отлично может быть приставлен к любой другой. Наши теперешние прологи повторяют все те же три темы, именно: поношение вкусов столичной публики, осуждение всех современных писателей и восхваление данной пьесы. Высказываемые при этом мысли почти не меняются, да и как им меняться? Я и то изумляюсь великой изобретательности их авторов, ухитряющихся придумывать столько разных фраз для выражения одной и той же мысли.

Подобным же образом какой-нибудь будущий повествователь (если он окажет мне честь подражанием моей манере), боюсь, и меня помянет, после долгого почесывания в затылке, каким-нибудь добрым словом за изобретение этих вступительных глав, большая часть которых, подобно нынешним прологам, может предварять любую книгу этой истории и даже чьи-нибудь чужие произведения.

Но сколько бы ни страдали авторы от двух этих нововведений, читатель найдет довольно для себя пользы в одном из них, как зритель давно уже нашел ее в другом.

Во-первых, всем хорошо известно, что пролог дает критикам прекрасный повод испытать свое умение свистеть и проверить захваченные с собой свистки; таким образом, эти музыкальные инструменты настолько прочищаются, что при первом же поднятии занавеса способны действовать дружным хором.

Такие же выгоды можно извлечь из вступительных глав, в которых всегда найдутся предметы, могущие послужить оселком для благородного пыла критика и помочь ему с тем большим остервенением накинуться на самую книгу. Я думаю, нет надобности обращать внимание этих проникательных людей, как искусно эти главы

построены для указанной превосходной цели: мы всячески старались приправить их чем-нибудь остреньким и кисленьким, чтобы возбудить и обострить аппетит господ критиков.

Ленивый зритель или читатель тоже найдет здесь большую выгоду так как он не обязан смотреть прологи или читать вступления, затрагивающие театральные представления и удлиняющие книги, то первый может посидеть лишнюю четверть часа за обедом, а второй начать книгу с четвертой или пятой страницы вместо первой - обстоятельство, далеко не маловажное для людей, читающих книги только затем, чтобы сказать, что они их читали. Таких читателей гораздо больше, чем принято думать: не только своды законов и другие полезные книги, но даже творения Гомера и Вергилия, Свифта и Сервантеса часто перелистываются именно с этой целью.

В прологах и вступлениях есть и другие выводы, но они по большей части настолько очевидны, что мы не станем их перечислять, тем более что главным достоинством тех и других, считаем краткость.

ГЛАВА II Курьезное приключение со сквайром и бедственное положение Софьи

Теперь мы должны перенести читателя в квартиру мистера Вестерна на Пикадилли, где он остановился по совету хозяина гостиницы "Геркулесовы столпы", на углу Гайд-парка. Что касается гостиницы, первой попавшейся ему на глаза по приезде в Лондон, то он поместил там своих лошадей, а на квартире - первой, о которой он слышал,- расположился сам.

Приехав сюда от леди Белластон в наемной карете, Софья выразила желание удалиться в назначенную для нее комнату, на что отец охотно дал согласие и проводил ее туда сам. Тут у них последовал краткий разговор, не настолько содержательный или приятный, чтобы подробно его пересказывать: отец с жаром потребовал у дочери согласия на брак с Блайфилом, объявив, что через несколько дней жених ее будет в Лондоне, но, вместо того чтобы дать согласие, Софья отказала еще тверже и решительнее, чем прежде. Этот ответ так взбесил отца, что он в самых резких выражениях поклялся выдать дочь силой, хочет она или не хочет, выпустил заряд самых крепких словечек и ругательств и \шел, замкнув дверь и спрятав ключ в карман.

Между тем как Софья, подобно посаженному в одиночку государственному преступнику, осталась лишь в обществе огня и свечи, сквайр принялся за бутылочку со священником Саплом и хозяином "Геркулесовых столпов". Последний, по мнению сквайра, был превосходным собеседником: он мог рассказать им все городские новости и изложить положение дел "Как мне этого не знать,- говорил он,- ведь у меня стоят лошади самой первой масти".

В этом приятном обществе мистер Вестерн провел весь вечер и доброю часть следующего дня, и за это время не случилось ничего, достойного упоминания в нашей истории. Софья по-прежнему находилась в одиночестве: отец поклялся, что она не выйдет из заточения живой, если не согласится на брак с Блайфилом, и позволяет отпирать двери только для того, чтобы передать ей пищу, причем всегда присутствовал при этом сам.

На второе утро после его приезда, когда он завтракал со священником гренками и пивом, слуга доложил, что его желает милость какой-то джентльмен.

- Джентльмен? - удивился сквайр.- Кого же что черт принес? Сходи-ка, доктор, посмотри, кто там такой. Мистер Блайфил едва ли может приехать так скоро... Сходи, пожалуйста, узнай, что ему нужно.

Доктор вернулся с известием, что посетитель хорошо одет и по ленте на шляпе его можно принять за офицера; у него есть важное дело к мистеру Вестерну, которое он может передать только ему лично.

- Офицер!- воскликнул сквайр. - Какое может быть до меня дело офицеру? Если

он хочет получить наряд на подводы, так я здесь не мировой судья и не могу выдать .. Раз ему нужно поговорить со мной, пусть войдет

В комнату вошел изящно одетый мужчина и, поклонившись сквайру, попросил разрешения остаться с ним наедине.

- Я являюсь к вам, сэр, - сказал он, - по поручению лорда Фелламара, но совсем не с тем, чего вы, вероятно, ожидаете после сцены, разыгравшейся третье! о дня.

- Лорда какого? - спросил сквайр. - Никогда не слышал этого имени.

- Его светлость, - продолжал посетитель, - готов все это приписать действию вина и удовлетворится легким извинением с вашей стороны. Питая самые нежные чувства к вашей дочери, сэр, он меньше всего на свете желал бы помнить нанесенную ему вами обиду; счастье для вас обоих, что он не раз уже давал публичные доказательства своей храбрости и потому может предать это дело забвению, но опасаясь никакого ущерба для своей чести. Все, чего он желает от вас, это простого признания вашей вины в моем присутствии: он будет удовлетворен двумя вашими словами Сегодня после полудня он намерен засвидетельствовать вам свое почтение, в надежде, что вы ему позволите посещать вашу дочь на правах жениха.

- Я плохо вас понимаю, сэр, - отвечал сквайр, - но, судя по тому, что вы говорите о моей дочери, это, должно быть, тот самый лорд, которого мне называла леди Белластон, сказав что-то о его видах на Софью. Если это так, то передайте его светлости мое почтение и скажите, что дочь моя уже просватана.

- Может быть, сэр, - возразил посетитель, - вы недооцениваете значительности этого предложения Я полагаю, такая особа, такой титул и такое богатство нигде бы не встретили отказа.

- Послушайте, сэр, скажу вам начистоту: дочь моя уже помолвлена, да если б и не была, я бы ни за что не выдал ее за лорда Терпеть не могу этих лордов! Блюдолизы придворные, ганноверцы! Не желаю иметь с ними никакого дела.

- В таком случае, сэр, если решение ваше окончательное, то я должен пригласить вас от имени лорда сегодня же утром на свидание с ним в Гайд-парке.

- Можете ему передать, что я занят и не могу прийти. У меня и дома забот по горло, мне некогда разгуливать.

- Я полагаю, сэр, вы джентльмен и такого ответа не дадите Вы не пожелаете, я убежден, чтобы о вас говорили, он оскорбил благородного лорда и отказывается дать ему удовлетворение Из уважения к вашей дочери его светлость желал бы покончить дело иначе; но если он не может смотреть на вас как на тестя, то честь по позволяет ему оставить без ответа нанесенное вами оскорбление.

- Я его оскорбил! - воскликнул сквайр - Гнусная ложь. Никогда и ничем я не оскорблял его.

Посетитель ответил на это энергичным телодвижением, сопроводив его коротеньким словечком, которое, достигши уха мистера Вестерна, сообщило почтенному сквайру юношескую резвость: он вприпрыжку забежал по комнате, заорал благим матом, как бы скликая побольше зрителей подивиться его проворству.

Священник, еще не допивший своей кружки, был недалеко; он мигом явился на вопли сквайра, спрашивая:

- Господи, сэр, что случилось?

- Что случилось? Вот этот разбойник хочет, как видно, убить меня и ограбить... Ни с того ни с сего накинулся на меня с палкой, которая у него в руке, между тем как я, ей-богу, не подаю ему ни малейшего повода.

- Как, сэр? - возразил капитан. - Не вы ли мне сказали, что я лгу?

- Нет, клянусь спасением души моей, - отвечал сквайр, - я, может быть, сказал: "Ложь, что я нанес оскорбление лорду, но не думал говорить: "Вы лжете". Я соображаю, что я говорю. да и вам следовало бы соображать, что вы делаете, а не нападать на безоружного. Будь у меня палка в руке, вы бы не посмели меня ударить.

Я бы тебе своротил рыло на сторону! Сойдем во двор сию минуту; там я тебе одним ударом башку раскрою; а не то в пустой комнате на кулаках переведаемся. Знато проучу, век помнить будешь!

- Я вижу, сэр,- с негодованием сказал капитан,- что иметь с вами дело ниже моего достоинства; передам это и лорду. Жалею, что замарал о вас свою руку.

С этими словами он удалился; священник помешал сквайру его остановить и успел в этом без труда, потому что мистер Вестерн хотя и порывался, но, кажется, не очень склонен был осуществить свое намерение. Впрочем, когда капитан скрылся, он послал ему вдогонку несколько угроз и проклятий; но так как они сорвались с языка сквайра, когда офицер уже сошел с лестницы, и звучали все громче и громче по мере удаления последнего, то не достигли его слуха и, во всяком случае, не замедлили его шага

Бедная Софья, слышавшая из своей комнаты вопли отца от первого до последнего, сперва принялась топтать ногами, а потом накричала так же громко, как и сквайр, только более мелодичным голосом. Крик ее тотчас же заставил сквайра умолкнуть и обратил все его мысли к дочери, которую он любил так горячо, что боязнь малейшего грозящего ей несчастья мгновенно повергала его в трепет, ибо за исключением выбора жениха, от которого зависело счастье всей ее дальнейшей жизни, мистер Вестерн беспрекословно исполнял все ее желания.

Прекратив свою брань по адресу капитана и поклявшись, что притянет его к суду, сквайр поднялся к Софье, которую, войдя к ней, застал бледной и полуживой. Однако при виде отца она собрала все свои силы и, схватив его за руку, сказала:

- Ах, как я перепугалась, папочка! Надеюсь, с вами ничего не случилось?

- Нет, нет, ничего особенного,- успокоил ее сквайр.- Мошенник ударил меня не больно, но будь я проклят, если не притяну его к суду.

- Боже мой, да что же случилось? Кто вас обидел?

- Не знаю его имени,- отвечал Вестерн,- офицер какой-то. Мы платим за них налоги, а они нас бьют! Но я заставлю его заплатить за этот удар, если только у мошенника есть чем,-только вряд ли есть. Одет-то он с иголки, да, наверно, вершка земли своей нет.

- Но, ради бога, из-за чего вышла вся эта ссора?

- Да из-за чего же, Софи, как не из-за тебя? Все горе мое от тебя; ты скоро отца в гроб сведешь. Приглянулась ты какому-то мерзавцу лорду,- черт его знает, кто он такой,- и за то, что я ему отказал, он посылает мне вызов. Послушай, Софи, будь умницей, прекрати мучения своего отца: согласишься быть женой Блайфила; он будет в Лондоне сегодня или завтра; обещай за него выйти, как только он приедет, и ты сделаешь меня счастливейшим человеком на свете, а я сделаю тебя счастливейшей женщиной: у тебя будут роскошнейшие платья в Лондоне, и брильянты, и кареты шестерней. Я уж обещал Олверти отдать за тобой половину имения - сделаю больше! Ни перед чем не остановлюсь, все отдам!

- Может быть, папа будет так добр и выслушает меня? - робко спросила Софья.

- Что за вопрос, Софи? Разве ты не знаешь, что твой голос мне слаще, чем лай лучшей своры в Англии... Выслушать тебя, дорогая деточка? Я надеюсь слушать тебя до гробовой доски; и если, не дай бог, лишусь когда-нибудь этого удовольствия, так гроша медного не дам, чтобы прожить хоть минутой дольше... Право, Софи, ты не знаешь, как я тебя люблю,- нет, не знаешь, иначе ты бы не убежала и не покинула несчастного отца, для которого его маленькая Софи - одна только радость, одно утешение на свете.

При этих словах глаза его наполнились слезами, и Софья (тоже со слезами на глазах) отвечала:

- Я знаю, дорогой папа, что вы горячо меня любите, и бог свидетель, как искренне я люблю вас. Только страх быть насильно выданной за этого человека мог

заставить меня бежать от отца, которого я люблю так беззаветно, что для его счастья с радостью пожертвовала бы жизнью; больше того: я пыталась пересилить себя доводами рассудка и почти уже готова была согласиться на самую плачевную жизнь, лишь бы только угодить вам. Но это единственная вещь, которой я не могла сделать и никогда не сделаю.

Тут глаза сквайра засверкали, на губах его выступила пена;

Софья это заметила, но попросила дослушать.

- Если бы была поставлена на карту жизнь моего отца, его здоровье или действительное счастье,- продолжала она,- то дочь не остановилась бы ни перед чем; будь я проклята, если не перетерплю какой угодно муки, чтобы спасти вас... Я согласилась бы даже на самое ненавистное, самое отвратительное: ради вашего спасения я отдала бы руку Блайфилу...

- Говорю тебе, что как раз это-то меня и спасет: даст мне здоровье, счастье, жизнь, все, что угодно... Ей-богу, я умру, если ты мне откажешь; сердце не выдержит, ей-богу, не выдержит.

- Возможно ли это? Возможно ли, чтобы вы желали сделать меня несчастной?

- Нет, говорю тебе! - заорал сквайр.- Будь я проклят, если не сделаю чего угодно, чтобы только видеть тебя счастливой.

- Неужели же мой дорогой папа не допускает, что я знаю, в чем состоит мое счастье? Если правда, что счастлив тот, кто считает себя счастливым, то каково же будет мое положение, если я буду считать себя несчастнейшей женщиной на свете?

- Лучше воображать себя несчастной, чем узнать несчастье на деле, вышедши замуж за нищего бродягу без роду, без племени.

- Если вас это удовлетворит, сэр,- сказала Софья,- я торжественно даю вам слово, пока вы живы, не выходить без вашего согласия ни за него, ни за кого другого. Позвольте мне посвятить всю свою жизнь исключительно вам; позвольте мне снова стать вашей Софи, позвольте, как это было до сих пор, думать и заботиться только о том, чтобы доставлять вам удовольствие и развлекать вас.

- Нет, голубушка, меня этим не проведешь. Твоя тетушка Вестерн имела бы тогда полное право считать меня дураком. Нет, нет, Софи, поверь, что я умнее, чем она думает, и настолько знаю людей, чтобы не полагаться на слово женщины, когда дело касается мужчины.

- Чем же я заслужила такое недоверие, сэр? Разве я когда-нибудь нарушила данное вам слово? Солгала хоть раз в жизни?

- Так что ж из этого? Я решил сыграть эту свадьбу и сыграю,- будь я проклят, если не сыграю! Будь я проклят, если не сыграю, хотя бы ты повесилась на другое утро!

Повторяя эти слова, сквайр сжал кулаки, нахмурил брови, прикусил губы и так загремел, что приведенная в отчаяние, перепуганная Софья дрожа упала на стул, и если бы ее не облегчили слезы, то с ней случилось бы что-нибудь похуже.

Вестерн смотрел на терзания дочери так же спокойно и равнодушно, как смотрит ньюгетский тюремщик на отчаянье любящей жены при последнем свидании с приговоренным к смерти мужем или, скорее, так же, как честный лавочник, наблюдающий, как тащат в тюрьму бедняка из-за десяти фунтов, которые тот ему, бесспорно, должен, но лишен возможности заплатить. Пли, чтобы быть еще более точным, его душевное состояние похоже было на 10, которое испытывает сводня, когда попавшаяся в ее сети невинная девушка падает в обморок, получая от нее впервые приглашение выйти к гостям. Сходство было бы полным, если бы не то обстоятельство, что сводне выгодно поступать таким образом, отец же, хотя бы в своем ослеплении он думал иначе, решительно ничего не выгадывает, побуждая дочь к почти такой же проституции.

В этом положении сквайр покинул бедную Софью; сделав какое-то плоское

замечание насчет слез, он вышел, запер дверь на ключ и вернулся к священнику, который сказал в защиту заключенной все, что только посмел сказать; долг требовал от него, пожалуй, и большего, но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы привести сквайра в бешенство и заставить его разразиться самыми неприличными замечаниями по адресу всего духовного сословия, которое мы слишком уважаем, чтобы переносить *im* замечания на бумагу.

ГЛАВА III Что случилось с Софьей во время ее заключения

Хозяйка дома, где остановился сквайр, очень скоро составила странное мнение о своих постояльцах. Но, получив сведения, что сквайр очень богат, и позаботившись содрать с него за комнаты несуразную цену, она сочла за лучшее воздержаться от всяких замечаний. Хотя ей прискорбно было видеть заточение Софьи, о ласковости и приветливости которой она столько слышала от своей горничной и слуг сквайра, но было бы еще прискорбнее пожертвовать интересами своего кармана, и потому она не решилась раздражать постояльца, тем более что он ей показался джентльменом очень вспыльчивым.

Хотя Софья ела очень мало, но кушанье ей приносили исправно. Я даже думаю, если бы ей захотелось какого-нибудь изысканного блюда, то сквайр, несмотря на свой гнев, не пожалел бы ни трудов, ни денег для удовлетворения ее прихоти, — ведь как это ни покажется странным иному читателю, а он до безумия любил свою дочь и всячески угождать ей было для него величайшим наслаждением в жизни.

С наступлением обеденного часа Черный Джордж понес ей курицу и сквайр (покаявшийся не расставаться с ключом от ее комнаты; собственноручно открыл ему дверь. Поставив кушанье, Джордж обменялся с Софьей приветствиями (он ее не видел со времени ее бегства из деревни и знал, что она обращается со слугами с большим уважением, чем иные господа обходятся с людьми, стоящими чуть ниже их). Софья велела ему убрать кушанье, говоря, что не в состоянии есть, но Джордж стал уговаривать ее и в особенности рекомендовал ей яйца, которыми, по его словам, начинена была курица.

Все это время сквайр сторожил у дверей, но Джордж с этим не считался: исправляя высокую должность надсмотрщика за дичью, он был большим любимцем хозяина и позволял себе много вольностей. Он выпросил разрешение отнести Софье обед, говоря, что очень хочет ее видеть, и без стеснения заставил хозяина простоять у дверей более десяти минут, пока обменивался с Софьей ласковыми словами, за что сквайр только добродушно пожурил его, когда он выходил из комнаты.

Яйца кур, куропаток, фазанов, как хорошо знал Джордж, были любимым лакомством Софьи. Не удивительно, что по доброте своей он позаботился доставить ей это лакомство в то время, когда все слуги в доме боялись, что она уморит себя голодом: за последние сорок часов она почти не прикасалась к пище.

Хотя огорчение не на всех действует так, как на вдов, аппетит которых разыгрывается от него больше, чем от воздуха Банстедских возвышенностей или Солсберийской равнины, но и в самом безысходном горе, что бы ни говорили, человек наконец захочет есть. Так и Софья, подумав немного, принялась резать курицу, действительно начиненную лицами, как говорил Джордж.

Но кроме яиц, очень понравившихся Софье, в пен содержалось нечто, от чего Королевское общество пришло бы просто в восторг: ведь если курица с тремя ногами считается неоценимой редкостью, хотя природа создала, может быть, сотни таких, то чего же должна стоить птица, настолько нарушающая все законы птичьей анатомии, чтобы в желудке своем заключать письмо? Овидий рассказывает о цветке с буквами на лепестках, в который превращен был Гиацинт, и Вергилий рекомендует цветок этот вниманию тогдашнего Королевского общества как чудо; но ни одна эпоха и ни один народ не видывали еще птицы с письмом в зобу.

Хотя подобное чудо способно заинтересовать все европейские Academies des

Sciences⁵, которые, вероятно, так бы и не доискались до его причины, однако читатель, припомнив последний диалог между господами Джонсом и Партриджем, легко догадается, откуда явилось это письмо и как оно попало в курицу.

Несмотря на долгий пост и любимое кушанье, стоявшее перед ней, Софья, увидя письмо, поспешно схватила его, вскрыла и прочла следующее:

"Сударыня!

Если бы я не понимал, к кому имею честь писать, я постарался бы, как это ни трудно, изобразить вам весь ужас, с которым выслушал я рассказ миссис Гоноры о вашем положении. Только любящий способен составить истинное представление о муках любви, и, значит, моя Софья, в сердце которой столько нежности, без труда поймет, что должен был перечувствовать ее Джонс при этом печальном известии. Может ли что-нибудь на свете быть для меня мучительнее мысли, что вас постигло несчастье? Только одно, а именно: ужасное сознание, что я сам всему виной! Это сознание, дорогая Софья, не дает мне покоя. Может быть, я оказываю себе слишком много чести, но честь эта стоит мне так дорого, что никто, я думаю, ей не позавидует. Простите мне эту самонадеянность, простите еще большую самонадеянность, если я спрошу вас, не могут ли облегчить вашу участь совет мой, моя помощь, мое присутствие или отсутствие, моя смерть или мое страдание? Не могу ли самое высокое благоговение, самое безграничное уважение, самая пламенная любовь, самая трогательная нежность, самая беззаветная покорность вашей воле вознаградить вас за жертву, которую вам пришлось бы принести для моего счастья? Если могут, поспешите, дорогая, в объятия человека, всегда готового принять и защитить вас и не придающего никакого значения - придете ли вы к нему одна или принесете с собой богатства целого мира. Если же, напротив, в душе вашей одержит верх благоразумие и, по зрелом размышлении, вы найдете, что жертва эта слишком велика,- если нет у вас иного способа умиротворить отца вашего и вернуть мир вашей собственной душе, как только отказавшись от меня,- заклинаю вас, изгоните меня навсегда из ваших мыслей, проявите решимость, и пусть сострадание ко мне не находит доступа в ваше нежное сердце. Верьте, сударыня, я люблю вас настолько сильнее, чем себя, что ваше счастье есть главнейшая цель моей жизни. Первым моим желанием (отчего судьба не захотела его исполнить?) было и есть-простите, что я это говорю,- видеть вас каждую минуту счастливейшей из женщин; мое второе желание - слышать, что вы счастливы; но никакие мучения не сравнятся с моими - при мысли, что вы обязаны хоть одной неприятной минутой

всецело и во всех отношениях

вам преданному, сударыня,

Томасу Джонсу".

Что Софья сказала, или сделала, или подумала по поводу этого письма, сколько раз его перечитала и перечитывала ли вообще - все это предоставляем решить воображению читателя. Ответ ее он, может быть, увидит впоследствии, но не теперь, по той причине (между прочим), что теперь она вовсе не отвечала, тоже по многим основательным причинам, в частности, потому, что у нее не было ни бумаги, ни чернил.

Вечером Софья сидела, задумавшись о полученном письме, а может быть, о чем-нибудь другом, как вдруг страшный шум внизу прервал ее размышления. Шум этот был не чем иным, как ожесточенной перебранкой двух людей. По голосу одного из них она тотчас же узнала отца, но не вдруг догадалась, что визгливые ноты другого издаются органом тетушки Вестерн, которая только что приехала в Лондон и, узнав от одного из своих слуг, остановившегося в "Геркулесовых столпах", адрес брата, отправилась прямо к нему.

Простимся поэтому с Софьей и, со свойственной нам учтивостью, уделим внимание приехавшей даме.

ГЛАВА IV, в которой Софью освобождают из заточения

Сквайр и священник (хозяина постоянного двора с ними на этот раз не было) курили трубки, когда их уведомили о приезде миссис Вестерн. Едва услышав ее имя, сквайр тотчас же бросился ей навстречу, чтобы проводить наверх. Надо сказать, что он строго соблюдал все такие церемонии, особенно по отношению к сестре, которой боялся больше всего на свете, хотя никогда в этом не признавался, а может быть, и сам того не знал.

Миссис Вестерн, войдя в столовую, опустилась в кресло и начала жаловаться:

- Ну и путешествие! Ужас что такое! Дороги, кажется, сделались еще хуже, с тех пор как столь усердно издаются законы об их благоустройстве. Послушайте, братец, как вы попали в такую трущобу? Готова побожиться, что ни один порядочный человек не переступал еще за порог этого дона.

- Ничего не знаю,- отвечал сквайр,- по-моему, дом как Дом. Хозяин постоянного двора мне посоветовал. Ведь он тут всех бар знает, ну я и решил положиться на него.

- А где же племянница? - продолжала миссис Вестерн.- Побывали вы уже с визитом у леди Белластон?

- Племянница ваша в безопасности; она наверху, в своей комнате.

- Как! Она здесь и не знает о моем приезде?

- Нет, к ней никто не имеет доступа, потому что она сидит под замком. Она жива и здорова! Я взял ее у леди Белластон в тот же вечер, как приехал, и смотрю за ней во все глаза! Теперь я за нее спокоен: она у меня, как лисица в мешке.

- Боже мой, что я слышу! Я так и думала, что вы чего-нибудь натворите, если я пущу вас в Лондон одного! Но вы поставили на своем, и я умываю руки, потому что не давала согласия на ваш отъезд. Разве вы не обещали мне, братец, не применять никаких насильственных мер? Разве не эти насильственные меры заставили племянницу бежать из вашего дома? Вы, верно, хотите, чтобы это снова случилось?

- Тьфу, черт! Слыхали вы что-нибудь подобное?! - воскликнул сквайр, хватив трубкой об пол.- Я ждал, что вы меня за это похвалите, а вы вон как накинулись!

- Помилуйте, братец! Когда же давала я вам хотя бы малейший повод думать, что я одобряю заточение племянницы? Сколько раз твердила я вам, что в свободном государстве с женщинами нельзя обращаться деспотически! Мы так же свободны, как и мужчины, и, должна сказать, заслуживаем этой свободы больше, чем они. Если вы желаете, чтобы я хоть на минуту осталась в этом проклятом доме, чтобы я продолжала признавать вас своим родственником или заниматься вашими семейными делами, так позвольте сию же минуту освободить племянницу.

Она сказала это таким повелительным тоном, стоя спиной к камину и заложив одну руку за спину, а другою захватив щепоть табаку, что сама Фалестрида во главе амазонок была едва ли грознее ее. Неудивительно, что у бедного сквайра от страха душа в пятки ушла.

- Вот он! - сказал он, бросая ключ на стол.- Делайте с ним, что хотите. Я хотел только продержат ее до приезда Блайфила, который ждать себя не заставит. Но если до тех пор случится какая беда, так меня, пожалуйста, не вините.

- Головой отвечаю за все,- отвечала миссис Вестерн.- Но я вмешиваюсь в это дело не иначе, как с условием, чтобы вы всецело предоставили его моим заботам и ничего не предпринимали самостоятельно, без моих указаний. Если вы ратифицируете эти условия, братец, я постараюсь спасти честь вашей фамилии, если нет - сохраняю нейтралитет.

- Прошу вас, сэр,- сказал священник,- послушайте на этот раз совета миссис Вестерн: может статься, словами убеждения она добьется от мисс Софьи большего, чем вы могли бы учинить при помощи суровейших мер.

- Ты чего суешься? - закричал сквайр.-Если еще скажешь хоть слово, я тебя тут же плетью хвачу.

- Стыдитесь, братец! Разве можно разговаривать таким языком со священнослужителем? Мистер Сапл человек рассудительный и говорит вам дело; всякий, думаю, с ним согласится. Но, должна вам сказать, я жду немедленного ответа на мой категорический вопрос. Или предоставьте вашу дочь в мое распоряжение, или возьмите ее всецело под ваше сумасбродное руководство, и в таком случае я, при мистере Сапле, вывожу гарнизон из крепости и навсегда отрекаюсь от вас и вашего семейства.

- Разрешите мне быть посредником,- снова выступил священник, разрешите молить вас...

- Да ведь ключ лежит на столе,- сказал сквайр.- Она может взять его, если угодно. Кто ей мешает?

- Нет, братец,- отвечала миссис Вестерн,- я требую, чтобы он был вручен мне по форме, с полной ратификацией всех выговоренных условий.

- Извольте, вручаю его вам. Вот он,- сказал сквайр.- И я полагаю, сестрица, вы не вправе меня винить в нежелании доверить вам дочь. Ведь жиде же она с вами целый год, а то и больше, так что я ее и в глаза не видел.

- И как было бы для нее хорошо,- отвечала миссис Вестерн,- если бы она жила у меня всегда. Под моим присмотром с ней не случилось бы ничего подобного.

- Ну конечно, во всем я виноват!

- Да, виноваты, братец. Мне уже не раз приходилось вам это замечать, и впредь я буду делать это каждый раз, когда понадобится. Впрочем, надеюсь, вы теперь исправитесь, и сделанные вами промахи научат вас не портить своим неуклюжим вмешательством моих тонких ходов. Право, братец, вы не годитесь для подобных переговоров. Вся система вашей политики в корне порочна. Поэтому я еще раз требую, чтобы вы в это дело не мешались. Вспомните только о прошедшем...

- Да ну вас к черту! - не выдержал сквайр. - Чего вам от меня надобно? Вы хоть самого дьявола выведете из терпения.

- Ну вот, опять старая песня! Вижу, братец, что с вами не сговоришься. Призываю в свидетели мистера Сапла, он человек рассудительный: сказала я что-нибудь такое, за что можно рассердиться? Но с вашей упрямой башкой...

- Ради бога, сударыня,- взмолился священник,- не раздражайте вашего почтенного брата.

- Да разве я его раздражаю? - возразила миссис Вестерн.- Видно, вы такой же сумасброд, как и он. Ну ладно, братец, раз вы обещали не вмешиваться, я еще раз берусь уладить дело с племянницей. Помилуй господи, когда за что возьмется мужчина! Голова одной женщины стоит тысячи ваших.

И, произнеся эту сентенцию, она позвала служанку, велела проводить ее в комнату Софьи и ушла с ключом в руке.

Только что она скрылась, как сквайр (сначала тщательно затворив дверь) изверг по ее адресу десятка два проклятий и выругал ее площадными словами, не пощадив и себя за то, что вечно ей уступает, помня о наследстве.

- Ну, да если уж так долго унижался,- прибавил он,- так жалко будет упустить его из-за того, что напоследок не хватило терпения. Не вечно жить мерзавке, а завещание, я знаю, сделано на мое имя.

Священник весьма похвалил это рассуждение, и сквайр потребовал еще бутылку вина - средство, к которому он неизменно прибегал и на радостях и с досады. В этой целительной влаге, поглощенной им в изрядной дозе, он окончательно затопил весь гнев, так что миссис Вестерн, возвратясь в столовую с Софьей, застала его в самом кротком и миролюбивом расположении. Софья была в шляпке и накидке, и тетка объявила мистеру Вестерну о своем намерении увезти племянницу к себе па квартиру, ^потому что в такой трущобе порядочным людям жить не годится".

- Как вам угодно, сударыня,- отвечал Вестерн.- Дочери нигде лучше не будет,

чем у вас; вот и священник может засвидетельствовать, что я все время в ваше отсутствие называл вас умнейшей женщиной на свете.

- О да,- подтвердил священник,- я готов это засвидетельствовать.

- Я тоже всегда считала вас превосходнейшим человеком, братец, сказала миссис Вестерн.- Вы не станете, конечно, отрицать, что немного вспыльчивы, но когда вы даете себе труд размышлять, то я не знаю человека более рассудительного.

- Ну, если так, сестрица,- сказал сквайр,- то позвольте мне от всего сердца выпить за ваше здоровье. Я иногда горяч, но не злопамятен. Софи. будь же умницей и делай все, что прикажет тебе тетка.

- О, я в этом ни капельки не сомневаюсь,-отвечала миссис Вестерн.- У нее уж был перед глазами пример несчастной кузины Гарриет, которая погубила себя, не послушавшись моего совета. Да, братец, как вам это покажется? Только что вы уехали вчера в Лондон, как явился этот наглец с противной ирландской фамилией - Фитцпатрик. Он ворвался ко мне без доклада, иначе бы я его не приняла, и пустился рассказывать какую-то длинную невразумительную историю о своей жене, силой заставив меня его выслушать; но я вместо ответа подала ему ее письмо и приказала отвечать. Я думаю, эта несчастная Гарриет попытается разыскать нас, но вы, пожалуйста, ее не принимайте, потому что я решила ей отказать.

- Чтоб я ее принял? Нет, на этот счет будьте спокойны. Я таким озорницам не потатчик. Счастье для ее мужа, что меня не было дома, а то я бы его, сукина сына, выкупал в пруду! Видишь, Софи, к чему приводит непослушание? Пример у тебя перед глазами.

- Братец,- остановила его тетка,- не оскорбляйте с iуva моей племянницы повторением этих мерзостей. Почему вы не хотите предоставить все это дело мне?

- Хорошо, предоставляю, предоставляю,- отвечал сквайр. Тут миссис Вестерн, к счастью для Софи, прекратила этот разговор, распорядившись позвать портшезы. Говорю "к счастью", потому что, продолжись он еще, возник бы, вероятно, новый повод для перепалки между братом и сестрой, которые отличались друг от друга только полом и воспитанием: оба Сычи одинаково вспыльчивы и упрямы, оба горячо любили Софью и оба безгранично презирали друг друга.

ГЛАВА V, в которой Джонс получает письмо от Софьи и идет в театр с миссис Миллер и Партриджем

Прибытие в Лондон Черного Джорджа и услуги, обещанные этим признательным человеком своему благодетелю, много утешили Джонса посреди его тревог и беспокойства насчет участи Софьи; при посредстве упомянутого Джорджа он получил ответ на свое письмо, написанный Софьей в первый же вечер после освобождения из неволи: вместе со свободой ей возвращено было право пользоваться пером, чернилами и бумагой.

"Сэр!

Так как я не сомневаюсь в искренности вами написанного, то вы, верно, обрадуетесь, узнав, что я отчасти избавилась от своих неприятностей вследствие приезда тетушки Вестерн, у которой теперь живу, пользуясь самой широкой свободой. Тетушка лишь взяла с меня слово, что я ни с кем не буду видаться и сноситься без ее ведома и согласия. Я ей торжественно дала это слово и свято его сдержу. Она, правда, не запретила мне писать, но упущение это было сделано, вероятно, по забывчивости, а может быть, запрет сноситься с кем бы то ни было уже подразумевал запрет писать. Во всяком случае, я не могу смотреть на это иначе, как па злоупотребление ее великодушным доверием ко мне. и потому вам нечего рассчитывать на продолжение переписки со мной без ее ведома. Обещания для меня священны и касаются всего, что под ними подразумевается и что ими выражено; подумайте хорошенько, и взгляд этот, может быть, послужит вам утешением. Но зачем говорю я вам о подобном утешении? Хотя в одном случае я ни за что не

уступлю желанию моего отца, но все же я твердо решила не делать ничего ему не угодного и не предпринимать ни одного важного шага без его согласия. Так пусть же непреклонность моего решения отвратит ваши помыслы от того, что (может быть) не суждено нам судьбой. Этого от вас требуют ваши собственные интересы. Это может, я надеюсь, примирить с вами мистера Олверти, а если так, то прямо приказываю вам позаботиться об этом. Я вам очень обязана благодаря случайности и, вероятно, еще больше благодаря вашим добрым намерениям. Может быть, когда-нибудь судьба будет к нам милостивее, чем теперь. Верьте, что я всегда буду думать о вас, как, по-моему, вы того заслуживаете.

Обязанная вам, нижайшая слуга ваша, сэр,
Софья Вестерн.

Прошу вас не писать мне больше - по крайней мере, теперь - и принять прилагаемое, в котором я теперь вовсе не нуждаюсь, между тем как вам оно очень пригодится. Благодарите за эту безделицу только Фортуна, пославшую ее вам в руки".

Ребенок, только что выучивший азбуку, потратил бы на чтение этою письма меньше времени, чем Джонс. Чувство, пробужденное им в нем, было смесью радости и печали; оно несколько напоминало то, которое испытывает добрый человек, читая завещание умершего друга, где ему отказана крупная сумма, очень для него полезная ввиду его стесненных обстоятельств. В общем, однако, Джонс остался скорее доволен, чем опечален. Читатель, может быть, даже придет в недоумение, чем тут вообще быть недовольным; по читатель не влюблен, как бедняга Джонс, а любовь - болезнь, кое в чем, может быть, похожая на чахотку (которую иногда порождает), но во многом ей прямо противоположная, особенно в том, что никогда не обольщается и не изъясняет своих симптомов в благоприятном смысле.

Одно доставило ему полное удовлетворение - именно то, что его возлюбленная получила свободу и живет у тетки, где с ней, по крайней мере, будут пристойно обращаться. Другим утешительным обстоятельством было обещание Софьи не выходить замуж за другого, ибо, как ни бескорыстна казалась ему его любовь, как ни великодушны были все сделанные им в письме уверения, а я сильно сомневаюсь, чтобы что-нибудь могло огорчить его сильнее известия о замужестве Софьи, хотя бы партия была самая блестящая и сулила ей самое безмятежное счастье. Высокая степень платонической любви, вовсе отрешенной от всего плотского и всецело и насквозь духовной, есть дар, посылаемый лишь прекрасной половине рода человеческого; многие женщины, я слышал, изъясняли (и, вероятно, не шутя) величайшую готовность уступить любовника сопернице, если такая жертва необходима для его житейского благополучия. Отсюда я заключаю, что подобная любовь существует в природе, хоть и не могу похвалиться, что видел когда-нибудь пример ее.

Истратив три часа на чтение и целование вышеуказанного письма, мистер Джонс наконец пришел от этих мыслей в прекрасное расположение и согласился исполнить данное ранее обещание пойти с миссис Миллер и ее младшей дочерью в театр, на галерею, взяв с собой также мистера Партриджа. Обладая подлинным чувством юмора, которое у многих лишь притворное, Джонс ожидал много забавного от критических замечаний Партриджа, не изощренного в искусстве, по зато и не испорченного им п потому способного к простым и непосредственным впечатлениям.

Итак, мистер Джонс, миссис Миллер, ее младшая дочь и Партридж заняли места в первом ряду первой галереи. Партридж тотчас объявил, что это красивейшее место, в каком он когда-нибудь бывал. Когда заиграл оркестр, он сказал:

- Удивительно, как столько скрипачей могут играть все вместе, не сбивая друг друга.- Потом, увидя служителя, нажигавшего свечи на верхнем ярусе, воскликнул, обращаясь к миссис Миллер; - Смотрите, смотрите, сударыня: точь-в-точь как на

картинке в конце требника, перед молебном об избавлении от Порохового заговора.

А когда все свечи были зажжены, не удержался и со вздохом заметил, что здесь в одну ночь сгорает такая пропасть свечей, что честной семье бедняка их достало бы на целый год.

Как только началось представление (давали "Гамлета, принца датского"), Партридж весь обратился в слух и не прерывал молчания до самого появления призрака; тут он спросил Джонса:

- Что это за человек в такой странной одежде? Помнится, я видел такого где-то на картине. Он в доспехах, не правда ли?

- Это призрак,- отвечал Джонс.

- Рассказывайте, сэр! - с улыбкой возразил Партридж.- Правда, мне никогда в жизни не случалось видеть призрака, но если б случилось, то, поверьте, я бы сразу узнал. Какой это призрак? Нет, пет, призраки не являются в таком наряде.

В этом заблуждении, сильно насмешившем соседей, Партридж оставался до сцены между призраком и Гамлетом. Игре мистера Гаррика он поверил больше, чем словам Джонса, и его бросило в такую дрожь, что коленки застучали друг о друга. Джонс спросил, что это с ним,-неужели он испугался облаченного в доспехи человека на сцене?

- Ах, сэр, теперь я вижу, что вы сказали правду. Я ничего не боюсь: я знаю, что все это только представление. Да если это и вправду призрак, то на таком расстоянии и при народе он не может сделать никакого вреда. Впрочем, если я испугался, то испугался не один.

- Вот как! Кто же здесь, по-твоему, еще такой же трус? - спросил Джонс.

- Называйте меня трусом, если вам угодно; но если тот человечек на сцене не перепуган, значит, я отроду не видел испуганных людей... Как бы не так! Пойти с тобой! Нет, таких дураков не сыщешь! Как? Все-таки идешь? Господи, да ведь это же безумие!.. Теперь, если что случится, сам будешь виноват... Идти за тобой? Да я за чертом скорее пойду. А может, это и есть сам дьявол... Говорят, он может принимать образ, какой ему вздумается... Ах, вот он опять!.. Ни шагу дальше! Ты и так уж далеко зашел; дальше, чем я бы решился за все королевские владения.

Джонс попробовал что-то сказать, но Партридж остановил его:

- Те! Те! Разве вы не слышите, сэр: он заговорил. В продолжение всей речи призрака он сидел, разинув рот и но сводя глаз с призрака и с Гамлета; на лице его отражались все чувства, сменявшиеся в Гамлете.

По окончании этой сцены Джонс сказал ему:

- Ты превзошел мои ожидания, Партридж: никогда не думал, чтобы пьеса могла доставить тебе столько удовольствия.

- Я не виноват, сэр, что вы не боитесь черта,- отвечал Партридж,- а только это натурально - дивиться таким вещам, хоть я и знаю, что ничего такого в них нет; да призрак ничуть и не испугал меня: ведь это обыкновенный человек в диковинном наряде; только как я увидел, что тот маленький испугался, так и меня в дрожь бросило.

- И ты думаешь, Партридж, что он действительно испугался?

- Конечно, сэр,- отвечал Партридж,- неужто вы сами не заметили, что, когда он узнал в призраке дух своего отца и услышал, как его умертвили в саду, страх его постепенно прошел и сменился немой скорбью: точь-в-точь как было бы со мной, будь я на его месте! Те! Те! Что это за шум? Никак, он опять... Хоть я и понимаю, что все это не всерьез, а, ей-богу, рад, что сижу здесь, а не внизу, вон там, где те люди... Да, да, вытаскивай меч! продолжал он, устремив взор на Гамлета.- Что ты сделаешь мечом против нечистой силы?

В продолжение второго действия Партридж не делал почти никаких замечаний. Он только дивился красоте костюмов и не мог удержаться, видя выражение лица

короля:

- Как же обманчиво может быть лицо человека! *Nulla fides fronti*⁷, - по-моему, правильно сказано. Кто б мог подумать, посмотрев на короля, что он совершил убийство?

Потом он спросил о призраке, но Джонс, желая видеть, как он будет поражен, сказал только, что, может быть, он скоро увидит его в блеске пламени.

Партридж с трепетом ждал этой сцены; а когда призрак появился снова, он воскликнул:

- Вот он, сэр! Что вы теперь скажете? Испугался тот или нет? Испугался не меньше меня. Да и как тут не струсить? Ни за что на свете не хотел бы я быть на месте - как бить его? - сквайра Гамлета. Господи помилуй! Куда же девался дух? Побожусь, мне показалось, что под землю провалился!

- Да, глаза тебя не обманули, - отвечал Джонс.

- Ну да, я понимаю, это только представление, - продолжал Партридж, кроме того, будь это взаправду, так миссис Миллер не смеялась бы, потому что вы-то, сэр, самого черта не испугаетесь... Пойдите, пойдите... Да, не удивительно, что ты в таком гневе: раскромсай ее, злодейку, на куски! Будь она мне родная мать, я бы не пощадил ее. После таких дел какая же может быть речь о почтении к матери?... Ступай с богом, мне противно смотреть на тебя.

Сказав это, наш критик сидел молча до представления, которое Гамлет дает королю. Этой сцены он сначала не понял, но когда Джонс разъяснил ему смысл ее, он благословил судьбу, что никогда не совершил убийства; потом, обратившись к миссис Миллер, спросил, не показалось ли ей, что король встревожен, хоть он хороший актер и всеми силами старается это скрыть.

- Вот уж не взял бы на душу греха этого злодея, даже чтобы сесть в кресло и повыше того, в котором он сидит. Не мудрено, что дал тягу. Из-за тебя больше не буду верить самой честной физиономии.

Внимание Партриджа привлекла далее сцена с могильщиками. Он был очень удивлен количеством выброшенных на сцену черепов, но Джонс объяснил ему, что действие происходит на одном из известнейших кладбищ столицы.

- Ну, так и не мудрено, что тут встают привидения, - отвечал Партридж. Но хуже этого могильщика я отроду не видывал. Когда я был причетником, так наш пономарь выкопал бы три могилы, пока этот возится с одной. Он действует заступом так, точно первый раз в жизни взял его в руки. Пой, голубчик, пой! Видно, петь легче, чем работать.

Увидя, как Гамлет берет череп, он воскликнул:

- Удивительно, какие смельчаки на свете бывают! Я не мог бы заставить себя прикоснуться к останкам мертвеца ни за что на свете... А призрака все-таки испугался. *Neino omnibus horis sapit*.

Больше в продолжение спектакля не случилось ничего, достойного упоминания. Когда представление кончилось, Джонс спросил Партриджа, кто из актеров понравился ему больше всех, и педагог отвечал, несколько даже обиженный за такой вопрос:

- Разумеется, король.

- Значит, вы расходитесь с общим мнением, мистер Партридж, - заметила миссис Миллер. - Все в один голос говорят, что Гамлета играет лучший актер, какой когда-либо выступал на сцене.

- Лучший актер? - повторил Партридж с презрительной усмешкой. - Да я сам сыграл бы не хуже. Если бы мне явился призрак, я поступил бы точь-в-точь, как он. А в сцене, как вы это называете, между ним и матерью, когда вы сказали, что он так тонко играет, - господа, да ведь каждый порядочный человек, имея дело с такой матерью, поступил бы точно так же. Вы, я вижу, подшучиваете надо мной. Правда, я

никогда не бывал в лондонских театрах, но я видел, как играют в провинции. Король - дело другое: каждое слово произносит внятно, вдвое громче, чем Гамлет. Сразу видно, что актер.

Между тем как миссис Миллер разговаривала с Партриджем, к мистеру Джонсу подошла дама, в которой он тотчас же узнал миссис Фитцпатрик. Она сказала, что увидела его с другой стороны галереи и решила воспользоваться этим случаем, так как располагает сведениями, которые могут оказаться ему очень полезными. Она сообщила ему свой адрес и назначила свидание на другой день утром, но затем передумала и попросила зайти после полудня. Джонс обещал исполнить ее просьбу.

Так кончилось это посещение театра, где Партридж сильно позабавил не только Джонса и миссис Миллер, но и всех соседей, которые уделяли больше внимания его словам, чем тому, что происходило на сцене.

Боясь появления призрака, Партридж в эту ночь не ложился в постель и еще много следующих ночей, перед тем как лечь, часа два или три от страха обливался потом, а потом несколько раз в ужасе просыпался, крича: "Господи помилуй! Вот он!"

ГЛАВА VI, в которой наша история должна вернуться назад

И наилучший отец не в состоянии соблюсти полное беспристрастие к своим детям, даже если превосходство которого-нибудь из них не влияет на его чувства; тем более мы не вправе порицать отца, когда его предпочтение обусловлено таким превосходством.

Так как на всех действующих лиц этой истории я смотрю, как на своих детей, то должен признаться в своем пристрастии к Софье и надеюсь, что читатель извинит мне эту слабость ради высоких душевных качеств молодой девушки.

Необыкновенная нежность, которой я преисполнен к своей героине, не позволяет мне без крайнего сожаления надолго с ней расставаться. Поэтому я с нетерпением взялся бы разузнать, что случилось с этим очаровательным созданием после ее отъезда из родительского дома, если бы не необходимость нанести коротенький визит мистеру Блайфилу.

Вследствие смятения мыслей, произведенного неожиданным известием о бегстве дочери, а также поспешного отъезда в погоню за ней, мистер Вестерн совсем позабыл уведомить Блайфила о своем открытии беглянки. Но, отъехав недалеко от дому, он сообразил, какую сделал оплошность, и из первой же гостиницы послал к молодому человеку гонца с известием, что Софья найдена и что он твердо решил немедленно обвенчать ее с Блайфилом, если последнему угодно поехать вслед за ним в Лондон.

Так как Блайфил любил Софью той пылкой любовью, которую охладить могла бы разве только потеря ее состояния или подобное этому событие, то его склонность к женитьбе ничуть не ослабела вследствие бегства невесты, хотя ему и приходилось считать себя его виновником. Поэтому он охотно принял предложение мистера Вестерна. В женитьбе на Софье Блайфил видел средство утолить сильнейшую свою страсть после корыстолюбия, именно: ненависть; ибо брак, казалось ему, давал одинаково удобный случай для удовлетворения как ненависти, так и любви - мнение весьма правдоподобное и подтверждаемое многочисленными примерами. Впрочем, судя по обычному обращению друг с другом супругов, мы вправе, пожалуй, заключить, что большинство из них ищет в брачном союзе, соединяющем все, кроме сердец, утоления одной только ненависти.

На пути его было, однако, одно препятствие - в лице мистера Олверти. Почтенный сквайр, заключив по бегству Софьи (ибо ни это бегство, ни причина его не могли от него укрыться) о крайнем отвращении ее к племяннику, начал серьезно тревожиться, не завел ли он дело слишком далеко, обманутый ложными уверениями. Он несколько не разделял мнение тех родителей, которые полагают несущественным считаться при заключении брака с сердечным влечением детей,

точно так же как, собираясь в дорогу, находят лишним спрашивать согласия слуг и от применения силы часто удерживаются, только боясь закона или нарушения приличий. Напротив, признавая институт брака священным, мистер Олверти считал необходимым всячески ограждать его святость и нерушимость и очень мудро рассуждал, что вернейшее средство достигнуть этого - заключать брак на основе взаимной любви.

Блайфил скоро рассеял подозрения дяди насчет обмана, клятвенно его уверив, что сам был обманут, с чем прекрасно согласовались многочисленные заявления Вестерна. Но добиться от Олверти согласия на возобновление его исканий казалось делом настолько трудным, что одна мысль об этом способна была удержать человека менее предприимчивого. Мистер Блайфил, однако, отлично знал свои дарования и был убежден, что в области коварства для него нет ничего недостижимого.

Он красноречиво изобразил дяде пылкость своей любви и выразил надежду постоянством преодолеть отвращение невесты. Он просил, чтобы в деле, от которого зависит все его будущее благополучие, ему предоставили, по крайней мере, свободу испытать все дозволенные средства для достижения успеха. Боже сохрани, у него и в мыслях нет действовать сколько-нибудь неблаговидным образом! "К тому же, сэр,- говорил он,- если я потерплю неудачу, вы всегда будете иметь возможность (ведь времени для этого достаточно) отказать в своей согласии". Он сослался также на горячее и настойчивое желание мистера Вестерна заключить этот брак и, наконец, просклонял во всех падежах имя Джонса, изобразив его виновником всего случившегося, уберечь от которого столь достойную девушку повелевает само человеколюбие.

Все эти доводы нашли энергичную поддержку со стороны Твакома, еще подробнее, чем мистер Блайфил, распространившегося о значении родительской власти. Богослов приписал желание мистера Блайфила продолжать начатое дело истинно христианским побуждениям.

- Хотя почтенный юноша,- сказал он,- упомянул о человеколюбии лишь напоследок, но я твердо убежден, что оно играет первую и главную роль в его поведении.

Сквейр, будь он налицо, запел бы, вероятно, ту же песню, хотя и на другой лад, и открыл бы в поведении Блайфила глубокую нравственную гармонию,- но он уехал в Бат для поправления здоровья.

Олверти, хоть и не очень охотно, уступил наконец желанию племянника. Он сказал, что поедет с ним в Лондон и предоставит ему все честные средства добиться благосклонности Софьи.

- Но я решительно тебе заявляю,- сказал он,- что ни за что не соглашусь ни на какое насилие над ее чувствами, и ты на чей не женишься, если она не пойдет за тебя добровольно.

Так любовь Олверти к племяннику позволила более низким соображениям восторжествовать над более высокими; и самую умную голову часто сбивает с толку чувствительность слишком доброго сердца.

Блайфил, неожиданно добившись этой уступки от дяди, не успокоился, пока не привел своего намерения в исполнение. Так как у мистера Олверти не было дел, которые требовали бы его присутствия в деревне, а сборы в дорогу не отнимают у мужчин много времени, то они выехали на другой же день и прибыли в Лондон в тот самый вечер, когда мистер Джонс развлекался с Партриджем на представлении "Гамлета".

На следующее утро мистер Блайфил явился к мистеру Вестерну и был принят как нельзя более ласково и любезно. Он получил от сквайра всевозможные (может быть, даже невозможные) заверения, что в самое короткое время Софья сделает его

счастливым, насколько она может сделать счастливым человека; и сквайр почти насильно увез его к сестре, не позволив возвращаться к дяде, прежде чем не будет улажено все дело.

ГЛАВА VII, в которой мистер Вестерн является с визитом к сестре в сопровождении мистера Блайфила

Миссис Вестерн читала племяннице лекцию о благоразумии и супружеской политике, когда брат ее и Блайфил вошли в ком-па; у более бесцеремонно, чем полагается по этикету. Увидя Блайфила, Софья мгновенно побледнела и чуть не лишилась чувств; тетка же ее, напротив, покраснела и, вполне владея всеми чувствами, яростно обрушилась на сквайра.

- Братец,- сказала она,- я удивлена вашим поведением. Неужели вы никогда не научитесь соблюдать приличия? Неужели вы всегда будете смотреть на чужую квартиру, как на свою собственную или как на квартиру одного из ваших фермеров? Неужели вы считаете себя вправе вторгаться к порядочным женщинам без всяких церемоний и даже без доклада?

- Ну, чего раскудахталась? - отвечал сквайр.- Можно подумать, застал тебя за...

- Пожалуйста, без грубостей, сэр, сделайте одолжение,- остановила его миссис Вестерн.- Вы так напугали бедную племянницу, что она едва на ногах стоит... Поди, голубушка, и постарайся успокоиться: я вижу, тебе это необходимо.

Получив это приятное приказание, Софья поспешила удалиться.

- Помилуйте, сестрица, вы с ума сошли! - воскликнул сквайр.- Я привез мистера Блайфила, чтобы он за ней поухаживал, а вы высылаете ее вон.

- Вы, братец, хуже сумасшедшего. Ведь вам известно положение дел, а вы... Прошу мистера Блайфила извинить меня, но он прекрасно понимает, кому надо быть обязанным столь нелюбезным приемом. Что до меня, то я всегда рада видеть мистера Блайфила, но, я уверена, он настолько благовоспитан, что никогда бы не позволил себе войти неожиданно, если бы вы его не втащили.

Блайфил поклонился и что-то пробормотал; вид у него был самый дурацкий. Но Вестерн, не дав ему времени сочинить подобающую речь, отвечал:

- Ну да, ну да, я виноват, если вам угодно, я всегда виноват! А все-таки велите дочери вернуться; или пусть мистер Блайфил пойдет к ней... Ведь он затем и приехал, и каждая минута дорога.

- Братец,- сказала миссис Вестерн,- мистер Блайфил, я уверена, настолько благовоспитан, что не думает больше видаться с племянницей сегодня утром, после того что случилось. Женщины - существа деликатные; и когда чувства паши потрясены, мы не можем успокоиться вдруг. Если бы вы предложили мистеру Блайфилу прежде прислать письмо, в котором он, свидетельствуя свое почтение, просил бы мою племянницу позволить ему явиться к ней после полудня, то мне, может быть, удалось бы уговорить ее принять молодого человека, но теперь я не имею на это никакой надежды.

- Мне очень жаль, сударыня,- сказал Блайфил,- что необыкновенная доброта мистера Вестерна, за которую я не в силах достаточно его отблагодарить, была причиной...

- Вам не для чего извиняться, сэр,- прервала его миссис Вестерн,- мы все хорошо знаем брата.

- Мне нужды мало.- отвечал сквайр,- только когда же ему прийти с ней повидаться? Ведь он, повторяю вам, нарочно за этим приехал, да еще с Олверти.

- Братец, о чем бы мистер Блайфил ни счел нужным просить мою племянницу, его просьба будет ей передана; и, полагаю, племянница не нуждается в наставлениях, что она должна ответить. Я уверена, она не откажется принять мистера Блайфила в подходящее время.

- Попробовала бы! - воскликнул сквайр.- Я бы ей показал... Разве мы не знаем...

Не скажу ничего, только есть люди, которые умнее всех на свете... Если бы мне позволили действовать по-своему, так она бы не сбежала, а теперь, того и жди, опять улизнет. Считайте меня каким угодно дураком, а я прекрасно знаю, что она ненавидит...

- Все равно, братец,- возразила миссис Вестерн,- я не желаю слушать клеветы на свою племянницу. Вы порочите этим всю нашу фамилию. Софья делает ей честь и никогда ее не обесславит, уверяю вас. Я готова поручиться за ее поведение всей моей репутацией... Мне приятно будет видеть вас, братец, после полудня, потому что я имею сообщить вам кое-что важное... А теперь прошу мистера Блайфила и вас извинить меня: я должна одеваться.

- Хорошо, мы уходим,- отвечал сквайр,- по назначьте час.

- Часа я назначить не могу. Приходите после полудня.

- Ну что с ней поделаешь? - сказал сквайр, обращаясь к Блайфилу.- Мне с ней так же не справиться, как гончей со старым русаком. Может быть, после полудня она будет сговорчивее.

- Как видно, я осужден на неудачи, сэр,- отвечал Блайфил,- но всегда буду считать себя вам обязанным.

Он церемонно поклонился миссис Вестерн, которая ему ответила таким же церемонным поклоном, и они уехали. Дорогой сквайр клялся вполголоса, что дочь его непременно примет сегодня Блайфила.

Если мистер Вестерн остался не очень доволен этим свиданием, то Блайфил и подавно. Все поведение сестры сквайр объяснял тем, что она была не в духе, обидевшись на них за несоблюдение этикета; но Блайфил видел глубже: два-три слова, оброненные миссис Вестерн, внушили ему подозрение, что тут кроется что-нибудь поважнее. И, правду сказать, эти подозрения были основательны, как это обнаружится из содержания следующей главы.

ГЛАВА VIII Замысел леди Белластон погубить Джонса

Любовь пустила слишком глубокие корни в сердце лорда Фелламара, чтобы ее могли вырвать грубые руки мистера Вестерна. Правда, в пылу гнева лорд дал капитану Эглейну поручение к сквайру, но капитан далеко переступил границы своих полномочий. Поручение было бы даже взято назад, если бы лорд мог найти капитана после свидания с леди Белластон, которое произошло на другой день после его столкновения с Вестерном. Но капитан принялся за дело так рьяно, что, разыскав после долгих расспросов квартиру мистера Вестерна уже поздно вечером, он просидел всю ночь в соседнем кабаке, чтобы не упустить сквайра на следующее утро, и потому не получил отправление!! еву на дом записки лорда с отменой возложенною на него поручения.

На другой день после неудачного покушения на невинность Софьи лорд Фелламар, как мы сказали, посетил л(ди Белластон, и та описала ему характер сквайра с такими подробностями, что он ясно увидел, как нелепо было обижаться на старика, особенно имея честные виды на его дочь. Он признался леди Белластон в пылких чувствах к Софье, и леди с готовностью снялась ему помочь, ободрив его уверением, что он будет самым благосклонным образом принят не только старшими членами семьи, но и самим отцом, когда тот протрезвится и пошлет. какого рода предложение делают его дочери. Единственная опасность, сказала она, кроется в человеке, которого она ему уже называла. Этот нищий и бродяга каким-то способом,- ей это неизвестно.раздобыл приличное платье и слывет за джентльмена.

- Забота о кухне,- продолжала она,- я поставила себе в обязанность разузнать о нем подробнее, и мне посчастливилось даже достать его адрес (который она тут же сообщила лорду). Вот что, лорд: человек этот настолько ничтожен, что связываться с ним было бы ниже вашего достоинства,- так не можете ли вы придумать какой-нибудь способ завербовать его в матросы? Это не противно ни

закону, ни совести, потому что, несмотря на приличный костюм, он просто проходимец, и его можно завербовать не хуже любого парня на улице. А что касается совести, то ведь спасение молодой девушки от гибели есть дело весьма похвальное; да и его самого, если только ему не удастся (сохрани боже!) похитить кузину, это, может быть, спасет от виселицы и позволит ему выйти на честную дорогу.

Лорд Фелламар сердечно поблагодарил ее светлость за столь любезное участие в деле, от успеха которого зависело все его будущее счастье. Он сказал, что в данный момент не видит никаких препятствий завербовать Джонса в матросы и обдумает, как привести это в исполнение. Потом он обратился к леди с горячей просьбой сделать ему честь немедленно передать его предложение родным Софьи и сказать, что он дает им *carte blanche* и согласен на любые условия, какие будут ему поставлены. Наконец, рассыпавшись в восторженных похвалах по адресу Софьи, лорд раскланялся и ушел, на прощанье получив от леди совет тщательно остерегаться Джонса и, не теряя времени, приступить к осуществлению плана, который положит конец всем его покушениям на молодую девушку.

Приехав к себе на квартиру, миссис Вестерн тотчас же послала поклон леди Белластон, и леди с нетерпением любовника в ту же минуту помчалась к кухне, радуясь столь счастливому стечению обстоятельств. Ей было больше по душе сделать предложение умной и знающей свет женщине, чем джентльмену, которого она честила готтентотом, хотя, впрочем, и от него не опасалась получить отказ.

Обменявшись коротенькими приветствиями, дамы приступили прямо к делу и мигом его порешили. При одном звуке имени лорда Фелламара миссис Вестерн зарделась от удовольствия, а узнав о его пылкой страсти, серьезных намерениях и великодушном предложении, самым решительным образом высказалась в его пользу.

Потом речь зашла о Джонсе, и обе кузины начали горячо сокрушаться о несчастной привязанности к нему Софьи, причем миссис Вестерн отнесла это всецело за счет бестолкового обращения с нею брата. Однако она заключила свою речь уверенностью, что племянница в этом деле проявит благоразумие.

- Правда, она не пожелала отказаться от своей привязанности ради Блайфила, но, без сомнения, пожертвует простой склонностью предложениям светского джентльмена, который даст ей имя и огромное состояние. Ибо, прибавила миссис Вестерн, я должна отдать Софье справедливость: этот Блайфил порядочный мужлан, как и все наши деревенские джентльмены; вас это не удивит, Белластон,- в нем только и есть положительного что деньги.

- В таком случае, меня ничуть не удивляет поведение моей кузины, отвечала леди Белластон,- ведь этот Джонс молодец собой и обладает качеством, которое больше всего нравится нам в мужчинах. Можете себе представить, миссис Вестерн,-это, наверно, вас рассмешит, я сама с трудом сдерживаю смех, рассказывая об этом,- поверите ли, этот молодчик имел дерзость ухаживать за мной! Если вы считаете это выдумкой, так вот вам доказательство: документ, написанный его собственной рукой.

С этими словами она вручила кухне письмо, в котором Джонс предлагал ей свою руку; читатель, если ему угодно, найдет его приведенным дословно в пятнадцатой книге этой истории.

- Я положительно ошеломлена,- сказала миссис Вестерн.- Это прямо шедевр бесстыдства! Однако, с вашего позволения, я могла бы извлечь из этого письма кое-какую пользу.

- Предоставляю его в ваше полное распоряжение,- отвечала леди Белластон.- Только мне не хотелось бы, чтобы вы показывали его кому-нибудь, кроме мисс Вестерн, да и то лишь при удобном случае.

- Хорошо. А как же вы распорядились с молодчиком? - спросила миссис Вестерн.

- В мужа я его не взяла.- отвечала леди.- Я не собираюсь замуж, уверяю вас, голубушка. Вы ведь знаете. Бель, я уже однажды испытала это удовольствие; для рассудительной женщины одного раза, по-моему, довольно.

Леди Белластон рассчитывала, что письмо это уронит Джонса в глазах Софьи, и взяла на себя смелость передать его - отчасти в надежде, что Джонса вскоре удастся убрать с дороги, о отчасти в уверенности, что Гонора, которую она достаточно испытала, готова будет засвидетельствовать все, что от нее потребуют.

Однако читатель, может быть, удивится, почему леди Белластон, в душе ненавидевшая Софью, так усердно старалась устроить очень выгодную для нее партию. Я предложил бы такому читателю внимательно пересмотреть книгу человеческой природы: там почти на последней странице едва разборчивым почерком написано, что женщины, несмотря на все превратные суждения маменек и тетюшек, в действительности считают брак вопреки влечению сердца таким великим несчастьем, что худшего огорчения не в силах придумать никакая злоба; и на той же странице написано далее, что женщина, наслаждавшаяся однажды любовью мужчины, пройдет больше половины дороги в преисподнюю, лишь бы не дать насладиться тем же и другой.

Если эти объяснения читателя не удовлетворяют, то, откровенно признаюсь, поведение леди Белластон для меня непонятно,- разве только предположить, что она была подкуплена лордом Фелламаром; по такое предположение, по-моему, совершенно неосновательно.

Это и было дело, о котором миссис Вестерн собиралась поговорить с Софьей, предварив свою речь рассуждением о безрассудстве любви и о мудрости узаконенной проституции за плату,- когда так бесцеремонно вошли ее брат и Блайфил. Отсюда происходила и ее холодность в обращении с Блайфилом; сквайр, по своему обыкновению, истолковал ее превратно, но Блайфил (человек гораздо более сметливый) начал догадываться об истинном положении вещей.

ГЛАВА IX, в которой Джонс делает визит миссис Фитцпатрик

Пусть читатель соизволит теперь вернуться с нами к мистеру Джонсу, который в назначенный час явился к миссис Фитцпатрик; но прежде чем передавать их разговор, мы находим нужным, согласно принятому нами методу, оглянуться немного назад и объяснить столь резкую перемену в поведении этой дамы, которая сначала переехала даже на другую квартиру, чтобы избежать посещений мистера Джонса, а теперь, как мы видели, сама упорно искала встречи с ним.

Для этого нам нужно только рассказать, что случилось с ней накануне. Услышав от леди Белластон о приезде в Лондон мистера Вестерна, она отправилась к нему с поклоном на Пикадилли, где была встречена градом непечатных словечек и даже угрозами вытолкать ее в шею. Один старый слуга ее тетки, которого она хорошо знала, проводил ее оттуда до квартиры этой дамы, принявшей ее нисколько не ласковее, хотя и учтивее,- то есть так же неприветливо, только на другой лад. Словом, она вернулась от дяди и тетки убежденная не только в неудаче своей попытки примирения, но и в том, что ей уже не добиться этого примирения никакими средствами. С этой минуты все ее помыслы заняты были одним только желанием отомстить. Встретившись в таком состоянии с Джонсом в театре, она решила воспользоваться счастливым случаем для исполнения своего намерения.

Читатель, наверно, помнит из рассказа миссис Фитцпатрик Софье, сколь благосклонное внимание миссис Вестерн оказала на первых порах в Бате мистеру Фитцпатрику. Именно крушению ее видов на этого джентльмена миссис Фитцпатрик приписывала теперь страшное озлобление против нее тетки. Она не сомневалась, что почтенная дама окажется столь же чувствительной к знакам внимания со стороны мистера Джонса, как это было некогда в отношении ее мужа, тем более что все преимущества были явно на стороне мистера Джонса; а что тетюшке с тех пор

прибавилось несколько лет, то в этом она видела довод (насколько справедливо, не знаю) скорее в пользу своих замыслов, чем против них.

Вот почему, когда Джонс явился, миссис Фитцпатрик первым делом объявила о своем желании быть ему полезной, проистекавшем, как она сказала, из твердой уверенности, что очень обяжет этим Софью. Потом, извинившись за свое прошлое поведение и сообщив мистеру Джонсу, под чьим надзором находится его возлюбленная (она думала, что это ему неизвестно), миссис Фитцпатрик откровенно изложила ему свой план и посоветовала приволлкнуть за теткой, чтобы обеспечить себе таким образом доступ к племяннице; при этом она рассказала, как блестяще эта уловка удалась некогда мистеру Фитцпатрику.

Мистер Джонс горячо поблагодарил ее за участие к нему, так ярко засвидетельствованное этим предложением, но выразит некоторое сомнение насчет успеха задуманного, потому что миссис Вестерн знала о любви его к Софье, тогда как при уходе за нею мистера Фитцпатрика положение было иное; кроме того, сказал он, сама Софья не согласится на такую комедию из отвращения ко всякому обману и из искреннего уважения к тетке.

Миссис Фитцпатрик была этим немного задета; и точно, если не видеть в этом обмолвки, то Джонс несколько нарушил правила вежливости, что едва ли допустил бы, если бы не был увлечен желанием похвалить Софью: забывшись, он не сообразил, что восхваление одной кузины является молчаливым порицанием другой.

- Право, сэр,- с некоторой горячностью отвечала миссис Фитцпатрик, мне кажется, нет ничего легче, как обмануть пожилую женщину уверениями в любви, особенно если она расположена их слушать; а я должна сказать, что миссис Вестерн, хоть она мне и тетка, ох какая лакомка па этот счет! Разве вы не можете сделать вид, что, отчаявшись получить руку племянницы, обещанную Блайфилу, обратили свое внимание на тетку? А что касается моей кузины, то, поверьте, она не такая дурочка, чтобы щепетильничать по пустякам или видеть что-нибудь дурное в наказании одной из старых ведьм, трагикомические страсти которых причиняют столько зла в семьях. Как жаль, что эти старухи не подлежат наказанию по закону! В свое время я с самой спокойной совестью согласилась на эту хитрость, и все же, надеюсь, Софья не обидится, если я скажу, что ее кузина Фитцпатрик ничуть не меньше ее ненавидит всякий обман в настоящем смысле этого слова. Я не похваюсь мнимым уважением к тетке, да она его и не заслуживает. Вот вам мой совет, сэр, и если вы откажетесь ему последовать, я буду более низкого мнения о вашем уме,- вот и все.

Джонс теперь ясно увидел свою оплошность и приложил все старания, чтобы поправиться, но запутался еще больше и наговорил кучу нелепостей. Правду сказать, часто бывает выгоднее примириться с последствиями первого промаха, чем пытаться его исправить, ибо попытки эти обыкновенно нас не спасают, а лишь глубже топят; и не всегда можно ожидать в подобных случаях столько доброты, сколько проявила ее миссис Фитцпатрик, которая, видя смущение Джонса, сказала ему с улыбкой:

- Вам не для чего столько извиняться, ибо я охотно прощаю влюбленному все промахи, совершенные им в порыве искреннего чувства.

И она снова принялась горячо советовать Джонсу обратиться к предложенному ею средству, пустив в ход все доводы, какие могло изобрести ее воображение. Она была так разгневана на тетку, что только и мечтала о том, как бы осрамить старуху, и, как настоящая женщина, не желала видеть никаких затруднений в осуществлении заветной мысли.

Джонс, однако, твердо отклонил эту затею, действительно не имевшую ни малейших шансов на успех. Он без труда догадался, что побуждало миссис Фитцпатрик так горячо настаивать на исполнении своего замысла. Он сказал, что не собирается отречься от нежных и страстных чувств к Софье, но, ясно сознавая все

неравенство их положений, не может льстить себя надеждой, чтобы такое божественное создание снизошло до благосклонности к такому недостойному человеку; он объявил даже, что не смеет этого желать. Закончил он выражением чувств, которые нам некогда теперь пересказывать.

Есть хорошенькие женщины (я не смею сказать - просто женщины), в которых мысль о себе настолько поглощает все, что они не могут от нее отрешиться, какого бы предмета ни коснулись; находясь всецело во власти тщеславия, они имеют обыкновение подхватывать каждую похвалу, какую только услышат, и присваивают ее себе, несмотря на то что она составляет чужую собственность. В обществе такой дамы нельзя сказать ни одного лестного слова о другой женщине - она тотчас же отнесет его к себе, нередко даже усилив его значение. Если красота, ум, любезность и веселость этой дамы заслуживают таких похвал, думает она, то чего же достойна я, обладающая этими качествами в гораздо большей степени?

Перед такой дамой мужчина часто выставляет себя в выгодном свете, хваля другую женщину. Выражая пылкие и благородные чувства по адресу своей возлюбленной, он внушает ей мысль, каким очаровательным любовником был бы человек, который с такой нежностью относится к женщине, не могущей выдержать сравнения с нею самой. Как это ни странно, я наблюдал такие вещи нередко, и миссис Фитцпатрик, с которой это теперь случилось, не является исключением. Она начала чувствовать к мистеру Джонсу нечто, симптомы чего распознала в себе гораздо скорее, чем когда-то бедняжка Софья.

Надо сознаться, что совершенная красота в мужчине, как и в женщине, действует гораздо неотразимее, чем принято думать. Несмотря на то что иные из нас довольствуются более скромным жребием и затверживают (как дети непонятный урок), что наружность надо презирать и ценить более существенные прелести, однако я всегда замечал, что при появлении подлинной красоты с этими более существенными прелестями делается то же, что с сиянием звезд после восхода солнца.

Когда Джонс кончил свои восклицания, из которых многие сделали бы честь устам самого Орондата, миссис Фитцпатрик глубоко вздохнула, отвела глаза от Джонса, на которого они были некоторое время устремлены, и, опустив их в землю, проговорила:

- Ах, как мне жаль вас, мистер Джонс! Но, видно, людям суждено расточать нежные чувства как раз перед теми, кто не умеет их ценить. Я знаю кухню лучше, чем вы, мистер Джонс, и должна сказать, что женщина, не платящая взаимностью за такую любовь такого человека, не достойна ни его любви, ни его самого.

- Но вы, конечно, не думаете, сударыня...- начал было Джонс.

- Думаю! - прервала его миссис Фитцпатрик.- Я сама не знаю, что я думаю. В истинной любви, мне кажется, есть какое-то волшебство; женщина редко встречает ее в мужчине и еще реже умеет ее ценить, если ей выпадет такое счастье. Я никогда еще не слышала таких истинно благородных суждений, и не знаю почему, но вы принуждаете верить вам. Достойна всяческого презрения женщина, которая остается к этому безучастной.

Тон, которым это было сказано, и взгляды говорившей заронили в Джонсе подозрение, которое мы не выскажем читателю прямо. Не отвечая на ее замечание, он сказал:

- Боюсь, сударыня, я слишком наскучил вам своим посещением...- и встал, собравшись уходить.

- Нисколько, сэр,- отвечала миссис Фитцпатрик.- Ах, если бы вы знали, как мне жаль вас, мистер Джонс! Но если вы уходите, подумайте о моем предложении... Я убеждена, что вы его одобрите... И поскорей приходите снова ко мне... Приходите завтра утром, если хотите; или в другое время, только завтра. Я буду целый день

дома.

Выразив ей глубокую благодарность, Джонс с почтительным поклоном удалился, а госпожа Фитцпатрик не удержалась и на прощанье подарила его взглядом, значение которого не понял бы разве только тот, кто совершенно ничего не смыслит в красноречивом языке глаз. Этот взгляд укрепил Джонса в решении больше сюда не возвращаться, ибо, хотя на страницах этой истории он являлся большим повесой, все его помыслы были теперь так заняты Софьей, что, я думаю, ни одна женщина на земном шаре не была бы в состоянии вовлечь его в измену.

Однако Фортуна, всегда к нему недружелюбная, зная о его намерении не давать ей другого случая потешиться, решила воспользоваться настоящим и вовлекла его в трагическое приключение, о котором мы вынуждены с прискорбием рассказать.

ГЛАВА X Последствия описанного визита

Мистер Фитцпатрик, получив от миссис Вестерн вышеупомянутое письмо и узнав, таким образом, о местопребывании своей жены, вернулся прямо в Бат, а оттуда на другой же день отправился в Лондон.

Мы уже не раз говорили читателю о ревнивом характере этого джентльмена. Благоволите также припомнить о подозрениях, зародившихся у него по поводу Джонса в Эптоне, когда он застал его в комнате миссис Вотерс. Правда, впоследствии мистер Фитцпатрик имел случай убедиться в совершенной неосновательности этих подозрений, однако, прочитав теперь лестный отзыв жены о мистере Джонсе, он задумался и сообразил, что и она ведь была в гостинице в то самое время. От этого в голове у него, и без того не очень светлой, все пошло кругом, и из хаоса родилось зеленоглазое чудовище, о котором говорит Шекспир в трагедии "Отелло".

Он спрашивал у стоящих на улице, как ему пройти к жене; и как раз ему указали на ее двери, когда из них, к несчастью, вышел мистер Джонс.

Фитцпатрик сначала не узнал нашего героя, однако, увидев молодого, хорошо одетого человека, выходящего от лены, направился прямо к нему и спросил, что он делал в этом доме.

- Я знаю, что вы были там,- прибавил он,- я видел, как вы вышли.

Джонс спокойно ответил, что был с визитом у одной дамы. Тогда Фитцпатрик поспешно спросил:

- А что за дело у вас к этой даме?

- Да, никак, это вы, приятель! - воскликнул Джонс, припомнив вдруг голос, лицо и даже одежду незнакомца.- Вашу руку. Надеюсь, маленькое недоразумение, случившееся когда-то между нами, не оставило в вас дурного воспоминания.

- Ей-богу, сэр, не знаю, кто вы такой, и не припомню вашего лица, отвечал Фитцпатрик.

- Я тоже, сэр, не имею удовольствия знать ваше имя, но прекрасно помню, что видел вас в Эптоне, где между нами произошло глупое столкновение; если вы его не забыли, давайте выпьем мировую

- В Эптоне?! - воскликнул Фитцпатрик.- Э! Да у ж не Джонс ли вы?

- Он самый.

- Так тебя-то мне и надо! Выпить с тобой я выпью, но сначала дам тебе по морде. Вот, получай, мерзавец! Если ты мне сейчас же не дашь за это удовлетворения, так я тебя еще раз ударю.- И, обнажив шпагу, он стал в оборонительную позицию: единственное искусство, в котором он кое-что смыслил.

Джонс слегка пошатнулся от неожиданного удара, но живо оправился и, в свою очередь, обнажил шпагу. Несмотря на полное неумение фехтовать, он напал на Фитцпатрика так стремительно, что сбил его с позиции и до половины воткнул клинок в его тело, получив удар, ирландец попятился, опустил шпагу и, опершись на нее, воскликнул:

- Теперь я вполне удовлетворен: вы меня прикончили!

- Надеюсь, что нет,- отвечал Джонс,- но что бы ни случилось, не забудьте, что вы сами всему причиной.

В эту минуту несколько человек набросились на Джонса и схватили его, но он объявил, что не будет сопротивляться, а просит позаботиться о раненом.

- Ну, о нем, пожалуй, заботиться уже нечего,-отвечал один из напавших,- через час-другой он на тот свет отправится. А вот у вас, сэр, так еще. по крайней мере, целый месяц впереди.

- Черт бы его побрал, Джек,- сказал другой,- расстроил он свою поездку; теперь отправится в другую гавань.

И бедняге Джонсу пришлось выслушать немало таких шуточек от окруживших его молодцов, которые были не кем иным, как партией матросов, подосланных лордом Фелламаром: они выследили, как он вошел в дом миссис Фитцпатрик, и поджидали его за углом, когда произошла эта несчастная стычка.

Командир отряда очень мудро рассудил, что теперь его дело передать арестованного в руки гражданских властей. Он приказал поэтому отвести его в ближайшую харчевню, послал за констеблем и сдал ему Джонса.

Констебль видя хороший костюм мистера Джонса и слыша, что несчастье случилось на дуэли, обошелся с арестованным очень УЧТИВО и по его просьбе послал узнать о состоянии раненого, который находился теперь в гостинице на попечении хирурга. Посланный вернулся с известием, что рана, несомненно, смертельна и нег никакой надежды на спасение. Тогда констебль объявил Джонсу, что должен отвести его к судье.

- Куда вам угодно,- отвечал Джонс,- мне все равно, что со мной будет, хоть я и убежден, что в глазах закона я не убийца, но пролитая кровь невыносимо тяготит мою совесть.

Джонс был приведен к судье, куда явился и хирург, оказавший помощь уцстеру Фитцпатрик; он заявил, что считает рану смертельной. После этого арестованного носа шел в тюрьму. Вследствие позднего времени Джонс не захотел посылать за Партриджем до следующего утра, но так как он уснул только в семь часов, то был уже полдень, когда бедняга Партридж, чрезвычайно напуганный продолжительным отсутствием хозяина, получил известие, почт вконец его сразившее.

Он отправился в тюрьму с трясущимися коленями и с сильно бьющимся сердцем и, войдя, начал горько плакать и сокрушаться по поводу постигшего Джонса несчастья, беспрестанно с ужасом озираясь вокруг себя: дело в том, что пришло известие о смерти мистера Фитцпатрика, и бедняга каждую минуту ждал появления его духа. От страха он чуть не забыл передать письмо, принесенное от Софьи Черным Джорджем.

Джонс тотчас же высрал всех вон из комнаты и, торопливо вскрыв письмо, прочел следующее:

"Вы обязаны этим новым известием от меня случаю, который, признаться, поразил меня. Тетушка только что показывала мне ваше письмо к леди Белластон, в котором вы предлагаете ей быть вашей женой. Я не сомневаюсь, что оно написано вашей рукой и, что еще удивительнее, в то самое время, когда вы хотели меня уверить в вашем ко мне участии. Предоставляю вам истолковать этот факт. Все, чего я желаю, это никогда более не слышать вашего имени.

С. В."

Мы не можем дать читателю лучшего представления о душевном состоянии мистера Джонса и о его мучениях, как сказав, что в ту минуту его пожалел бы даже Тваком. Но, несмотря на всю безотрадность положения нашего героя, нам приходится теперь его покинуть, как покинул его добрый гений (если только он у него был). На этом мы кончаем шестнадцатую книгу нашей истории.

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ, ОХВАТЫВАЮЩАЯ ТРИ ДНЯ

ГЛАВА I, содержащая обрывок вступления

Комедийный писатель, сделав главных своих героев счастливыми, и автор трагедии, ввергнув их в глубочайшую пучину несчастья,- оба считают дело свое выполненным и произведения свои доведенными до конца.

Если бы я был писателем трагедийного склада, читателю пришлось бы признать, что конец мною уже почти достигнут, поскольку трудно было бы самому дьяволу или кому-нибудь из его представителей на земле придумать что-нибудь ужаснее тех мучений, в которых мы оставили беднягу Джонса в последней главе; что же касается Софьи, то ни одна добросердечная женщина не пожелала бы своей сопернице большего отчаяния, чем то, какое моя героиня, надо думать, теперь испытывала. Что же тогда оставалось бы для развязки трагедии, как не парочка убийств да несколько моральных наставлений?

Но выручить наших героев из постигшего их горя и мук и благополучно высадить их на берег счастья представляется делом более трудным - настолько трудным, что мы даже за него не беремся. Для Софьи, пожалуй, еще можно было бы подыскать напоследок хорошего мужа - Блайфила, лорда или кого другого. Но что касается несчастного Джонса, то, по милости своей неосмотрительности сделавшись уголовным преступником если не в глазах света, то в своих собственных, он попал в столь бедственное положение, оставленный друзьями и преследуемый врагами, что мы почти отчаиваемся как-нибудь ему помочь; и если читатель охотник до публичных казней, то я советую ему, не теряя времени, достать место в первом ряду на Тайберне.

Во всяком случае, я твердо обещаю читателю, что, невзирая на всю привязанность, какую можно предположить во мне к этому негодяю, так несчастливо избранному мной в герои, я не прибегну для его спасения к сверхъестественной помощи, предоставленной писателям с тем условием, чтобы мы ею пользовались только в чрезвычайных случаях. Поэтому, если он не найдет естественных средств выпутаться из беды, мы не допустим ради нею насилия над правдой и достоинством повествования; скорее мы расскажем, как его повесили на Тайберне (что, вероятнее всего, и случится), чем решимся прикрасить истину и поколебать доверие читателя.

В этом отношении древние писатели имели большое преимущество перед нами. Мифология, в сказания которой народ веровал когда больше, чем верует теперь в догматы какой угодно религии, всегда давала им возможность выручить любимого героя. Боги всегда находились под рукой писателя, готовые исполнить малейшее его желание, и чем необыкновеннее была его выдумка, тем больше пленяла и восхищала она доверчивого читателя. Тогдашним писателям легче было перенести героя из страны в страну и даже переправить на тот свет и обратно, чем нынешним освободить его из тюрьмы.

Такую же помощь арабы и персы, сочиняя свои сказки, получали от гениев и фей, вера в которых у них зиждется на авторитете самого Корана. Но мы не располагаем подобными средствами. Нам приходится держаться естественных объяснений. Попробуем же сделать что можно для бедняги Джонса, не прибегая к помощи чудесного, хотя, надо сознаться, некий голос и шепчет мне на ухо, что он еще не изведаль самого худшего и что ужаснейшее известие еще ждет его на нераскрытых листах книги судеб.

ГЛАВА II Великодушное и благородное поведение миссис Миллер

Мистер Олверти и миссис Миллер сидели за завтраком, когда возвратился Блайфил, вышедший из дому очень рано.

- Господи! - воскликнул он, подсев к столу.- Можете себе представить, дядюшка, что случилось? Мне страшно даже рассказывать, чтобы не растревать неприятных воспоминаний: ведь вы когда-то благодетельствовали этому негодяю.

- В чем дело, голубчик? - спросил Олверти.- Боюсь, я не раз в своей жизни делал добро недостойным. Но милосердие не усыновляет пороков тех людей, которым оно оказано.

- Ах, сэр! Видно, само провидение подсказало вам слово "усыновляет". Да, сэр, усыновленный вами Джонс, этот несчастный, которого вы вскормили на груди своей, оказался величайшим негодяем на свете.

- Клянусь всем святым, это ложь! - воскликнула миссис Миллер.-Мистер Джонс вовсе не негодяй. Он достойнейший человек. И если бы кто-нибудь другой назвал его негодяем, так я плеснула бы ему в лицо вот этим кипятком.

Мистер Олверти посмотрел на нее с большим удивлением, но миссис Миллер, не давая ему произнести ни слова, проговорила :

- Надеюсь, вы на меня не сердитесь; я ни за что на свете не захотела бы вас прогневить, но не могу слышать, чтобы мистера Джонса называли негодяем.

- Должен вам признаться, сударыня,- сказал мистер Олверти очень серьезным тоном,- меня несколько удивляет, что вы так горячо вступаетесь за молодчика, которого не знаете.

- Помилуйте, мистер Олверти,- отвечала она,- я его знаю, очень даже знаю! Было бы крайней неблагодарностью с моей стороны, если б я от него отреклась. Ведь он спас меня и мою семью, и нам всем надо благословлять его до конца жизни. Да пошлет ему бог всякого счастья, и да смягчит он сердце его злых врагов! Я знаю, я вижу, что у него есть враги.

- Вы все больше и больше удивляете меня, сударыня,- сказал Олверти,по всей вероятности, вы имеете в виду кого-то другого. Не может быть, чтобы вы были столько обязаны человеку, о котором говорит мой племянник.

- Клянусь,- отвечала миссис Миллер,- я ему обязана чрезвычайно: он спас меня и мою семью. Поверьте, сэр, его перед вами оклеветали, бессовестно оклеветали. Я в этом не сомневаюсь, иначе вы, сама доброта и справедливость, не называли бы презрительно "молодчиком" бедного, беззащитного мальчика, о котором когда-то говорили с такой нежной любовью. Клянусь вам, благодетель мой, он заслуживает с вашей стороны лучшего отношения, и вы бы так о нем не отзывались, если бы слышали, с каким уважением, с какой любовью, с какой благодарностью говорит он о вас. С каким благоговением произносит он всегда ваше имя! В этой самой комнате видела я его, на коленях призывающего на вас благословение небес. Он любит вас не меньше, чем я люблю мою дочку.

- Теперь я вижу, сэр, что миссис Миллер действительно его знает,заметил Блайфил с одной из тех язвительных усмешек, какими дьявол отмечает своих любимцев.- Я полагаю, что он жаловался на вас не ей одной, по и другим нашим знакомым. Что касается меня, то по некоторым намекам миссис Миллер я вижу, что он со мною не церемонился; но я ему прощаю.

- А вам да простит господь,- сказала миссис Миллер,- все мы грешники и нуждаемся в господнем милосердии.

- Признаться, миссис Миллер,- сказал Олверти,- ваше обращение с моим племянником мне не очень нравится; и так как оно могло быть внушено вам только тем отъявленным негодяем, то смею вас вверить, что вы таким образом раздражаете меня против него еще больше, если это возможно, ибо должен вам сказать, миссис Миллер, что молодой человек, которого вы видите перед собой, всегда был горячим защитником неблагодарного, сторону которого вы берете. Слыша эти слова из моих уст, вы, я думаю, будете поражены глубиной человеческой низости и неблагодарности.

- Вас обманули, сэр,- отвечала миссис Миллер.- Если б это были последние слова мои, я бы сказала: вас обманули; и еще раз повторяю: да простит господь тем, кто вас обманул. Я вовсе не утверждаю, что молодой человек лишен недостатков, но

это недостатки юношеской несдержанности, недостатки, от которых, я уверена, он со временем освободится; а если бы даже этого не случилось, то они в нем щедро искупаются благороднейшим, отзывчивым и полным любви сердцем.

- Право, миссис Миллер,- сказал Олверти,- если бы я слышал это не от вас самой, я бы не поверил.

- А я поручусь, сэр,- отвечала она,- что вы поверите всему, что я вам сказала, чем угодно поручусь; и когда вы выслушаете до конца все, что я вам расскажу (а я расскажу вам все), то не только не прогневайтесь, а, напротив, признаете (я хорошо знаю вашу справедливость), что я была бы презреннейшей и неблагодарнейшей женщиной, если бы поступила иначе.

- Да, сударыня, я буду очень рад услышать от вас оправдание поведения, которое, мне кажется, очень нуждается в оправдании. Но сначала позвольте моему племяннику досказать начатое. Верно, это что-нибудь важное, иначе он не сделал бы такого предисловия. Может быть, даже его рассказ устранил наше недоразумение.

Миссис Миллер сделала знак, что готова повиноваться, и мистер Блайфил начал так:

- Если вы, сэр, не обижаетесь на миссис Миллер, то я и подавно прощаю ей все, чем она задела меня лично. Только, мне кажется, ваша доброта заслуживала бы с ее стороны лучшего отношения.

- Хорошо, голубчик,- прервал его Олверти,- но какая же у тебя новость? Что он еще натворил?

- Несмотря на все сказанное миссис Миллер, я с большим прискорбием сообщаю то, чего вы никогда бы не услышали от меня, не будь это такое дело, которого не скроешь ни от кого на свете. Словом, он убил человека. Я не скажу: умышленно,- закон, может быть, посмотрит на это иначе; я от души этого ему желаю.

Олверти был потрясен; он перекрестился и сказал, обращаясь к миссис Миллер:

- Что вы на это скажете, сударыня?

- Скажу, сэр. что еще никогда в жизни не была так опечалена. Но если это верно, то, кто бы ни был убитый, я убеждена, что он сам виноват. У нас в Лондоне много негодяев, которые только и ищут, как бы задеть молодых джентльменов. Только самое вызывающее поведение могло толкнуть его на такое дело: из всех моих постояльцев он был самый смирный и мягкий в обращении. Его любили все в моем доме и все, кто его здесь видел.

Но тут сильный стук в дверь прервал их разговор и помешал миссис Миллер продолжать свою речь или слушать ответ на нее, ибо, догадавшись, что это пришел кто-то к мистеру Олверти, она поспешила удалиться и увести с собой дочку. Глаза малышки наполнились слезами при печальном известии о Джонсе, который обыкновенно называл ее своей маленькой женой и не только дарил ей игрушки, но и сам играл с нею по целым часам.

Может быть, иным читателям доставят удовольствие эти мелочи, на которых мы иногда останавливаемся, по примеру одного из лучших наших собратьев-историков, Плутарха; другие же, которым они покажутся обыденными, мы надеемся, извинят нас хотя бы потому, что мы никогда не останавливаемся на них слишком долго.

ГЛАВА III Посещение мистера Вестерна и несколько замечаний относительно отцовской власти

Вскоре поело ухода миссис Миллер в комнату вошел мистер Вестерн Его задержала маленькая ссора с носильщиками портшеза: ребята эти, взяв свою ношу в "Геркулесовых столпах", решили, что сквайр вряд ли будет у них постоянным заказчиком; поощренные вдобавок его щедростью (он дал им на шесть пенсов больше положенного), они весьма развязно потребовали с него еще шиллинг. Это до того взбесило сквайра, что он не только крепко их выругал возле дверей, но и вошел в комнату в сильно возбужденном состоянии, приговаривая, что все лондонцы

похожи на нынешний двор и только думают, как бы обобрать сельских сквайров.

- Будь я проклят,- горячился он,- если я еще когда-нибудь сяду в эти чертовы носилки! Лучше пешком в дождь пойду. На одной миле растрясло хуже, чем за целую лисью охоту на моей карей Бесс.

Когда гнев его на портшезы немного утих, он перенес его на другой предмет.

- Вот так дельце затеяно, нечего сказать! - воскликнул он.- Собаки в последнюю минуту рванули в сторону: мы думали, что травим лисицу, а выходит - барсук!

- Сделайте одолжение, сосед, оставьте ваши метафоры и говорите яснее, прервал его Олверти.

- Извольте, дорогой мой. До сих пор все мы боялись одного пащенка, чьего-то ублюдка, не знаю чьего, а тут откуда ни возьмись другой такой пащенок - лорд. Черт его знает, чей он, да я и знать не хочу, потому что никогда моей дочери за ним не бывать. Эти ферты разорили страну, только меня им не разорить! Нет, шалишь, мои поместья не уйдут за море, в Ганновер!

- Вы меня поражаете, мой друг,- сказал Олверти.

- Да я и сам поражен,- отвечал сквайр.- Зашел вчера вечером к сестре, по ее приглашению, и попал в настоящее бабье царство. Тут была и кузина, миледи Белластон, и миледи Бетти, и миледи Катрин, и миледи бог знает кто. Будь я проклят, если когда-нибудь дам себя заманить в такую сучью псарню! Пусть лучше, черт возьми, мои же собаки меня затравят, как того Актона, про которого в книжке рассказывается, что он был превращен в зайца, загрызен и съеден собственными собаками. Ей-богу, кажется, никого еще так не травили, как меня вчера: увернусь в одну сторону - меня схватит одна, метнусь назад - другая цапнет. "Помилуйте, да это лучшая партия в Англии!" - говорит одна кузина.- сквайр начал их передразнивать. "Какое лестное предложение!" откликается другая (а надо вам сказать, все они оказались моими кузинами, хоть я и в глаза их никогда не видел). "Да, братец,- говорит толстая стерва, миледи Белластон,- надо совсем ума лишиться, чтобы отказать такому жениху".

- Теперь я начинаю понимать,- сказал Олверти.- Кто-то сделал мисс Вестерн предложение, которое все эти леди-родственницы одобряют, а вам оно не по вкусу.

- Не по вкусу! Да как же, к черту, может оно быть мне по вкусу!.. Говорят вам, что это лорд, а с лордами, вы знаете, я решил не иметь никакого дела. Разве одному из них, желавшему взять на сорок лет клочок земли под парк, не отказал я только потому, что не желаю связываться с лордами? И чтоб я выдал за лорда свою дочь? Кроме того, разве я не обещал вам? А когда же я отступался от своего слова?

- Что касается вашего слова, сосед,- сказал Олверти,- то я освобождаю вас от всяких обязательств. Никакой договор не может иметь силы, если заключающие его стороны не полномочны его исполнить и никогда таких полномочий не приобретут.

- Я не полномочен его исполнить? Что вы говорите! Сию минуту исполню. Едемте сейчас же в "Докторскую коллегия" за брачным свидетельством, а оттуда к сестре, и я силой достану от нее невесту. Она за него выйдет, иначе я на всю жизнь посажу ее под замок на хлеб и на воду.

- Мистер Вестерн,- обратился к нему Олверти,- угодно будет вам выслушать мое откровенное мнение по этому предмету?

- Выслушать тебя? А как же? Разумеется.

- Итак, сэр, скажу по совести, нисколько не льстя ни вам, ни вашей дочери, что я охотно и с радостью принял сделанное мне предложение из уважения к вам обоим. Брачный союз между двумя семьями, живущими в таком близком соседстве, в постоянном общении и добром согласии, я считал весьма желательным, что же касается вашей дочери, то не только единогласное мнение всех, кто ее знает, но и мои собственные наблюдения служат мне порукой, что она будет бесценным сокровищем для хорошего мужа. Не буду ничего говорить о ее личных достоинствах -

они говорят сами за себя: ее доброта, ее отзывчивость, ее скромность слишком всем известны и не нуждаются в похвалах. Но в ней есть одно качество, которым в высокой степени обладала лучшая из женщин, теперь причтенная к лику ангелов,- качество не блестящее и потому обыкновенно не бросающееся в глаза; его так мало замечают, что не существует даже слова для его обозначения. Чтобы описать его, я должен прибегнуть к помощи отрицаний. Я никогда не слышал из ее уст развязности, так называемых бойких ответов, никогда не замечал в ней притязания на остроумие и еще меньше на глубокомыслие, которое может быть лишь результатом широкого образования и жизненного опыта, а в молодой девушке нелепо и напоминает обезьяньи ухватки. Никаких безапелляционных суждений, никаких критических замечаний. Сколько мне ни случалось видеть ее в обществе мужчин, она была вся внимание, слушала со скромностью ученика, а не вмешивалась в разговор с уверенностью учителя. Извините меня, но однажды, желая ее испытать, я спросил ее мнение о вопросе, составлявшем предмет спора между мистером Тваком и мистером Сквейром. "Извините, уважаемый мистер Олверти,- отвечала она со свойственной ей скромностью,- я уверена, вы сами не думаете всерьез, что я способна разрешить вопрос, относительно которого расходятся такие ученые люди". Тваком и Сквейр, оба одинаково ожидавшие решения в свою пользу, поддержали мою просьбу. Она им ответила с тем же добродушием: "Нет, пожалуйста, увольте меня: я не хочу брать на себя смелость поддерживать кого бы то ни было". Да, она всегда выказывала глубокое уважение к уму мужчины - качество, совершенно необходимое, чтобы сделаться хорошей женой. И так как дочь ваша, очевидно, чужда всякого притворства, то это уважение в ней, безусловно, искреннее. При этих словах Блайфил горько вздохнул.

- Не унывай, дружок,- сказал ему Вестерн, чуть не плача от этих похвал Софье,- она будет твоей, головой ручаюсь, хоть была бы в двадцать раз лучше.

- Вспомните ваше слово, сэр,- сказал Олверти,- вы обещали не прерывать меня.

- Молчу, молчу,- отвечал сквайр,- больше не скажу ни слова.

- Я так долго говорил о достоинствах молодой девушки, друг мой, продолжал Олверти,- отчасти потому, что мне действительно очень нравится ее характер, а отчасти, чтобы вы не подумали, будто, принимая так охотно ваше предложение, я имел в виду главным образом ее богатство (потому что в этом отношении брак очень выгоден моему племяннику). Конечно, я от всей души желал, чтобы такая жемчужина сделалась членом моей семьи, но из того, что мне хочется иметь много хороших вещей, не следует, что я готов украсть их или присвоить каким-нибудь насильственным или несправедливым способом. Между тем заставить женщину выйти замуж вопреки ее желанию и согласию есть столь вопиющая несправедливость и насилие, что было бы желательным запрещение подобных вещей законом. К счастью, наряду с законами государственными есть еще законы совести, восполняющие упущения законодательства. Настоящий случай как раз и подпадает под действие таких законов. В самом деле, разве не жестоко, разве не грешно принуждать женщину к вступлению в брак против ее воли, тогда как за свое поведение в звании жены она должна будет дать ответ перед высочайшим и страшным судилищем, рискуя вечной гибелью! Достойно исполнять супружеские обязанности дело нелегкое; как же смеем мы возлагать такое бремя на женщин; лишая ее при этом всего, что могло бы ей помочь нести его? Как смеем мы терзать ее сердце, поручая ей обязанности, которые и неистерзанному сердцу едва по силам? Буду говорить с полной откровенностью. Я считаю, что родители, поступающие таким образом, являются соучастниками всех последующих преступлений детей и, конечно, должны по справедливости делить с ними и наказание; но если бы даже они его избежали, так кто же, скажите на милость, примирится с мыслью, что содействовал осуждению на вечную гибель собственного дитяти? По этим причинам, любезнейший

сосед, видя, к несчастью, отвращение вашей дочери к моему племяннику, я должен отклонить ваше лестное предложение, о котором, однако, вы можете быть уверены, навсегда сохраню благодарную память.

- Хорошо, сэр,- сказал Вестерн (брызгая пеной из наконец-то откупоренного рта),- вы не можете меня упрекнуть в том, что я слушал вас невнимательно, прошу теперь выслушать меня; и если я не отвечу вам на каждое слово, то согласен считать дело поконченным. Прежде всего попрошу вас ответить на вопрос: произвел я ее на свет или нет? Да или нет? Отвечайте. Говорят: мудр тот отец, который знает своих детей; но я имею на нее все права, потому что я вскормил ее и вспоил. Так, надеюсь, вы не оспариваете, что я ее отец, а если я отец, то разве я не вправе руководить своей родной дочерью? А если я вправе руководить ею в других делах, то в таком важном деле и подавно. И чего, спрашивается, я от нее требую все это время? Разве я требую от нее чего-нибудь для себя? Требую, чтобы дала мне что-нибудь? Как раз напротив: я прошу ее взять половину моего состояния сейчас же, а другую половину оставляю ей после смерти. И все это зачем? Разве не затем, чтобы она была счастлива? Послушать иных, так прямо с ума сойдешь! Если бы я сам затеял жениться, так было бы отчего ей плакать и хныкать, а тут наоборот: я предлагаю так распорядиться поместьем, что если бы я захотел, то не мог бы жениться: какая же дура пойдет за меня на таких условиях? Мог ли я, скажите на милость, сделать что-нибудь большее? Я содействую ее вечной гибели! Проклятье! Да, по мне, лучше светопреставление, чем она повредит себе мизинец Право, мистер Олверти, вы меня извините, а только мне удивительно слышать от вас такие вещи; я, признаться, не в обиду будь вам сказано, предполагал в вас больше здравого смысла

Олверти отвечал на это рассуждение только улыбкой, которой, однако, даже при всех условиях не мог бы придать оттенок злобы или презрения. Он улыбался глупости - как, надо думать, улыбаются ангелы, глядя на сумасбродства людей.

Тогда Блайфилл попросил разрешения сказать несколько слов.

- Что касается применения насилия по отношению к мисс Вестерн, то я, разумеется, ни за что на это не соглашусь. Совесть возбраняет мне всякое насилие вообще, а тем более насилие над женщиной, к которой, несмотря на всю ее жестокость со мной, я всегда сохраню самое чистое и самое искреннее чувство. Однако я читал, что женщину почти всегда можно покорить постоянством. Так почему же и мне не надеяться снискать наконец ее расположение, в котором со временем я, может быть, не буду иметь соперников? Ведь что касается лорда, то мистер Вестерн любезно отдает предпочтение мне; а я полагаю, сэр, вы не будете оспаривать, что отцу принадлежит в этих делах, по крайней мере, отрицательный голос: я не раз даже слышал это мнение из уст самой мисс Вестерн, которая считает недопустимым брак против воли родителей. Кроме того, хотя все тетушки и кузины, по-видимому, покровительствуют притязаниям лорда, сама она как будто не расположена его поощрять. Увы, я слишком в этом уверен! Для меня нет сомнения, что известный вам негодяй все же занимает первое место в ее сердце.

- Да, да, занимает,- подтвердил Вестерн.

- Но когда она услышит о совершенном им убийстве,- продолжал Блайфилл,то, если даже закон пощадит его жизнь...

- Что такое? - воскликнул Вестерн.- Убийство? Он совершил убийство, и есть надежда увидеть, как его будут вешать?.. Трам-тарам, трам-там-тарам! запел он и пустился в пляс по комнате.

- Твоя несчастная страсть, дитя мое, чрезвычайно огорчает меня,сказал Олверти, обращаясь к Блайфиллу.- Мне искренне тебя жаль, и я готов всеми честными средствами помочь тебе добиться успеха.

- Большого я и не желаю,- отвечал Блайфилл,- мой дорогой дядя. Я уверен, вы не настолько дурного мнения обо мне, чтобы предполагать, будто для меня приемлемо

что-нибудь бесчестное.

- Вот что,- сказал Олверти,- я разрешаю тебе писать ей, посещать ее, если она тебе позволит, но не смей и думать ни о каком принуждении. Я не хочу и слышать о заключении и тому подобных мерах.

- Ладно, ладно,- сказал сквайр,- ничего такого не будет. Попробуем еще немного, авось добьемся своего по-хорошему. Только бы этого молодца повесили! Трам-там-тарам! Отродясь не получал более приятной весточки... На душе легче стало... Сделайте одолжение, дорогой Олверти, поедemте ко мне обедать в "Геркулесовы столпы". Я заказал жареного барашка, свиные котлеты, курицу и салат с яйцами. Кроме нас, никого не будет, разве вздумаем пригласить хозяина. Священника Сапла я послал в Бейзингсток за табакеркой забыл в гостинице, а бросить ее ни за что не хочу: старая моя спутница, больше двадцати лет служит. Хозяин, доложу вам, презабавнейший малый, непременно вам понравится.

Мистер Олверти в конце концов принял приглашение, и сквайр ушел, распевая и приплясывая на радостях, что скоро увидит трагический конец бедняги Джонса.

Когда он вышел, мистер Олверти с большой серьезностью заговорил снова о затронутом предмете. Он выразил желание, чтобы племянник постарался подавить эту страсть.

- Не льсти себя надеждой на успех,- сказал он.- Большое заблуждение думать, будто отвращение в женщине может быть побеждено постоянством. Постоянство, пожалуй, еще преодолевает иногда равнодушие; но в таких случаях победа одерживается обыкновенно над причудами, осторожностью, притворством и часто над крайним легкомыслием, побуждающим женщин не очень горячего темперамента, в угоду своему тщеславию, затягивать ухаживание подольше, даже если поклонник им нравится и они решили (если они вообще что-нибудь решают) в заключение увенчать его усилия жалкой наградой. Но решительная неприязнь, которая, боюсь я, имеет место в настоящем случае, скорее усиливается, чем преодолевается временем. Кроме того,- ты меня извини, дорогой мой,- у меня есть еще и другое опасение: боюсь, твоя страсть к этой прелестной девушке внушена тебе в значительной степени ее красотой и недостойна называться любовью, которая одна только составляет основу супружеского счастья. Восхищаться, любоваться и желать обладания красивой женщиной, но обращая внимания на ее чувство к нам, пожалуй, дело очень естественное; но любовь, я считаю, есть дитя одной только любви; по крайней мере, я сильно склонен думать, что любить того, кто очевидно нас ненавидит, не в природе человека. Исследуй их внимательно свое сердце, мой мальчик, и если в тебе зародится малейшее подозрение подобного рода, то, я уверен, религия и добродетель дадут тебе достаточно силы изгнать из сердца столь порочную страсть, а здравый смысл поможет сделать это безболезненно.

Читатель, верно, догадается, что ответил Блайфил; но если бы даже он был в затруднении, нам сейчас некогда оказывать ему помощь, потому что история наша спешит к предметам более важным, и мы не можем долее выносить разлуку с Софьей.

ГЛАВА IV Необычайная сцена между Софьей и ее теткой

Мычащая телка и блеющая овечка могут безопасно бродить в стадах по пастбищам, не привлекая к себе внимания. Хоть им и суждено со временем сделаться добычей человека, однако много лет беспрепятственно наслаждаются они свободой. Но когда жирная лань выбежит из лесу и приляжет отдохнуть на поляне или лужайке, тотчас весь приход поднимается на ноги, и каждый готов выпустить на нее собак, а если и заступится за несчастную добросердечный сквайр, то единственно затем, чтобы она вернее попала на его собственный стол.

Мне часто приходит на ум такая лань при виде богатой и знатной красавицы, впервые покинувшей стены родительского дома. Весь город приходит в волнение; ее

преследуют из парка в театр, из дворца в собрание, из собрания в ее собственную комнату, и редко избегает она даже в течение одного сезона пасти какого-нибудь хищника, ибо если друзья и защищают ее от одного, то лишь для того, чтобы отдать другому, которого они сами выбрали и который ей часто ненавистнее всех прочих. А целые стада других женщин блуждают между тем безопасно и почти безнадзорно по паркам, театрам, операм и собраниям; правда, и они по большей части делаются наконец добычей хищников, но долго перед тем резвятся на свободе, никем не стесняемые и не оберегаемые.

Из всех этих женщин ни одна не подвергалась стольким преследованиям, как наша бедная Софья. Злая судьба ее не насытилась мучениями бедняжки из-за Блайфила и наслала на нее нового преследователя, видимо, собиравшегося мучить ее не меньше, чем прежний. Правда, тетка ее не применяла таких крутых мер, как отец, но приставала к ней с не меньшим усердием.

Только что слуги были отпущены после обеда, как миссис Вестерн, уже открывшая Софье свои намерения, сообщила ей, что ждет сегодня лорда и воспользуется первым удобным случаем, чтобы оставить их наедине.

- Если так,- отвечала Софья в сердцах,- то и я воспользуюсь первым удобным случаем, чтобы ею покинуть.

- Вот как, сударыня! - воскликнула тетка.- И это благодарность за мою доброту, за то, что я освободила тебя от заключения у отца?

- Вы знаете, сударыня,- отвечала Софья,- что причиной этого заключения был мой отказ выйти по требованию батюшки за человека, которою я ненавижу; неужели дорогая тетушка, вызволившая меня из этой беды, навлечет на меня другую?

- Так, по-твоему, сударыня,- вспыхнула миссис Вестерн,- между лордом Фелламаром и мистером Блайфилом нет никакой разницы?

- По-моему, очень маленькая,- отвечала Софья,- и если уж мне быть обреченной одному из них, так я бы, конечно, предпочла принести себя в жертву желанию батюшки.

- Значит, мое желание, я вижу, имеет в твоих глазах очень мало веса. Впрочем, это меня нисколько не задевает. Я действую по более высоким побуждениям. Возвеличить свой род, возвысить тебя - вот что мною руководит. Неужели у тебя нет никакого честолюбия? Неужели тебя не прельщает мысль, что на дверце твоей кареты будет красоваться корона?

- Клянусь честью, нисколько! Подушечкой для булавок я была бы довольна не меньше, чем короной.

- Пожалуйста, не упоминай о чести Толковать об этом совсем не пристало такой негоднице, как ты. Я жалею, что ты заставляешь меня произносить грубые слова, но твой низкий образ мыслей для меня невыносим: в тебе совсем не сказывается кровь Вестернов. Впрочем, как бы пошлы и вульгарны ни были твои вкусы, это не может затронуть меня. Я не допущу, чтобы про меня говорили, будто я побудила тебя отказаться от одной из лучших партий в Англии, от партии, которая, не говоря уж о богатстве, сделала бы честь любой фамилии в государстве, а по знатности она даже выше нашей

- Видно, я родилась уродом,- отвечала Софья, - и лишена чувств, которыми награждены другие; наверно, есть же чувство, при помощи которого другие воспринимают прелесть громких звуков и показного блеска,- чувство, которого мне недостает; иначе не стали бы люди затрачивать столько труда и приносить столько жертв для достижения того, что представлялось бы им, как представляется мне, ничтожнейшим пустяком, а достигнув этого, не чванились бы так и не гордились.

- Полно врать, сударыня,- остановила ее тетка,- ты родилась с такими же чувствами, как и все люди; но будь уверена, что ты родилась не с таким умом, чтобы одурачить меня и выставить на посмеище перед всем светом. Объявляю тебе

самым торжественным образом,- а ты, я думаю, знаешь, как непреложны мои решения,- что, ежели ты не согласна принять сегодня его светлость, я завтра же утром собственными руками передам тебя отцу и больше не желаю вмешиваться в твои дела и даже тебя видеть.

Выслушав эту речь, произнесенную весьма гневным и решительным тоном, Софья несколько мгновений не произносила ни слова, потом залилась слезами и воскликнула:

- Делайте со мной, что вам угодно, сударыня, я несчастнейшее существо на свете! Если моя дорогая тетушка от меня отступается, где же тогда найти мне защитника?

- Любезная племянница, ты найдешь прекрасного защитника в его светлости - защитника, которого способно оттолкнуть от тебя разве только твое увлечение этим грязным Джонсом.

- Вы меня обижаете, сударыня! - воскликнула Софья.- После того, что вы мне показали, как можете вы предполагать, что я не изгнала навсегда всякие мысли о нем, если даже они у меня и были? Если вам нужно, я готова присягнуть, что никогда больше не буду с ним видаться.

- Так будь же рассудительной, душенька. Можешь ты привести хоть одно возражение против лорда?

- Я, кажется, уже приводила вам достаточно веское возражение, отвечала Софья.

- Какое же? - удивилась тетка.- Я что-то не припоминаю.

- Ведь я говорила вам, сударыня, что он вел себя со мной самым грубым и непристойным образом.

- Или я ни слова об этом не слышала, или не поняла тебя, душенька. Но что ты подразумеваешь под словом "грубым и непристойным образом"?

- И рассказать стыдно, сударыня. Он схватил меня в объятия, повалил на диван, засунул руку за лиф и принялся целовать с такой яростью, что у меня до сих пор на левой груди есть знак.

- Полно! - воскликнула миссис Вестерн.

- Да, да, сударыня! Счастье, что в эту минуту вошел батюшка, а то бог знает, до чего бы он довел свою дерзость.

- Неслыханно! Возмутительно!-воскликнула тетка.- Еще ни с одной женщиной из рода Вестернов не обращались таким образом. Я бы самому принцу выцарапала глаза, если бы он позволил себе такие вольности со мной. Это невыносимо! Нет, Софья, ты, верно, все это выдумала, чтобы восстановить меня против него.

- Надеюсь, сударыня,- отвечала Софья,- вы не настолько дурного мнения обо мне, чтобы считать меня способной лгать. Клянусь вам, это правда.

- Я бы всадила ему нож в сердце, если бы там была! Однако у него не могло быть бесчестного намерения, это невозможно! Он бы не посмел. Да за это говорит и его предложение: намерения его не только честные, но и великодушные. Почему я знаю: в нынешнее время молодые люди позволяют себе слишком большие вольности. Почтительный поклон - вот все, что я позволила бы до свадьбы. У меня тоже были поклонники, но я не захотела выйти замуж и никогда не позволяла им ни малейшей вольности. Это нелепый обычай, он всегда был мне не по душе. Мужчины целовали меня только в щеку. Пожалуй, еще мужу можно позволить целовать себя в губы, да и то, если бы я когда-нибудь вышла замуж, то, думаю, мне нелегко было бы решиться на это.

- Простите мне, дорогая тетушка,- сказала Софья,- если я сделаю одно замечание. Вы говорите, что у вас было много поклонников; это всем известно, даже если бы вы вздумали это отрицать. Вы отказали им всем, а в их числе, я уверена, был не один с гербом, украшенным короной.

- Это правда, милая Софи, однажды мне сделала предложение особа титулованная.

- Так почему же вы не позволяете мне отказать этому лорду?

- Да, душенька, я отказала человеку титулованному, но то предложение не было такое блестящее: я хочу сказать, оно не было таким блестящим, как то, которое делают тебе.

- Хорошо, тетушка, но ведь вы получали предложения и от людей очень богатых. Таких выгодных предложений вам было сделано не одно, не два и не три.

- Да, несколько.

- Отчего же и мне, тетушка, не подождать другого, может быть, более лестного? Вы еще молодая женщина и, конечно, не отдадите руки первому, кто за вас посватается, будь он богат и даже знатен. А ведь я совсем молоденькая и отчаиваться мне рано.

- Это верно, голубушка,- растаяла тетка,- но чего же ты от меня хочешь?

- Я прошу вас не оставлять меня одну с лордом, по крайней мере, сегодня. Сделайте мне это одолжение, и я к нему выйду, если вы считаете это возможным после того, что произошло.

- Хорошо, я согласна. Ты ведь знаешь, Софи, что я тебя люблю и ни в чем не могу тебе отказать. Не всегда я была так сговорчива. Прежде меня считали жестокой - мужчины, конечно,- меня называли жестокой Парфениссой. Немало вскрыла я конвертов, заключающих в себе стихи к жестокой Парфениссе. Софи, я никогда не была так хороша собой, как ты, и все же я чем-то на тебя походила. Теперь я немножко изменилась. Державы и царства, как говорит Туллий Цицерон в своих письмах, претерпевают изменения; той же участи подвержен и человек.

И целые полчаса говорила она о себе, о своих победах и своей жестокости, до самого приезда милорда, который, высидев очень скучный визит, потому что миссис Вестерн ни на минуту не покидала комнаты, удалился, недовольный как теткой, так и племянницей. Софья привела тетку в такое превосходное расположение духа, что та почти во всем с ней соглашалась, в частности, и в том, что такого предприимчивого поклонника следует держать на почтительном расстоянии.

Таким образом, героиня наша благодаря умело пущенной в ход лести, за которую, верно, никто не будет ее порицать, добилась маленькой поблажки во всяком случае, сбыла с плеч этот тяжелый день. А теперь, оставив Софью в лучшем положении, чем то, в каком она находилась уже долгое время, обратимся к мистеру Джонсу, покинутому нами в положении самом безотрадном.

ГЛАВА V Миссис Миллер и мистер Найтингейл навещают Джонса в тюрьме

Когда мистер Олверти уехал с племянником к мистеру Вестерну, миссис Миллер отправилась к своему зятю, чтобы сообщить ему о несчастье, постигшем его друга Джонса; но тот давно уже знал об этом от Партриджа (Джонс, съехав от миссис Миллер, поселился в одном доме с мистером Найтингейлом). Почтенная вдова нашла свою дочь в глубоком огорчении по поводу случившегося с Джонсом; кое-как ее утешив, она отправилась в тюрьму, куда мистер Найтингейл прибыл уже раньше.

Верность и постоянство истинного друга - явления, настолько отрадные для человека, попавшего в беду, что самая беда, если она преходяща и допускает облегчение, ими более чем вознаграждается! Примеры подобного рода не так редки, как кажется поверхностным и невнимательным наблюдателям. Надо признаться, что недостаток сочувствия не принадлежит к числу широко распространенных нравственных изъянов. Губительным ядом, отравляющим наши души, является зависть. Поэтому глаза наши, боюсь, редко поднимаются без зложелательства на тех, кто явно выше, лучше, умнее и счастливее нас, тогда как мы охотно опускаем их на низшего и несчастного с участием и жалостью. Действительно, я заметил, что дружбу подрывает по большей части именно зависть - адский порок; но я крайне редко

встречал людей, совершенно от него свободных. Однако довольно о предмете, который, если в него углубляться, завел бы меня слишком далеко.

Опасалась ли Фортуна, что Джонс окончательно сломится под тяжестью своих невзгод и таким образом лишит ее возможности мучить его в будущем или же действительно несколько умерила свою суровость к нему, только она как будто перестала его преследовать, прислав к нему двух верных его друзей и, что случается еще реже, верного слугу, ибо Партридж, при всех своих недостатках, отличался верностью; и хотя страх не позволил бы ему пойти в петлю за хозяина, однако, мне кажется, золото всего мира не могло бы заставить его изменить ему.

Между тем как Джонс выражал большую радость по случаю встречи с друзьями, явился Партридж с известием, что мистер Фитцпатрик еще жив, хотя хирург считает положение его почти безнадежным. Услышав это, Джонс глубоко вздохнул, а Найтингейл сказал ему:

- Что вы так огорчаетесь, дорогой Том? Ведь чем бы это происшествие ни кончилось, опасаться вам нечего, и совесть ваша не может вас ни в чем упрекнуть. Если даже он умрет, так вы только лишили жизни буяна в порядке самозащиты. Так на это посмотрит и судебное следствие, и вас охотно отдадут на поруки. Правда, вас будут судить; но такой процесс - пустая формальность, и любой ходатай согласится защищать вас за шиллинг.

- Полно, мистер Джонс,- сказала миссис Миллер,- ободритесь; я знаю, что не вы были зачинщик. Я уже говорила это мистеру Олверти, и он должен будет со мной согласиться, иначе я от него не отстану.

Джонс с грустью на это ответил, что, какова бы ни была его участь, он всегда будет горевать, что пролил кровь ближнего, и считать это величайшим несчастьем своей жизни.

- Но на меня свалилось и другое горе, к которому я гораздо более чувствителен... Ах, миссис Миллер, я потерял то, что было для меня дороже всего на свете!

- Должно быть, возлюбленную,- сказала миссис Миллер.- Но полно, ободритесь: я знаю больше, чем вы думаете (Партридж разболтал ей все), и слышала больше, чем вы знаете. Ваши дела совсем не так плохи, уверяю вас: я не поставила бы и шести пенсов за Блайфила.

- Ах, дорогая хозяйшюка, я вижу, вы совсем не знаете истинной причины моего горя. Если бы вы знали, в чем дело, вы бы согласились, что положение мое безнадежно. Блайфил меня не тревожит. Я сам погубил себя.

- Не отчаивайтесь.- сказала миссис Миллер,- вы не знаете, что может сделать женщина, и если я могу быть чем-нибудь полезна, то сделаю все, чтобы услужить вам. Это мой долг. Мой зять, дорогой мистер Найтингейл, который признался мне, сколь многим он вам обязан по такому же поводу, знает, что это мой долг. Не пойти ли мне самой к мисс Софье? Я передам ей все, что вы прикажете.

- О лучшая из женщин! - воскликнул Джонс, пожав ей руку.- Не говорите мне об одолжениях... Но если уж вы так добры, то у меня есть одна просьба, которую вы, вероятно, можете исполнить. Я вижу, что вы знаете даму (как это получилось, мне неизвестно), которая владеет моим сердцем. Если вы найдете способ передать ей вот это (он вынул из кармана письмо), я навсегда сохраню к вам признательность за вашу доброту.

- Давайте,- сказала миссис Миллер,- и если я не вручу ей это письмо до вечера, лучше мне больше не просыпаться! Утешьтесь, дорогой друг! Будьте умницей, извлеките урок из прошлых ваших безрассудств, и я ручаюсь вам, что все пойдет хорошо. Я еще увижу вас счастливым супругом очаровательнейшей женщины на свете, как все про нее говорят.

- Поверьте, сударыня, я не собираюсь петь вам песенку, какую обыкновенно поют люди, попавшие в мое положение. Еще до этого ужасного случая я решил

оставить прежний образ жизни, уяснив себе все его безумие и порочность. Уверю вас, что, несмотря на беспорядок, к прискорбию учиненный мной в вашем доме, за что искренне прошу у вас прощения, я не отпетый преступник. Я, может быть, чересчур отдавался пороку, но не одобряю безнравственного поведения и с этой минуты не дам никому повода для упреков.

Миссис Миллер с большим удовлетворением выслушала этот зарок, в искренности которого нисколько не сомневалась, и остальной разговор прошел в соединенных усилиях этой почтенной женщины и мистера Найтингейла развеселить упавшего духом мистера Джонса, в чем они и успели настолько, что оставили нашего героя почти совершенно утешенным и успокоенным. Этой счастливой перемене больше всего содействовала готовность миссис Миллер передать Софье его письмо, которое Джонс совсем было отчаялся переправить по назначению: дело в том, что Черный Джордж, принеся последнее письмо от Софьи, сказал Партриджу, что барышня строжайше запретила ему, под страхом открыть все отцу, возвращаться с ответом. Кроме того, Джонсу было весьма отрадно найти в лице миссис Миллер, этой действительно достойнейшей женщины, горячую заступницу перед мистером Олверти.

Визит миссис Миллер продолжался целый час (Найтингейл пробыл у Джонса еще дольше); наконец оба гостя попрощались с Джонсом, обещая вскоре навестить его снова. Миссис Миллер выразила при этом надежду принести ему добрые вести от Софьи, и мистер Найтингейл обещал узнать о состоянии здоровья мистера Фитцпатрика и, кроме того, разыскать кого-нибудь из свидетелей поединка.

Миссис Миллер отправилась прямо к Софье, куда и мы за ней последуем.

ГЛАВА VI, в которой миссис Миллер посещает Софью

Получить доступ к Софье было нетрудно: так как она находилась теперь в самых дружеских отношениях с теткой, то могла принимать кого угодно.

Софья одевалась, когда ей доложили, что ее желает видеть какая-то дама. Так как она не боялась и не стыдилась свидания с женщиной, то миссис Миллер тотчас же была принята.

После поклонов и формальностей, обыкновенных при встрече незнакомых между собой женщин, Софья сказала:

- Я не имею удовольствия знать вас, сударыня.

- Да, вы меня не знаете, сударыня,- отвечала миссис Миллер,- и я должна попросить у вас извинения, что так бесцеремонно к вам вхожу. Но когда вы узнаете, что заставило меня вас побеспокоить, то надеюсь...

- Что же вам угодно, сударыня? - спросила Софья с некоторым волнением.

- Мы не одни, сударыня,- отвечала вполголоса миссис Миллер.

- Оставьте нас, Бетти,- приказала Софья.

- Я пришла к вам по просьбе одного несчастного молодого человека вот с этим письмом,- сказала миссис Миллер, когда Бетти вышла.

Софья, увидя адрес и узнав почерк, переменялась в лице и, помолчав немного, сказала:

- Никак не могла предположить, сударыня, по вашему виду, чтобы вы пришли по такому делу... От кого бы ни было это письмо, я его не распечатаю. Мне было бы неприятно поселять в ком бы то ни было ложные подозрения; я вас совсем не знаю.

- Минутку терпения, сударыня,- отвечала миссис Миллер,- я расскажу вам, кто я и как попало в мои руки это письмо.

- Ни то, ни другое меня не интересует, сударыня,- сказала Софья, возвысив голос,- и я настоятельно прошу вас вернуть письмо тому, от кого вы его получили.

При этих словах миссис Миллер упала на колени и в самых прочувствованных выражениях принялась умолять Софью сжалиться. На это Софья отвечала:

- Право, сударыня, мне удивительно: почему вы так усердно хлопчете за этого

человека? Мне бы не хотелось предполагать, сударыня...

- Все ваши предположения отпадут, когда вы узнаете истину, сударыня. прервала ее миссис Миллер.- Я расскажу вам все, и вы перестанете удивляться, почему я так хлопочу. Это прекраснейшей души человек,- и она рассказала всю историю с мистером Андерсоном, заключив ее словами: - Вот до чего простирается его доброта, сударыня! Но я обязана ему еще гораздо большим: он спас мою дочь.

Тут она со слезами на глазах подробно изложила, как это произошло, опустив только обстоятельства, которые могли бы повредить репутации дочери, и заключила свою речь словами:

- Судите же теперь, могу ли я когда-нибудь заслуженно отблагодарить такого отзывчивого, доброго, такого великодушного человека, лучшего и достойнейшего из всех людей!

До сих пор изменения, совершавшиеся на лице Софьи, были к ее невыгоде: она слишком сильно бледнела; но теперь она зарделась ярче киновари и проговорила:

- Не знаю, что и сказать. Конечно, нельзя порицать поступки, проистекающие из благодарности... Но какая же польза будет вашему другу, если я прочту это письмо, раз я решила никогда...

Миссис Миллер снова принялась упрашивать Софью, сказав, что ни в коем случае не может отнести письмо назад.

- Ну что же, сударыня, видно, ничего не поделаешь, если вы хотите навязать его мне...- сказала Софья.- Вы ведь можете его оставить, хочу я этого или нет.

Что разумела в данном случае Софья и разумела ли она что-нибудь - не берусь решить, только миссис Миллер приняла слова за намек, положила письмо на стол и простилась, предварительно попросив разрешения навестить Софью еще раз, на что не получила ни согласия, ни отказа.

Письмо пролежало на столе лишь до той минуты, пока миссис

Миллер не скрылась из виду; после этого Софья вскрыла его и прочла.

Письмо это принесло очень мало пользы нашему герою, ибо все почти состояло из горьких сокрушении по поводу его низости и торжественных клятв в нерушимой верности Софье; Джонс выражал надежду убедить ее в этом, если он удостоится когда-нибудь чести быть к ней допущенным, а относительно письма к леди Белластон обещал представить такие объяснения, что Софья если и не оправдает, то, во всяком случае, простит его. Заключал он уверением, что у него и в мыслях никогда не было жениться на леди Белластон.

Хотя Софья перечла это письмо два раза с большим вниманием. оно все-таки осталось для нее загадкой; при всех своих усилиях она не могла найти никакого оправдания поступку Джонса и продолжала на него сердиться, хотя леди Белластон отняла у нее столько злобы, что в кроткой ее душе оставалось очень мало этого чувства на долю других.

К несчастью, леди Белластон должна была в этот день обедать у миссис Вестерн, а после обеда они условились пойти втроем в оперу и оттуда на драм к леди Томас Гатчет. Софья с удовольствием отказалась бы от всех этих удовольствий, но не хотела сердить тетку, а что касается искусства притворяться больной, то ОБО было настолько ей чуждо, что она о нем даже не подумала. Окончив туалет, она сошла вниз, решив мужественно встретить все ожидающие ее неприятности. А день действительно выпал для нее крайне неприятный, ибо леди Белластон пользовалась каждым случаем, чтобы очень вежливо ее уколоть, между тем как подавленное состояние делало Софью неспособной отражать удары, не говоря уже о том, что она и вообще весьма посредственно владела искусством словесного поединка.

Другой неприятностью для бедной Софьи была встреча в опере с лордом Фелламаром, поехавшим с ней и на драм. Правда, театр и гостиная были местами

слишком людными, чтобы он мог позволить себе какую-нибудь нескромность, и Софья была несколько развлечена музыкой в одном месте и картами в другом, но ей все же не могло быть весело в его обществе: в женщинах есть деликатность, которая не позволяет им чувствовать себя непринужденно в присутствии человека, имеющего на них виды, но не пользующегося их благосклонностью. Дважды упомянув в этой главе о драме слово, которое, надо думать, будет непонятным в том смысле, как оно здесь употреблено,- мы, при всей своей торопливости, остановимся на минуту, чтобы описать это развлечение, тем более что мигом справимся с этой задачей.

Итак, драм - это собрание нарядно одетых людей обоего пола, большая часть которых играет в карты, а прочие ничего не делают; хозяйка же исполняет роль трактирщицы и, подобно последней, гордится числом своих гостей, хотя, не в пример последней, не всегда выигрывает от этого.

Требуется очень много находчивости, чтобы поддержать оживление в таких нелепых собраниях; не удивительно поэтому, что светские люди вечно жалуются на скуку,- жалоба, свойственная исключительно людям высшего круга. Можно себе представить, как невыносима была для Софьи эта бессмысленная толчея и какого труда стоило ей притворяться веселой, когда на душе у нее было так грустно и ее так неотступно преследовали мучительные мысли!

Ночь, однако, позволила ей наконец вернуться домой и лечь спать. Тут мы ее и оставим, пожелав ей хоть немного забыться, так как боимся, что настоящего покоя она не найдет и в постели, а сами будем продолжать нашу историю, которая,- какой-то голос шепчет нам,- подошла теперь к порогу больших событий.

ГЛАВА VII Патетическая сцена между мистером Олверти и миссис Миллер

По возвращении мистера Олверти с обеда миссис Миллер имела с ним длинный разговор, в котором сообщила ему, что Джонс, к несчастью, потерял все подученное им на прощанье от своего благодетеля и что эта потеря поставила его в тяжелое положение; обо всем этом, по ее словам, она узнала в подробностях от добросовестного Партриджа. Потом она перечислила услуги, оказанные ей Джонсом, опустив, впрочем, кое-что касавшееся ее дочери; хотя она питала полное доверие к мистеру Олверти и к тому же не могла надеяться сохранить в тайне дело, к несчастью, уже известное полудюжине посторонних, но все же не решилась сообщить ему обстоятельства, бросающие тень на доброе имя бедной Нанси, и заботливо обошла молчанием эту сторону дела в своих показаниях, как будто давала их судье на процессе об убийстве девушкой незаконного ребенка.

Олверти отвечал, что существует очень мало людей, настолько порочных, чтобы в них нельзя было найти никаких проблесков добра.

- Как бы то ни было,- сказал он,- я не могу отрицать, что этот человек, несмотря на всю его порочность, оказал вам некоторые услуги, и потому прощаю вам ваше заступничество. но настоятельно прошу вас больше не произносить при мне его имени. Могу вас уверить, что я решил поступить с ним так, как я поступил, лишь на основании исчерпывающих и очевиднейших улик.

- Пусть так,- сказала миссис Миллер,- но у меня нет ни малейшего сомнения, что рано или поздно время откроет истину и вы убедитесь, что этот несчастный юноша гораздо больше заслуживает вашего расположения, чем другие, имени которых я не назову.

- Сударыня.- объявил Олверти несколько повышенным тоном,- я не желаю слушать оскорбительных намеков по адресу моего племянника; и если вы скажете еще хоть слово в этом роде, я в ту же минуту покину ваш дом. Это прекрасный и достойный человек; и я еще раз повторяю вам: он простер свою дружбу к неблагодарному непозволительно далеко, слишком долго скрывая факты самого грязного свойства. Больше всего меня возмущает неблагодарность негодяя к этому превосходному молодому человеку, ибо я имею, сударыня, серьезные основания

думать, что он замышлял оклеветать передо мной племянника и завладеть таким образом его наследством.

- Конечно, сэр,- отвечала немного оробевшая миссис Миллер (ибо хотя мистер Олверти был весьма ласков и приветлив в добром расположении, но в гневе внушал людям страх),- я никогда не скажу дурного слова против того, о ком вам угодно думать хорошо,- это было бы с моей стороны непристойно, особенно когда дело идет о вашем близком родственнике; однако вы не должны на меня сердиться, сэр, за то, что я желаю добра этому несчастному. Да, я теперь вправе назвать его так, хотя в прежнее время вы бы на меня разгневались за малейшее непочтительное слово о нем. Сколько раз слышала я, как вы называли его сыном! Сколько раз вы умилялись, глядя на него, при мне, как любящий отец! Никогда я не забуду, в каких теплых выражениях и с какой похвалой говорили вы мне о его красоте, о его одаренности, о его высоких нравственных качествах - доброте и благородстве. Нет, сэр, я не могу этого забыть, потому что все это правда. Я убедилась в этом на опыте. Он спас мою семью. Простите мои слезы, сэр, будьте ко мне снисходительны. Думая о жестоких превратностях судьбы, испытанных этим несчастным юношей, которому я стольким обязана, представляя, как больно было ему лишиться вашей благосклонности, которой, я знаю, он дорожил больше своей жизни, я не могу не горевать о нем. Будь даже у вас в руке кинжал, готовый поразить меня в сердце, я все-таки горевала бы о несчастии человека, которого вы когда-то любили и которого я всегда буду любить!

Олверти был очень взволнован этой речью, но выслушал ее, по-видимому, без гнева, потому что, помолчав немного, он с чувством пожал руку миссис Миллер и сказал:

- Полно, сударыня, поговорим теперь о вашей дочери. Я не могу порицать вас за то, что вы радуетесь этой свадьбе, сулящей ей много хорошего, но все эти выгоды в значительной степени зависят от примирения с отцом. Я хорошо знаю мистера Найтингейла: когда-то я имел с ним дела; я побываю у него и постараюсь помочь вам в этой! деле. Он, мне кажется, человек очень корыстный, но так как ваш зять - его единственный сын и дело сделано бесповоротно, то, может быть, его удастся образумить. Я обещаю вам сделать все, что в моих силах.

Миссис Миллер долго благодарила мистера Олверти за его великодушное предложение и воспользовалась этим случаем, чтобы снова выразить признательность Джонсу, "которому,- сказала она,- я обязана тем, сэр, что имею повод причинить вам это беспокойство". Олверти мягко ее остановил; но он был слишком добрый человек, чтобы серьезно обидеться за это проявление благородного чувства, одушевлявшего миссис Миллер; может быть, даже, если бы не принесенное Блайфилом известие, подогревшее его прежний гнев на Джонса, он и смягчился бы к своему воспитаннику, выслушав рассказ о поступке, который сама злоба не могла бы истолковать в дурную сторону.

Беседа мистера Олверти и миссис Миллер, продолжавшаяся более часа, была прервана приходом Блайфила в сопровождении уже известного мистера Даулинга, стряпчего, сделавшегося теперь большим любимцем мистера Блайфила. По желанию племянника, мистер Олверти назначил его своим управителем и рекомендовал также мистеру Вестерну, который обещал предоставить стряпчему и у себя ту же должность, как только она освободится, а тем временем поручил ему в Лондоне произвести взыскание по одной закладной.

Это дело главным образом и привело мистера Даулинга в столицу; он воспользовался этим случаем, чтобы доставить деньги мистеру Олверти и доложить ему о некоторых других делах; но так как они слишком прозаичны, чтобы найти место в этой истории, то предоставим их дяде, племяннику и их поверенному, а сами обратимся к другим предметам.

ГЛАВА VIII, содержания разнообразного

Прежде чем вернуться к мистеру Джонсу, бросим взгляд на Софью.

Хотя с помощью лесты, описанной нами выше, ей и удалось привести тетку в отличное расположение духа, но умерить рвение последней выдать ее замуж за лорда Фелламара было Софье не по силам. Рвение это еще больше подогрела леди Белластон, сказавшая, что из поведения Софьи и ее обращения с лордом она совершенно убедилась в недопустимости никаких отсрочек и что единственный способ достигнуть успеха - это сыграть свадьбу как можно скорее,- так, чтобы племянница миссис Вестерн успела опомниться и принуждена была дать согласие, не соображая хорошенько, что она делает; так, говорила леди, совершается половина браков в светском обществе. Утверждение, по-видимому, правильное и хорошо объясняющее нежные отношения между счастливыми супругами нашего времени.

Подобный же намек леди сделала лорду Фелламару. И миссис Вестерн, и лорд приняли совет ее с такой готовностью, что миссис Вестерн, по просьбе лорда, назначила на следующий же день свидание молодых людей. Тетка объявила об этом Софье таким резким и решительным тоном, что та, испробовав - без малейшего успеха - все возражения, какие только могла придумать, вынуждена была наконец проявить высшее доказательство покорности, на какое способна девушка, и согласилась принять лорда.

Так как разговоры подобного рода не могут представлять большой занимательности, то на нас не посетуют, если мы не передадим всего, что произошло на этом свидании; скажем только, что после многих уверений его светлости в чистейшей и пламеннейшей любви Софья, сидевшая молча и сгорая со стыда, собрала наконец все свои силы и тихим, дрожащим голосом сказала;

- Вы должны сами сознавать, милорд, совместимо ли ваше прежнее обхождение со мной с вашими теперешними уверениями?

- Неужели нет никакого способа загладить минуту безумия? Ведь поступок мой, кажется, ясно доказывает, что страсть лишила меня рассудка.

- Я думаю, милорд, что вы можете мне дать доказательство приязни, которую я охотно бы поощрила и за которую была бы более признательна.

- Назовите его, сударыня,- с жаром сказал лорд.

- Милорд,- отвечала Софья, рассматривая свой веер,- я уверена, что вы не можете не сознавать, как тяжела мне ваша притворная страсть.

- Как можете вы быть настолько жестоки, чтобы называть ее притворной?

- Да, милорд, все уверения в любви, обращаемые к человеку, которого преследуешь,- лишь оскорбительное притворство. А вы жестоко преследуете меня своими домогательствами; больше того: вы самым недостойным образом злоупотребляете моим несчастным положением.

- Прекрасная, обожаемая очаровательница, не обвиняйте меня в недостойных поступках, когда, напротив, все помыслы мои направлены к ограждению вашей чести и ваших интересов и когда у меня одно только желание, одна надежда - повергнуть к ногам вашим мое имя, мою честь, мое богатство и все, чем я владею.

- Милорд, именно это богатство и эти почести дают вам преимущество, которым вы так недостойно пользуетесь. Они-то и соблазнили моих родных, но я к ним совершенно равнодушна. Если вашей светлости угодно заслужить мою благодарность, то для этого есть одно только средство.

- Простите, божественная, такого средства нет. Все, что я могу для вас сделать, составляет мой долг и настолько мне приятно, что о благодарности с вашей стороны не может быть и речи.

- Повторяю, милорд,- продолжала Софья,- вы заслужите мою благодарность, самое лестное мнение о вас, самые лучшие пожелания - и это не будет стоить вам никакого труда, потому что человеку великодушному легко исполнить мою просьбу.

Позвольте же мне просить вас прекратить ваши домогательства, которые все равно ни к чему не приведут. Столько же ради вас, как и ради себя, я молю вас об этой милости; ведь вы слишком благородны, чтобы вам доставляло удовольствие терзать несчастную женщину. Чего, кроме неприятностей, можете ожидать вы, упорствуя в своем намерении, когда, клянусь честью, клянусь жизнью, никакие муки не заставят меня уступить вам.

В ответ на это лорд глубоко вздохнул и сказал;

- Неужели я так несчастлив, сударыня, что навлек на себя ваши презрение и неприязнь? Или - извините меня, если я выскажу подозрение, что тут замешан другой...

Он остановился в нерешительности, и Софья с некоторым раздражением отвечала:

- Милорд, я не обязана давать вам отчет о причинах моих поступков. Я очень признательна вашей светлости за великодушное предложение, которым вы меня почтили,- я его не заслужила и на него не рассчитывала; но надеюсь, милорд, вы не станете спрашивать меня о причинах, когда я скажу, что не могу его принять.

Лорд Фелламар отвечал на это пространным излиянием, довольно неудобопонятным и плохо согласуемым со здравым смыслом и грамматикой; свою высокопарную речь он заключил словами: если она уже обещала другому джентльмену, то, как это ему ни тяжело, он считает долгом чести отказаться от своего намерения. Вероятно, милорд сделал слишком сильное ударение на слове "джентльмену", иначе мы не в состоянии объяснить негодование Софьи, которая в своем ответе с силой дала почувствовать, насколько она оскорблена.

В тот момент, когда она отвечала лорду Фелламару так мало ей свойственным повышенным тоном, в комнату вошла миссис Вестерн, вся красная, со сверкающими глазами.

- Мне стыдно, милорд,- сказала она,- за оказанный вам прием. Могу уверить вашу светлость, что все мы польщены сделанным вами предложением. А вам, мисс Вестерн, я должна сказать, что родные ваши ожидают от вас другого поведения.

Тут милорд вступился за молодую девушку, но безуспешно: тетка не умолкала, пока Софья не вынула носовой платок, не бросилась в кресло и громко не разрыдалась.

Остальная часть разговора между миссис Вестерн и его светлостью состояла с его стороны в горьких жалобах, а с ее - в горячих уверениях, что племянница должна согласиться и непременно согласится на все его желания.

- Извольте видеть, милорд,- говорила тетка, -она получила нелепое воспитание, не соответствующее ни ее состоянию, ни происхождению. Во всем виноват, с прискорбием должна сказать, ее отец. У девочки глупые деревенские понятия насчет стыдливости. Ничего больше, милорд, даю вам слово. Я глубоко убеждена, что от природы она не глупа и ее нетрудно будет образумить.

Все это было сказано уже в отсутствие Софьи, которая незадолго перед этим оставила комнату в таком гневе, какого она еще никогда не испытывала, а его светлость простился, рассыпаясь в благодарностях миссис Вестерн, которая его горячо ободряла, и клянясь, что ничто в мире не может поколебать его страсти и верности своей избраннице.

Прежде чем рассказывать, что произошло после этого между миссис Вестерн и Софьей, уместно будет упомянуть о несчастном случае, послужившем причиной описанного нами бурного появления миссис Вестерн перед Софьей и лордом.

Да будет известно читателю, что горничная, прислуживавшая теперь Софье, была рекомендована на эту должность леди Белластон, у которой она некоторое время служила камеристкой. Она была девушка очень сметливая и получила строжайший наказ следить за каждым шагом Софьи. Наказ этот, с прискорбием

должны мы сказать, был ей передан через миссис Гонору, которую леди Белластон так обласкала, что горячая любовь, некогда питаемая этой почтенной камеристкой к Софье, была теперь совершенно вытеснена из ее сердца привязанностью к новой госпоже.

Итак, когда миссис Миллер удалилась, Бетти (так звали горничную) вернулась к молодой госпоже своей и застала ее погруженной в чтение длинного письма. Уже один взволнованный вид Софьи мог заронить в горничной кое-какие подозрения, однако они имели гораздо более прочное основание, потому что Бетти подслушала весь разговор Софьи с миссис Миллер.

Бетти не замедлила рассказать обо всем миссис Вестерн и вместе с похвалами и наградой за верную службу получила приказание проводить женщину, принесшую письмо, если она придет в другой раз, прямо к ней.

К несчастью, миссис Миллер пришла как раз в то время, когда Софья была занята с лордом. Бетти, согласно приказанию, направила ее к тетке, которая, зная столько подробностей относительно происходившего накануне, без труда убедила простодушную женщину, будто Софья все ей рассказала, и таким образом выведала у вдовы все, что той было известно о письме и о Джонсе.

Миссис Миллер была, что называется, сама простота. Она принадлежала к тому разряду смертных, которые готовы верить всему, что им ни скажешь, которым природа не отпустила ни наступательного, ни оборонительного оружия притворства и которых поэтому обманывает всякий, кто только возьмет на себя труд солгать. Миссис Вестерн, выпытав у миссис Миллер все, что той было известно, - то есть не бог весть что, но достаточно, чтобы пробудить в миссис Вестерн сильные подозрения, - отпустила вдову с уверениями, будто Софья не желает ни видеть ее, ни отвечать на письмо, ни принимать новые письма, и на прощанье не преминула сделать ей внушительное наставление насчет непристойности занятия, которое она не может назвать иначе, как сводничеством. Открытие это сильно испортило хорошее расположение духа миссис Вестерн, и тут-то, войдя в комнату, смежную с той, в которой Софья принимала лорда, она услышала горячие возражения племянницы на просьбы его светлости. Не в силах долее сдерживать свой гнев, она шумно ворвалась к племяннице, как уже было описано, после чего разыгралась сцена, кончившаяся уходом лорда.

Только что лорд Фелламар удалился, как миссис Вестерн отправилась к Софье и осыпала ее резкими упреками за злоупотребление оказанным доверием переписку с человеком, с которым она еще накануне торжественно поклялась прекратить всякие сношения. Софья возразила, что она не поддерживает с ним никаких отношений.

- Как! - воскликнула тетка. - Вы изволите отрицать, мисс Вестерн, что получили от него вчера письмо?

- Письмо? - спросила несколько озадаченная Софья.

- Это невоспитанность, мисс, повторять мои слова. Да, письмо, и я требую, чтобы вы мне его сейчас же показали.

- Мне противно лгать, сударыня, - отвечала Софья. - Я точно получила письмо, но не по моему желанию и, могу даже сказать, вопреки моей воле.

- Постыдились бы, мисс, признаваться в этом! Где же письмо? Я желаю его видеть.

Софья не сразу нашлась, что ответить на это решительное требование, но наконец, порывшись в кармане, попросила извинения, сказав что письма при ней нет; это была правда. Тут тетка, потеряв всякое терпение, спросила племянницу напрямик: желает ли она выйти за лорда Фелламара или нет, на что Софья твердо ответила ей, что не желает. Тогда миссис Вестерн поклялась, что завтра же рано утром отошлет ее к отцу.

Софья принялась следующим образом уговаривать тетку:

- Зачем вы хотите, сударыня, непременно выдать меня замуж? Подумайте, какой жестокостью сочли бы вы подобное принуждение по отношению к вам самим и насколько благоразумнее были ваши родные, предоставив вам в этом деле полную свободу. Чем я провинилась, что вы запрещаете мне ею пользоваться? Я никогда не выйду замуж без согласия батюшки и без вашего позволения... Если вы найдете мой выбор неподходящим, то ведь будет еще довольно времени навязать мне другую партию.

- Можно ли спокойно выслушивать такие вещи от девушки, в кармане у которой письмо от убийцы?

- У меня нет этого письма, уверяю вас; и если он убийца, то скоро не будет больше в состоянии причинять вам беспокойство.

- И вы смеете, мисс Вестерн, так говорить о нем? Без всякого стеснения признаваться мне в любви к этому злодею?

- Право, сударыня, вы очень странно истолковываете мои слова.

- Нет, мисс Вестерн,- вспыхнула тетка,- это совершенно невыносимо. Вы, верно, у отца научились так обращаться со мной; это он научил вас уличать меня во лжи. Он вконец погубил вас нелепой системой воспитания - пусть же наслаждается ее плодами, так как, еще раз повторяю, завтра утром вы будете возвращены к нему. Я увожу все свои силы с поля сражения и, подобно мудрому прусскому королю, буду соблюдать отныне строжайший нейтралитет. Вы оба чересчур умны, где уж мне вами руководить! Ступайте же соберите свои вещи, потому что завтра утром вы должны будете оставить этот дом.

Софья защищалась, как могла, но тетка осталась глуха ко всем ее доводам. При этом решении нам приходится теперь ее оставить, так как, по-видимому, нет никакой надежды переубедить почтенную даму.

ГЛАВА IX Что случилось с мистером Джонсом в тюрьме

Мистер Джонс провел двадцать четыре томительных часа в одиночестве, скрашиваемом иногда обществом Партриджа, прежде чем вернулся мистер Найтингейл. Этот достойный человек не покинул и не забыл своего друга, но, напротив, большую часть времени употребил на хлопоты по его делу.

Он узнал из расспросов, что единственными свидетелями начала несчастного поединка были матросы с военного корабля, стоявшего тогда на якоре в Дептфорде. Он отправился в Дептфорд искать этих матросов; там ему сказали, что все они сошли на берег; он пустился по их следам и наконец нашел двоих, выпивавших с кем-то третьим в кабачке близ Олдерсгейта.

Найтингейл выразил желание поговорить с Джонсом наедине (войдя к нему, он застал у него Партриджа). Как только они остались одни, Найтингейл взял Джонса за руку и сказал;

- Ну, друг мой, выслушайте мужественно то, что я вам скажу... К сожалению, я принес дурные вести, но считаю своим долгом сообщить вам их.

- Я догадываюсь, что это за вести,- сказал Джонс,- мой несчастный противник скончался.

- Надеюсь, что нет,- отвечал Найтингейл,- утром он был еще жив; но не буду вас обнадеживать: боюсь, что, судя по собранным мной сведениям, рана его смертельна. Но если дело было в точности так, как вы рассказываете, то, что бы ни случилось, вы можете опасаться только угрызений вашей совести. Однако простите меня, дорогой Том, если я попрошу вас ничего не таить от ваших друзей: если вы что-нибудь от нас скроете, вы себе только повредите.

- Разве я давал вам когда-нибудь повод, дорогой Джек, для такого оскорбительного подозрения? - обиделся Джоне.

- Имейте терпение,- отвечал Найтингейл,- и я расскажу вам все. После

прилежных розысков мне удалось наконец найти двух человек, которые были свидетелями этого несчастного происшествия, но должен, к сожалению, вам сказать, что они излагают дело в очень неблагоприятном для вас свете - не так, как вы сами излагали.

- Что же они говорят? - спросил Джонс.

- Мне очень неприятно повторять их слова: боюсь, история эта может иметь для вас плохие последствия. Они говорят, что были слишком далеко и не могли слышать ваши слова, но оба в один голос утверждают, что первый удар нанесли вы

- Клянусь честью, они клеветают! - воскликнул Джонс - Он не только ударил меня первый - он ударил меня без малейшего с моей стороны повода. Что побудило этих негодяев возводить на меня ложное обвинение?

- Этого я не могу понять,- отвечал Найтингейл.- но если ни вам самому, ни мне, вашему искреннему другу, непонятны причины, побудившие их клеветать на вас, то какие же будут основания у равнодушного суда не верить им? Я повторил им свой вопрос несколько раз, и то же сделал сидевший с ними незнакомец, по виду моряк, который выказал к вам большое участие; он горячо просил их не забывать, что от их показаний зависит жизнь человека, он снова и снова спрашивал их, вполне ли они уверены в правильности этих показаний, на что оба отвечали утвердительно, изъявив готовность подкрепить свои слова присягой. Ради бога, дорогой друг, припомните хорошенько: ведь если суду их показания покажутся убедительными, то вам следует подумать своевременно, как лучше всего оградить свои интересы. Я не хочу вас запугивать, но вы знаете, как строг в этом случае закон: оскорбление словами не может оправдать в его глазах вашего поступка.

- Ах, друг мой, какие могут быть интересы у такого отщепенца, как я? Кроме того, неужели вы думаете, что жизнь сохранит для меня какую-нибудь цену, когда меня ославят убийцей? Если бы даже у меня были друзья (а их, увы, нет!), то разве достало бы у меня смелости просить их выступить на защиту человека, признанного виновным в самом гнусном преступлении? Поверьте, я не питаю такой надежды, но я твердо уповаю на всевышнего: он окажет мне помощь, какую я заслуживаю.

И он заключил свою речь горячими уверениями в истинности своего первоначального показания.

Пошатнувшееся было доверие Найтингейла к своему другу начало восстанавливаться, когда явилась миссис Миллер с печальным известием о результатах своей миссии. Выслушав ее, Джонс воскликнул героически:

- Ну, друг мой. теперь мне все равно, что бы со мной ни случилось,- по крайней мере, касательно моей жизни! И если богу угодно, чтобы я искупил пролитую кровь, то я надеюсь, что божественная благодать обелит когда-нибудь мою честь и что люди поверят, по крайней мере, словам умирающего.

Тут между заключенным и его друзьями произошла очень грустная сцена, при которой вряд ли моим читателям было бы приятно присутствовать, и вряд ли они пожелают услышать подробное ее описание. Перейдем поэтому прямо к появлению тюремного сторожа, доложившего Джонсу, что какая-то дама желает с ним поговорить, если у него есть время.

Джонс был очень удивлен этим сообщением. Он сказал, что нет ни одной дамы на свете, посещения которой он ожидал бы в этом месте. Однако, не имея причины отказать, он простился с миссис Миллер и мистером Найтингейлом и велел ввести посетительницу.

Если Джонс был поражен известием о приходе какой-то дамы, то каково же было его удивление, когда он увидел перед собой не кого иного, как миссис Вотерс! Однако оставим его теряться в догадках и поспешим на помощь читателю, который тоже, вероятно, немало удивится неожиданному появлению этой дамы.

Кто такая миссис Вотерс, читатель хорошо знает, а чем она была, это станет для него ясно теперь. Мы просим читателя вспомнить, что она уехала из Эптона в одной карете с мистером Фитцпатриком и другим ирландским джентльменом и в их обществе направилась в Бат.

Надо сказать, что в распоряжении мистера Фитцпатрика была в то время одна вакантная должность - именно должность жены, ибо занимавшая ее дама ушла в отставку или, по крайней мере, уклонялась от исполнения своих обязанностей. Мистер Фитцпатрик, дорогой всесторонне исследовав свою спутницу, нашел ее чрезвычайно подходящей для вакантного места и немедленно по приезде в Бат предложил ей его занять, а она беспрекословно согласилась. В течение всего пребывания в Бате они жили как муж с женой и как муж с женой приехали вместе в Лондон.

Был ли мистер Фитцпатрик настолько умен, что не желал расстаться с одним лакомым куском, не обеспечив себе прежде другой, который он теперь только еще надеялся вернуть, или же миссис Вотерс исправляла свою должность так хорошо, что он намеревался удержать ее в роли главноуправляющей, а жену сделать (как это часто бывает) только ее заместительницей - не могу сказать, только он никогда не упоминал ей о жене, не показывал ей письма, переданного ему миссис Вестерн, и ни разу не заикнулся о своем намерении вернуться к жене; и уж подавно не произносил при ней имени Джонса, ибо, решившись драться с ним при первой же встрече, он отнюдь не подражал тем благоразумным людям, которые полагают, что самые надежные секунданты в таких случаях - жена, мать, сестра, а подчас и вся семья. Поэтому миссис Вотерс впервые услышала обо всем этом от Фитцпатрика, когда его принесли домой из таверны, где была сделана перевязка.

Но так как мистер Фитцпатрик никогда не умел толково рассказывать, а теперь говорил сбивчивее, чем когда-либо, то миссис Вотерс не скоро сообразила, что ему нанес рану тот самый джентльмен, который и ее ранил в сердце - хотя не смертельно. Но так глубоко, что рана до сих пор еще не зарубцевалась. Но едва только узнала она, что человек, посаженный в тюрьму за предполагаемое убийство, был сам мистер Джонс, как воспользовалась первым случаем оставить мистера Фитцпатрика на попечении сиделки и поспешила навестить победителя.

Она вошла в тюремную камеру с очень веселым видом, но веселость ее сразу прогнал грустный вид бедняги Джонса, который при ее появлении вскочил с места и перекрестился.

- Меня несколько не поражает ваше удивление,- сказала миссис Вотерс, вы, наверное, не ожидали меня видеть; я думаю, дамы редко кого здесь беспокоят своими визитами, разве что жены. Судите же, мистер Джонс, как велика ваша власть надо мной. Не думала я, расставаясь с вами в Эптоне, что нам доведется встретиться вновь, да еще в таком месте.

- Очень вам признателен за ваше посещение, сударыня,- отвечал Джонс, немногие так добры, чтобы последовать за несчастным, особенно в это мрачное помещение.

- С трудом верится, мистер Джонс, что вы - тот самый любезный молодой человек, которого я видела в Эптоне. Ваше лицо мрачнее всех тюрем на свете. Что с вами? Почему вы такой?

- Я думаю, сударыня,- отвечал Джонс,- что если вам известно мое пребывание здесь, то вы знаете также грустное событие, которое меня сюда привело.

- Ну уж и грустное! Вы ткнули противника шпагой на дуэли - вот и все.

Такое легкомыслие несколько возмутило Джонса, и он с большим сокрушением рассказал о случившемся.

- Если вы принимаете это так близко к сердцу, сэр,- сказала миссис Вотерс,- то я вас успокою: противник ваш не умер и, насколько мне известно, вне опасности. Дело

в том, что первая помощь была ему подана молодым хирургом, который, по-видимому, желал представить его положение в самом мрачном свете, чтобы излечение принесло ему больше чести; но теперь его пользует придворный хирург, по словам которого если у раненого не будет лихорадки,- а ее нет и признаков,- то жизнь его спасена.

Джонс выслушал это известие с большим облегчением. В подтверждение его достоверности миссис Вотерс добавила:

- По странной случайности, я живу в том же самом доме и видела его. Могу вас уверить, что он отдает вам справедливость и говорит, что, каковы бы ни были последствия, зачинщиком был он и вы несколько не виноваты.

Сведения миссис Вотерс совсем успокоили Джонса, и он рассказал ей о многом, что ей было уже хорошо известно: например, кто такой мистер Фитцпатрик, что было причиной его злобы и т. д. Но были и такие вещи, которых она не знала: приключение с муфтой и другие мелочи. Джонс утаил только имя Софьи. Потом он принялся сокрушаться в своих проказах и грехах, из которых каждый, по его словам, имел весьма прискорбные последствия, так что с его стороны было бы непростительно пренебречь полученными уроками и продолжать порочную жизнь. Поэтому он принял твердое решение впредь не грешить, чтобы не навлечь на себя еще худшей беды.

Миссис Вотерс подняла его на смех, приписав все эти зарокі действию тюрьмы и упадку духа. Она повторила некоторые остроты насчет простудившегося дьявола и сказала, что, без всякого сомнения, в самом скором времени увидит его на свободе таким же жизнерадостным, как и прежде.

- И тогда, я уверена, вы окончательно освободитесь от угрызений совести, которые не дают вам здесь покоя.

Она высказала еще несколько замечаний в этом роде, которые едва ли принесут ей много чести в глазах некоторых читателей; с другой стороны, мы боимся, что ответы Джонса вызовут улыбку у других. Поэтому опустим остальную часть их разговора, заметив только, что свидание кончилось самым невинным образом, к большому удовольствию Джонса, чем его посетительницы, ибо герой наш был чрезвычайно обрадован принесенными ему известиями, а миссис Вотерс осталась порядком разочарованной покаянным поведением человека, о котором, при первом знакомстве с ним, она составила совсем другое мнение.

Таким образом, грусть Джонса, вызванная рассказами мистера Найтингейла, почти совсем рассеялась; однако уныние, в которое повергла его миссис Миллер, по-прежнему его одолевало. Слова вдовы так хорошо согласовались с тем, что писала в последнем письме Софья, что Джонс нимало не сомневался в том, что она показала его письмо тетке и приняла твердое решение с ним порвать. Мучения, причиненные ему этой мыслью, могли сравниться лишь с ударом, который судьба еще припасала для него и о котором мы расскажем во второй главе следующей книги.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, ОХВАТЫВАЮЩАЯ ОКОЛО ШЕСТИ ДНЕЙ

ГЛАВА I Прощание с читателем

Вот мы доехали, читатель, до последней станции нашего долгого путешествия. Проехав вместе так много страниц, поступим по примеру пассажиров почтовой кареты, несколько дней друг с другом не расстававшихся: если им и случалось немного повздорить и посердиться дорогой, они обыкновенно под конец все забывают и садятся в последний раз в карету веселые и благодущные - ведь, проехав этот остаток пути, мы, как и они, может быть, никогда больше не встретимся.

Раз уж я прибегнул к этому сравнению, позвольте мне его продолжить. Итак, я намерен в этой последней книге подражать почтенным людям, едущим вместе в почтовой карете. Всем известно, что шутка и насмешки на последней станции прекращаются; как бы ни дурачился потехи ради какой-нибудь пассажир, веселость

его проходит и разговор становится прост и серьезен.

Так и я, если и позволял себе время от времени на протяжении этого труда кое-какие шутки для твоего развлечения, читатель, то теперь отбрасываю их в сторону. Мне надо впихнуть в эту книгу столько разнообразного материала, что в ней не останется места для шутливых замечаний, которые я делал в других книгах и которые, может быть, не раз разгоняли сон, готовый сомкнуть твои глаза. В этой последней книге ты не найдешь ничего, или почти ничего, подобного. Тут будет только голое повествование. И, увидев великое множество событий, заключенных в этой книге, ты удивишься, как все они могли уложиться на столь немногих страницах.

Пользуюсь этим случаем, друг мой (так как другого уж не представится), чтобы от души пожелать тебе всего хорошего. Если я был тебе занимательным спутником, то, уверяю тебя, этого я как раз и желал. Если я чем-нибудь тебя обидел, то это вышло неумышленно. Кое-что из сказанного здесь, может быть, задело тебя или твоих друзей, но я торжественно объявляю, что не метил ни в тебя, ни в них. В числе других небылиц, которых ты обо мне наслышался, тебе, наверно, говорили, что я - грубый насмешник; но кто бы это ни сказал - это клевета. Никто не презирает и не ненавидит насмешек больше, чем я, и никто не имеет на то больше причин, потому что никто от них не терпел столько, сколько я; по злой иронии судьбы мне часто приписывались ругательные сочинения тех самых людей, которые в других своих статьях сами ругали меня на чем свет стоит.

Впрочем, все такие произведения, я уверен, будут давно забыты, когда эта страница еще будет привлекать к себе внимание читателей: как ни недолговечны мои книги, а все-таки они, вероятно, переживут и немощного своего автора, и хилые порождения его бранчливых современников.

ГЛАВА II, содержащая весьма трагическое происшествие

Когда Джонс сидел, погруженный в нерадостные мысли, с которыми мы его оставили, в комнату вошел Партридж, бледный как полотно, едва держась на ногах и дрожа всем телом; глаза его были неподвижно устремлены в одну точку, а волосы встали дыбом. Словом, он выглядел так, точно ему явилось привидение, или, вернее, точно сам он был привидением.

Джонс, человек не из трусливых, немного оробел при этом внезапном появлении. Он тоже побледнел и запинаящимся голосом спросил:

- Что с тобой? В чем дело?

- Пожалуйста, сэр, вы на меня не сердитесь,- отвечал Партридж. Ей-богу, я не подслушивал, но мне пришлось поместиться в соседней комнате. Право, я желал бы находиться за сто миль отсюда, только бы не слышать того, что я слышал.

- Боже мой, да в чем же дело? - воскликнул Джонс.

- В чем дело, сэр? Скажите мне, женщина, только что отсюда вышедшая, та самая, с которой вы были в Эптоне?

- Да, Партридж,- отвечал Джонс.

- И вы точно, сэр, спали с этой женщиной? - спросил Партридж дрожащим голосом.

- Боюсь, что мои отношения с ней не являются тайной,- отвечал Джонс.

- Нет, ради бога, сэр, отвечайте мне прямо!

- Ну да, спал, ты же знаешь! - воскликнул Джонс.

- Да смилуется над вами господь и да простит вас! Ибо вы спали с родной матерью - это так же верно, как то, что я жив и стою перед вами!

При этих словах Джонс мгновенно обратился в еще более яркое олицетворение ужаса, нежели сам Партридж. Он онемел от изумления, и некоторое время оба стояли молча, дико выпучив глаза друг на друга. Наконец к нашему герою вернулся дар речи, и прерывающимся голосом он пролепетал:

- Как? Что? Что ты сказал?

- Ах, сэр,- отозвался Партридж,- не могу говорить, у меня дух захватило; но то, что я вам сказал,- совершенная правда... Женщина, только что вышедшая отсюда,- ваша мать. Такое несчастье, сэр, что мне не случилось тогда ее увидеть и предупредить вас! Не иначе как сам дьявол попутал и вовлек вас в такой грех.

- Да, видно Фортуна решила не оставлять меня в покое, пока не сведет с ума! - воскликнул Джонс.- Но зачем браню я Фортуны? Я сам виновник всех своих несчастий. Все беды, постигавшие меня, лишь следствие моего безрассудства и порочности. Твое открытие, Партридж, чуть не лишило меня рассудка! Так, значит, миссис Вотерс... Но зачем этот вопрос? Ведь ты, конечно, должен ее знать... Если ты хоть немного меня любишь- нет, если в тебе есть хоть капля жалости ко мне,- умоляю тебя, возврати сюда эту несчастную женщину. Праведный боже! Кровосмешение... с матерью! Вот какой участи я обречен!

И он с таким неистовством отдался горю и отчаянию, что Партридж отказался его покинуть в этом состоянии. Но наконец, дав выход первым приливам чувства. Джонс немного овладел собой, после чего, сказав Партриджу, что эта несчастная женщина живет в одном доме с раненым джентльменом, отправил его на розыски.

Если читатель сообразовал освежить в своей памяти эптонские события, описанные в девятой книге, то, наверно, будет поражен несчастным стечением обстоятельств, помешавших встрече Партриджа и миссис Вотерс, несмотря на то что она провела там с мистером Джонсом целые сутки. Подобные случаи часто наблюдаются в жизни, где величайшие события порождаются причудливой связью ничтожных мелочей; не один такой пример может быть отыскан внимательным читателем и в настоящей истории.

После бесплодных поисков в течение двух или трех часов Партридж вернулся к своему хозяину, не повидав миссис Вотерс. Джонс, уже и без того пришедший в отчаяние от этой медлительности, чуть не обезумел, услышав сообщение своего спутника. К счастью, вскоре ему подали следующее письмо;

"Сэр!

Выйдя от вас, я встретила одного джентльмена, который рассказал о вас вещи, очень меня поразившие и взволновавшие; но сейчас я не имею времени писать о деле такой высокой важности, и вам придется потерпеть до следующего нашего свидания, которое я постараюсь устроить как можно скорее. Ах, мистер Джонс, мне и в голову не приходило в тот счастливый день в Эптоне, воспоминание о котором способно отравить мне всю жизнь,- мне и в голову не приходило, кому я обязана таким совершенным счастьем. Верьте, что я навсегда останусь преданной вам, несчастная

Д. Вотерс.

Р. S. Хочу вас обрадовать: мистер Фитцпатрик теперь совершенно вне опасности; таким образом, в каких бы тяжелых преступлениях вам ни пришлось раскаиваться, убийство не принадлежит к их числу".

Письмо выпало из рук Джонса (он был не в силах его держать и вообще лишился способности к какому бы то ни было действию). Партридж поднял его и, с молчаливого согласия Джонса, прочел, в свою очередь. Кисти, а не перу надлежало бы изобразить ужас, отпечатлевшийся на их лицах. В то время как они оба погрузились в глубокое молчание, вошел тюремный сторож и, не обращая никакого внимания на очевидные признаки их душевного потрясения, доложил Джонсу, что какой-то человек желает с ним говорить. Джонс попросил ввести его, и вошедший оказался не кем иным, как Черным Джорджем.

Не привыкший, подобно сторожу, к картинам ужаса, Джордж тотчас же заметил расстройство на лице Джонса. Он приписал его происшествию, обстоятельства которого передавались в доме Вестерна в самом мрачном освещении, и решил, что

противник мистера Джонса скончался, а его самого ждет позорная смерть. Мысль эта сильно встревожила Джорджа, ибо он был человек сострадательный и, несмотря на неблагоприятный поступок, на который толкнуло его однажды слишком сильное искушение, не был в общем нечувствителен к услугам, оказанным ему некогда мистером Джонсом.

Бедняга едва удержался от слез при этом печальном зрелище. Он сказал Джонсу, что искренне сожалеет о постигшем его несчастье, и спросил, не может ли он быть ему чем-нибудь полезен.

- Может быть, сэр,- спросил он,- вам нужно денег? В таком случае мои скромные сбережения к вашим услугам.

Джонс с чувством пожал ему руку и горячо поблагодарил за любезное предложение, но отвечал, что в деньгах он совершенно не нуждается. Тогда Джордж еще усерднее начал предлагать свои услуги. Джонс опять поблагодарил его, уверяя, что то, в чем он нуждается, не в состоянии дать ему ни один человек в мире.

- Полно, полно, добрый мой господин,- отвечал Джордж,- не принимайте этого так близко к сердцу. Дело может кончиться благополучнее, чем вы думаете; вам не первому случилось убить человека, и, однако же, другие выпутывались.

- Вы ошибаетесь, Джордж,- сказал Партридж,- тот джентльмен не умер, и жизнь его вне опасности. Не докучайте моему господину: у него теперь другая забота, которую вы бессильны облегчить.

- Этого вы не знаете, мистер Партридж,- отвечал Джордж,- если он озабочен насчет моей барышни, то у меня есть для него новость.

- Что вы говорите, мистер Джордж?! - воскликнул Джонс.- Случилось что-нибудь с моей Софьей? Моей Софьей! Я, несчастный, смею так осквернять ее имя!

- Надеюсь, что она все же будет ваша,- отвечал Джордж.- Да, сэр, у меня есть кое-что сказать вам про нее. Миссис Вестерн только что привезла мисс Софью к отцу, и у них была жестокая схватка. Я не мог хорошенько дознаться, в чем дело, но мой барин ужасно разгневался, и миссис Вестерн тоже, и я слышал, как она, выйдя на улицу и садясь в портшез, сказала, что ноги ее не будет больше в нашем доме. Не знаю, что у них случилось, только, когда я вышел из дому, там все было тихо и мирно. Робин, прислуживавший за ужином, сказал, что давно уже не видел сквайра в таких добрых отношениях с барышней: барин часто ее целовал и клялся, что предоставит ей полную волю и больше никогда не будет сажать ее под замок. Я подумал, что эта весть вас обрадует, и потихоньку ускользнул из дому, несмотря на позднее время, чтобы рассказать вам об этом.

Мистер Джонс поблагодарил Джорджа, сказав, что он действительно очень его обрадовал, ибо хотя он никогда больше не дерзнет поднять глаза на это дивное создание, но ничто не смогло бы так его утешить в нынешнем печальном положении, как добрые вести о Софье.

Остальной разговор касался предметов, не стоящих того, чтобы его здесь пересказывать. Пусть поэтому читатель извинит нас, если мы оборвем описываемую сцену, и соблаговолит выслушать, что было причиной этой великой благосклонности сквайра к дочери.

Миссис Вестерн по приезде к брату немедленно начала расписывать великую честь и выгоды, какие принесет их семье родство с лордом Фелламаром, которому племянница ее наотрез отказала. Когда же сквайр в этом деле взял сторону дочери, она пришла в неописуемое бешенство и наговорила брату столько дерзостей и оскорблений, что и у того лопнуло терпение, и между братом и сестрой последовала такая жаркая перебранка, какой, пожалуй, никогда не оглашались даже окрестности Биллинсгейта. Вся пылая негодованием, миссис Вестерн ушла, не успев показать брату полученное Софьей письмо, которое, вероятно, имело бы очень дурные последствия; я даже думаю, по правде сказать, что почтенная дама вовсе о нем

позабыла в пылу схватки

Когда миссис Вестерн удалилась, Софья, до тех пор молчавшая, как по необходимости, так и из отвращения к ссорам, отблагодарила отца за заступничество, взяв его сторону против тетки. Первый раз поступала она таким образом и доставила сквайру огромное удовольствие, вдобавок он вспомнил настоятельную просьбу мистера Олверти отказаться от всяких насильственных мер. А так как он нисколько не сомневался, что Джонса повесят, то с полной уверенностью рассчитывал взять дочь лаской, поэтому он дал волю своей родительской любви, и это произвело такое впечатление на почтительное, благодарное, нежное и любящее сердце Софьи, что если бы не слово, данное ею Джонсу, и, может быть, кое-что еще, в чем герой наш был замешан, то, мне сильно жаль, она из угождения отцу принесла бы себя в жертву человеку, который ей не нравился: она сказала, что отныне поставит себе единственной целью жизни угождать отцу и никогда не выйдет замуж без его согласия. Это вознесло старика почти на самую вершину счастья, так что он решил кончить это дело и лег в постель совершенно пьяный.

ГЛАВА III Олверти посещает старика Найтингейла; странное открытие, которое он при этом сделал

На другое утро после описанных событий мистер Олверти отправился, как обещал, к старику Найтингейлу, на которого имел такое влияние, что, проведя с ним три часа, уговорил его согласиться на свидание с сыном.

В это время случилось весьма необыкновенное происшествие - один из тех странных случаев, на основании которых серьезные и честные люди заключают, что провидение часто помогает разоблачить самые скрытые злодеяния - в предостережение смертным, дабы не совращать их с путей добродетелей и не допускать, чтобы они считали, будто хитрецы могут безопасно отдаваться пороку.

Мистер Олверти, входя к мистеру Найтингейлу, встретил Черного Джорджа, но не обратил на него никакого внимания, так что Джордж подумал, что он его не заметил.

Однако, столкнувшись с Найтингейлом насчет главного, Олверти спросил его, знает ли он Джорджа Сигрима и по какому делу приходил к нему этот человек.

- Да,- отвечал Найтингейл,- я знаю его очень хорошо. Удивительный ловкач: сумел скопить в наше время пятьсот фунтов, арендуя ферму, которая приносит в год не больше тридцати фунтов.

- Эту историю он вам сам рассказал? - спросил Олверти.

- Да. Уверю вас, что он не лжет,- отвечал Найтингейл.- Деньги сейчас у меня в пяти банковых билетах, и я взялся либо поместить их под хорошую закладную, либо употребить на покупку земли в Северной Англии.

Олверти попросил показать ему билеты и, взглянув на них, был поражен неожиданным открытием. Он признался Найтингейлу, что эти билеты раньше принадлежали ему, и рассказал все, как было. Как никто не жалуется на мошенничества в делах громче, чем разбойники с большой дороги, игроки и другие воры того же рода, так никто не поносит с большим озлоблением плутни игроков и т. п., чем ростовщики, маклеры и другие подобные им воры - потому ли, что один вид плутовства изобличает и бесчестит другой, или же потому, что деньги - эта любовница всех плутов - заставляют их видеть друг в друге соперников; во всяком случае, Найтингейл, выслушав этот рассказ, выбрал Джорджа гораздо сильнее, чем это позволил себе справедливый и честный Олверти.

Олверти попросил Найтингейла хранить деньги и тайну, пока не получит от него дальнейших указаний, и не показывать Джорджу вида о сделанном открытии, если до тех пор с ним встретится. Потом он возвратился к себе на квартиру и застал миссис Миллер очень удрученной сообщением, полученным от зятя. Мистер Олверти весело сказал, что принес очень приятные вести, и без дальнейших предисловий объявил,

что ему удалось добиться от мистера Найтингейла согласия на свидание с сыном и что старик, без сомнения, пойдет на мировую, хотя и опечален другим подобным же происшествием в своей семье. И он рассказал, что у дяди молодого человека сбежала дочь, о чем еще не было известно ни миссис Миллер, ни ее зятю.

Можете себе представить, с какой глубокой благодарностью и какой радостью миссис Миллер выслушала известие о решении старого Найтингейла; но ее дружеские чувства к Джонсу были так сильны, что беспокойство за его участь едва ли не перевешивало в ней удовольствия по случаю такого счастливого оборота семейных дел, и даже, может быть, приятная новость, напомнив ей о многочисленных услугах Джонса, опечалила ее в не меньшей степени, чем обрадовала. Полное благодарности сердце говорило ей: "Твоя семья теперь счастлива, и как несчастен бедняк, отзывчивости которого мы обязаны теперешнему счастливому обороту событий!"

Олверти, дав ей время хорошенько разжевать (если можно так выразиться) сообщенное им известие, сказал, что у него есть еще кое-какие новости, которые, вероятно, тоже ее порадуют.

- Я, кажется, нашел,- сказал он,- большую сумму денег, принадлежавшую вашему молодому другу. Боюсь только, что в теперешнем положении он не в состоянии будет ею воспользоваться.

Сообразив по этим словам, о ком идет речь, миссис Миллер со вздохом отвечала:

- Я еще не потеряла надежды, сэр.

- Я тоже от всего сердца желаю ему всякого добра,- сказал Олверти,однако племянник сказал мне утром, что дело его приняло очень дурной оборот.

- Боже мой! - воскликнула миссис Миллер.- Увы, я должна молчать, как это ни тяжело, особенно когда слышишь...

- Сударыня,- сказал Олверти,- вы можете говорить, что вам угодно: вы меня слишком хорошо знаете, и вам известно, что я ни против кого не предубежден; а что касается этого молодого человека, то, уверяю вас, я был бы искренне рад, если бы ему удалось оправдаться, особенно в этом прискорбном деле. Вы ведь можете засвидетельствовать, как горячо я его любил. Свет, я знаю, осуждал меня за эту чрезмерную любовь. И если я от него отвернулся, то имел для этого довольно оснований. Поверьте, миссис Миллер, я был бы рад убедиться, что мной была допущена ошибка.

Миссис Миллер собралась с жаром отвечать, но в эту минуту служанка доложила, что с ней хочет говорить какой-то джентльмен. Тогда Олверти спросил о племяннике, и ему сказали, что мистер Блайфил довольно долго был в своей комнате с тем господином, который часто к нему приходит; мистер Олверти догадался, что речь идет о мистере Даулинге, и приказал тотчас же пригласить его к себе.

Когда Даулинг явился, Олверти, не называя никого по имени, рассказал ему про случай с банкнотами и спросил, какому наказанию подлежит человек, совершивший такой проступок. Даулинг отвечал, что, по его мнению, здесь можно было бы применить черный закон, но что дело довольно тонкое, и потому лучше будет обратиться к адвокатам. Он сказал, что как раз сейчас он идет на консультацию по одному делу мистера Вестерна и, если угодно мистеру Олверти, представит на обсуждение адвокатов этот случай. Олверти дал согласие. В эту минуту в комнату заглянула миссис Миллер, но, увидев Даулинга, воскликнула:

- Простите, я не знала, что вы не одни.

Однако Олверти попросил ее войти, сказав, что уже кончил свое дело. Тогда мистер Даулинг удалился, а миссис Миллер ввела мистера Найтингейла-младшего, который пришел поблагодарить Олверти за его любезность; но вдова, не дав зятю

докончить, перебила его:

- Мистер Найтингейл, сэр, принес добрые вести о несчастном мистере Джонсе: он только что от раненого, который теперь вне всякой опасности и, что еще важнее, сказал ему, что напал первый на мистера Джонса и ударил его. Не потребуете же вы, сэр, от мистера Джонса, чтобы он был трусом! Будь я мужчиной, я непременно обнажила бы шпагу, если бы кто-нибудь меня ударил. Пожалуйста, голубчик, расскажите сами мистеру Олверти все, как было!

Найтингейл подтвердил сказанное миссис Миллер и заключил свой рассказ самым лестным отзывом о Джонсе, который, по его словам, был добродушнейший человек на свете и ничуть не задира. Он уже хотел замолчать, но миссис Миллер снова попросила его пересказать мистеру Олверти все почтительные суждения, которые он слышал о сквайре от Джонса.

- Отзываться наилучшим образом о мистере Олверти,- сказал Найтингейл, значит только отдавать ему справедливость, и в этом нет никакой заслуги; но я должен сказать, что нет человека, который бы глубже чувствовал признательность за сделанное вами добро, чем несчастный Джонс. Уверяю вас, сэр, что его больше всего удручает сейчас ваше неудовольствие. Он часто горевал по этому поводу и самым торжественным образом уверял меня, что он никогда ничем не оскорбил вас умышленно; больше того, клялся, что готов скорее тысячу раз умереть, чем жить с упреками совести хотя бы за одну неуважительную, неблагодарную и непочтительную мысль о вас. Но прошу прощения, сэр, я, кажется, позволил себе коснуться слишком деликатного вопроса.

- Вы сказали не больше того, что от вас требует христианский долг! воскликнула миссис Миллер.

- Да, мистер Найтингейл,- отвечал Олверти,- ваше благородное заступничество достойно всякого одобрения, и дай бог, чтобы он его заслуживал. Признаюсь, я рад слышать известие, принесенное вами от раненого; и если дело окажется таким, как вы его изображаете (в чем я несколько не сомневаюсь), то нынешнее мое мнение об этом молодом человеке со временем, может быть, изменится к лучшему. Вот эта почтенная дама и все, кто меня знает, могут засвидетельствовать, что я любил его, как родного сына. Действительно, я смотрел на него, как на дитя, самой судьбой порученное моему попечению. До сих пор помню, как я нашел его беспомощным, невинным малюткой у себя на постели, до сих пор чувствую нежное пожатие его маленькой ручки. Да, он точно был моим любимцем.- Тут Олверти замолчал, и на глазах у него выступили слезы.

Так как ответ миссис Миллер на его слова заставит нас коснуться нового предмета, то мы на этом остановимся, чтобы объяснить явную перемену в образе мыслей мистера Олверти и смягчение его гнева на Джонса. Подобного рода "перевороты, правда, часто встречаются в повестях и драматических произведениях потому только, что дело приближается к развязке, и оправдываются властью автора распоряжаться своим созданием. Но мы, несколько не отказываясь от этой авторской власти, будем пользоваться ею очень осмотрительно, лишь там, где этого потребует необходимость, чего мы не видим в настоящем произведении.

Перемена в образе мыслей мистера Олверти была вызвана только что полученным им письмом от мистера Сквейра, которое мы сообщим читателю в начале следующей главы.

ГЛАВА IV, содержащая два письма в совершенно различном стиле
"Достопочтенный друг!

Я уже извещал вас, что мне запрещено пользоваться водами, потому что, как показал опыт, они скорее усиливают, чем ослабляют симптомы моей болезни. Теперь сообщу вам известие, которое, я думаю, огорчит друзей моих больше, чем оно огорчило меня: доктор Гаррингтон и доктор Брюстер объявили мне; что нет никакой

надежды на мое выздоровление.

Я где-то читал, что великая польза философии заключается в том, что она учит умирать. Не хочу поэтому посрамлять свою специальность, удивляясь при получении урока, который мне давно должен быть известен. И все же, сказать правду, одна страница Евангелия преподает этот урок лучше, чем все книги древних или новых философов. Уверенность в будущей жизни, которой оно нас наполняет, служит более могущественной поддержкой здравому уму, чем все утешения, почерпаемые из необходимости законов природы, из тщеты наших наслаждений и пресыщения, к которому они приводят, и из всех вообще избитых фраз, хотя и способных научить умы наши стойко встречать мысль о смерти, но никогда не возвышающих нас до истинного презрения к смерти, а тем более до взгляда на нее как на подлинное благо. Я не хочу этим бросить всем, кто именует себя философом, ужасное обвинение в безбожии или хотя бы в полном отрицании бессмертия. Многие из философов, как древние, так и новые, открыли при помощи света разума некоторые надежды на будущую жизнь; но, правду сказать, свет этот был столь слабым и тусклым, а надежды - столь неверными и зыбкими, что нельзя решить с достоверностью, в какую же сторону склонялась их вера. Даже Платон объявляет в заключение своего "Федона", что самые сильные его доводы придают его мнению лишь вероятность, а Цицерон как будто выражает скорее желание верить, чем действительно верит в бессмертие. Что же касается меня, то, признаться вам откровенно, я никогда серьезно в него не верил, пока не сделался всерьез христианином.

Вас, может быть, удивят мои последние слова, но смею вас уверить, что только с недавнего времени я вправе называть себя так. Разум мой был отравлен философской гордостью, и высочайшая мудрость казалась мне, как древним грекам, глупостью, но бог был так милостив, что вовремя открыл мне мое заблуждение и направил меня на путь истины, пока я еще не погрузился навеки в тьму кромешную.

Однако я чувствую, что силы мои слабеют, и потому спешу перейти к главной цели настоящего письма.

Мысленно обозревая свою прошедшую жизнь, я нахожу, что ничто не лежит таким камнем на моей совести, как несправедливость, учиненная этому несчастному юноше, вашему приемному сыну. Я не только смотрел сквозь пальцы на гнусные дела других, но и сам был к нему несправедлив. Поверьте, дорогой друг, словам умирающего - Джонса самым низким образом оклеветали. Что касается главного его преступления, за которое вы его изгнали, то я торжественно объявляю, что он не виноват и что вам представили дело в ложном свете. Когда все считали вас умирающим, только он один в целом доме чувствовал непритворное огорчение; причиной же случившегося с ним впоследствии была его бурная радость по поводу вашего выздоровления, а также, с прискорбием должен сказать, низость другого человека (умолчу его имя, потому что я желаю лишь оправдать невинного и не намерен никого обвинять). Поверьте, друг мой, у этого молодого человека благороднейшее сердце, он способен быть самым преданным другом, он неподкупно честен и наделен всеми лучшими качествами, которые служат украшением человека. Есть у него и недостатки, но к числу их ни в коем случае не принадлежит непочтительность или неблагодарность к вам. Напротив, я убежден, что, когда вы его выгнали из дому, он гораздо больше болел душой о вас, чем о себе.

Мирские побуждения самого низменного и грязного свойства заставляли меня так долго скрывать это от вас; единственной причиной, которая руководит сейчас мной, является желание послужить делу истины, оправдать невинного и всеми средствами, какие есть в моей власти, загладить допущенную мной несправедливость. Надеюсь поэтому, что мое признание произведет желательное действие и вернет вашу благосклонность достойному молодому человеку; услышать об этом, пока я еще жив, будет величайшим утешением, сэр,

премного вам обязанному, нижайшему и покорнейшему слуге вашему, Томасу Сквейру".

Ознакомившись с этим письмом, читатель, вероятно, перестанет удивляться разительной перемене, происшедшей в мистере Олверти, несмотря на то что он с той же почтой получил другое письмо, от Твакома, написанное в совершенно ином духе, которое мы здесь и приведем, тем более что нам, по-видимому, не представится больше случая упоминать имя этого джентльмена.

"Сэр!

Меня ничуть не поразило сообщение вашего достопочтенного племянника о новой гнусности питомца такого безбожника, как мистер Сквейр. Я не буду удивлен, если услышу о совершении им убийства, и усердно молю бога, как бы ваша собственная кровь не скрепила окончательного приговора, ввергающего его туда, где будет плач и скрежет зубовой.

Хотя вы имеете достаточно поводов раскаиваться в непростительной слабости, так часто проявлявшейся вами к этому мерзавцу в ущерб вашей законной семье и вашему доброму имени, и хотя, надо полагать, все это в настоящее время изрядно мучит вашу совесть, все же я нарушил бы свой долг, если бы воздержался преподать вам некоторое наставление, чтобы довести вас до надлежащего сознания ваших ошибок. Поэтому прошу вас серьезно призадуматься над приговором, который, по всей вероятности, ожидает этого отпетого негодяя; пусть он, по крайней мере, послужит вам уроком, чтоб впредь вы не пренебрегали советами человека, который непрестанно молится о вашем благе.

Если бы никто не удерживал руки моей от справедливого наказания, я выбил бы этот дьявольский дух из мальчика, которым, видно, с самого детства безраздельно завладел враг рода человеческого. Но теперь уже слишком поздно сокрушаться по этому поводу.

Жаль, что вы так поспешно распорядились вестертонским приходом. Я обратился бы к вам с просьбой заблаговременно, если бы мог думать, что вы примете решение, не известив об этом меня. В ваших возражениях против совместительства вы хватили через край. Если бы этот обычай заслуживал порицания, то его не придерживалось бы столько благочестивых людей. Если олдергравский викарий умрет (как слышно, он очень плох), то, надеюсь, вы вспомните обо мне, искренне пекущемся о вашем истинном благе - благе, по сравнению с коим все мирские блага столь же ничтожны, как лепта, упоминаемая в Писании, по сравнению с основными требованиями закона. Преданный вам, сэр,

нижайший слуга ваш
Роджер Тваком".

В первый раз Тваком писал Олверти таким повелительным тоном, в чем имел потом достаточно оснований раскаяться, как это часто случается с людьми, которые по ошибке принимают самую высокую доброту за самую низкую слабость. Олверти никогда не любил Твакома. Он знал, что это человек надменный и недобрый; он знал также, что и религиозные его убеждения носят на себе печать его личности, и во многих отношениях их совершенно не одобрял. Но при всем том священник отлично знал свое дело и весьма ревностно занимался обучением двух порученных ему юношей. Вдобавок он был человек самой строгой нравственности, безупречно честный и глубоко преданный религии. Таким образом, хотя Олверти не любил и не уважал его как человека, он, однако, не решался расстаться с наставником молодых людей, по своим знаниям и усердию незаменимым в своей должности; а так как юноши воспитывались у него в доме и у него на глазах, то ему казалось, что если наставления Твакома и причинят им какой-нибудь вред, его всегда легко можно будет исправить.

ГЛАВА V, в которой наша история продолжается

Последняя речь мистера Олверти пробудила в нем самом трогательные воспоминания о Джонсе, и на глазах его выступили слезы. Заметив это, миссис Миллер сказала;

- Да, да, сэр, добрые ваши чувства к этому юноше нам хорошо известны, как бы заботливо вы их ни скрывали; но в словах тех негодяев нет ни на волос правды. Мистер Найтингейл разузнал теперь доподлинно, как было дело. По-видимому, эти молодцы были подосланы одним лордом, соперником несчастного мистера Джонса, чтобы насильно завербовать его в матросы... Не знаю, кто будет их следующей жертвой. Мистер Найтингейл говорил с самим командиром отряда, который оказался человеком очень порядочным и рассказал ему все; он очень жалеет, что взялся за это дело, чего никогда бы не сделал, если бы знал, что мистер Джонс джентльмен, но ему сказали, что это простой бродяга.

Олверти широко раскрыл глаза и объявил, что не понимает ни одного ее слова.

- Верю, сэр,- отвечала миссис Миллер.- Эта история, я думаю, совсем не похожа на то, что они рассказали вашему стряпчему.

- Какому стряпчему? О чем вы говорите? - продолжал недоумевать Олверти.

- Ну да, сэр, это так на вас похоже - отrekаться от доброго дела! Но вот мистер Найтингейл видел его своими глазами.

- Кого видел, сударыня?

- Да вашего стряпчего, сэр, которого вы были так добры послать на разведки по этому делу.

- Честное слово, ничего не понимаю! - воскликнул Олверти.

- Так объясните ему, голубчик,- сказала миссис Миллер, обратившись к зятю.

- Да, сэр,- сказал Найтингейл,- вот этого самого стряпчего, который вышел от вас, когда я сюда вошел, я видел в кабачке на Олдерсгейте в обществе двух молодцов, подосланных лордом Фелламаром завербовать мистера Джонса в матросы и попавших, таким образом, в свидетели несчастного поединка его с мистером Фитцпатриком.

- Каюсь, сэр,- сказала миссис Миллер,- когда я увидела, как этот джентльмен вошел к вам, я высказала мистеру Найтингейлу предположение, что это вы послали его туда разузнать, как было дело.

На лице Олверти выразилось большое изумление, и в течение двух или трех минут он не мог выговорить ни слова. Немного овладев собой, он обратился к Найтингейлу:

- Должен вам признаться, сэр, ваш рассказ меня крайне озадачил: в жизни не испытывал ничего подобного. Вы уверены, что это тот самый человек?

- Совершенно уверен,- отвечал Найтингейл.

- На Олдерсгейте, говорите вы? И вы были там с этим стряпчим и двумя свидетелями поединка?

- Да, сэр. я пробыл с ними целых полчаса.

- Как же этот стряпчий вел себя с ними? Вы слышали, о чем они разговаривали?

- Нет, сэр,- отвечал Найтингейл,- вероятно, они успели поговорить до моего прихода. При мне стряпчий говорил мало;

но когда на мои повторные вопросы молодцы эти упорно излагали дело совсем иначе по сравнению с тем, что я слышал от мистера Джонса - то есть, как я убедился из признания самого мистера Фитцпатрика, бессовестно лгали, стряпчий усердно убеждал их говорить правду и так горячо вступался за мистера Джонса, что, увидев его здесь, я решил, что это вы по доброте своей посылали его туда.

- А разве вы его не посылали? - спросила миссис Миллер.

- Нет, не посылал,- отвечал Олверти,- и до настоящей минуты даже ничего не знал об этом.

- Теперь я понимаю! - воскликнула миссис Миллер.- Честное слово, теперь я все

понимаю! Недаром они так старательно запирались в последнее время. Голубчик Найтингейл, ради бога, бегите и немедленно отыщите этих людей... Достаньте их хоть из-под земли! Я сама пойду за ними...

- Не волнуйтесь, голубушка,- сказал Олверти,- сделайте мне одолжение, пошлите наверх слугу позвать сюда мистера Даулинга, если он здесь, а если его нет, так мистера Блайфила.

Миссис Миллер вышла, что-то бормоча себе под нос, и скоро вернулась с известием, что мистер Даулинг ушел, но что другой - как выразилась она о Блайфиле - сейчас придет.

Олверти проявил больше спокойствия, чем почтенная вдова, вся горевшая желанием выступить на защиту своего друга, однако и в нем зародились некоторые подозрения, очень похожие на то, что подумала миссис Миллер. Когда Блайфил вошел в комнату, Олверти, вопреки обыкновению, встретил его неприветливым взглядом и строго спросил: не известно ли ему чего о том, что мистер Даулинг виделся со свидетелями поединка между Джонсом и другим джентльменом?

Для человека, поставившего себе целью скрывать истину и отстаивать ложь, нет ничего опаснее заданного врасплах вопроса. По этой причине почтенные господа, занимающиеся благородным делом спасения жизни ближних в Олд-Бейли, прилагают огромные старания угадать путем предварительной разведки все вопросы, какие могут быть предложены их клиентам в суде, чтобы снабдить последних подобающими готовыми ответами, которых не придумает вдруг и самое богатое воображение. Кроме того, внезапное и бурное движение крови, вызванное подобными неожиданностями, нередко заставляет обвиняемого настолько перемениться в лице, что он себя невольно выдает. Это случилось и теперь: Блайфил так оторопел при неожиданном вопросе Олверти, что мы не решаемся упрекнуть миссис Миллер за вырвавшееся у нее восклицание:

- Виновен, ей-богу, виновен!

Мистер Олверти сделал ей резкое замечание и обратился к Блайфилу, казалось готовому провалиться сквозь землю, со следующими словами:

- Отчего вы колеблетесь, сэр? Отчего не отвечаете на мой вопрос? Конечно, это вы поручили мистеру Даулингу подобное дело, ибо по собственному почину, полагаю, он за него не взялся бы, особенно не посоветовавшись со мной.

Тогда Блайфил отвечал:

- Да, я виноват перед вами, сэр, но могу ли я надеяться на то, что вы меня простите?

- Простить вас! - гневно сказал Олверти.

- Да, сэр,-отвечал Блайфил.- Я знал, что вы разгневаетесь; но я уверен, что мой дорогой дядя простит мне самую невинную человеческую слабость. Сострадание к тем, кто его не заслуживает, я согласен, преступно, но ведь и вы сами не вовсе чисты от этого преступления. Сознаюсь, я уже не раз был в нем виноват по отношению к человеку, о котором идет речь, и не буду отрицать, что действительно посылал мистера Даулинга не на праздные и бесплодные разведки, а затем, чтобы он отыскал свидетелей и постарался смягчить их показания. Вот вам вся правда, сэр; хотя я и намеревался скрыть это от вас, но отпираться не стану.

- Должен сознаться,- сказал Найтингейл,- по поведению мистера Даулинга и мне все это представилось в таком же свете.

- Ну что, сударыня? - сказал Олверти.- Полагаю, хоть раз в жизни вы признаете несправедливость ваших подозрений и не будете больше сердиться на моего племянника?

Миссис Миллер молчала: хотя она не могла так быстро примириться с Блайфилом, в котором видела виновника несчастий Джонса, но в настоящем случае он одурачил ее не меньше, чем остальных,- дьявол хорошо услужил своему

приятелю. И точно, я считаю широко распространенное мнение, будто дьявол часто покидает своих друзей в беде и предоставляет им самим выпутываться, великой клеветой на этого джентльмена. Может быть, он иногда и отступает от своих случайных знакомцев или людей, только наполовину ему преданных, но зато горой стоит за верных своих слуг и помогает им выбраться из самых отчаянных положений, пока не истечет срок их сделки.

Как подавление мятежа усиливает правительство или как выздоровление после некоторых болезней укрепляет здоровье, так и гнев, если он утих, часто дает новую силу любви. Это случилось и с мистером Олверти: когда Блайфил рассеял главное подозрение, то другие подозрения, возбужденные письмом Сквейра, исчезли сами собой и были забыты. Тваком, которым больше всего возмущен был Олверти, принял на себя все неодобрительные замечания, высказанные Сквейром относительно врагов Джонса.

Что же касается нашего героя, то неудовольствие на него мистера Олверти уменьшалось с каждой минутой. Он сказал Блайфилу, что не только прощает ему этот редкий поступок, продиктованный добрыми чувствами, но и сам с удовольствием последует его примеру. Затем, обратись к миссис Миллер с улыбкой, достойной ангела, сказал:

- Как вы думаете, сударыня? Не взять ли нам карету и не съездить ли всем навестить нашего общего друга? Могу вас уверить, что мне не в первый раз приходится ехать с визитом в тюрьму.

Всякий читатель догадается, я думаю, каков был ответ достойной женщины; но надо иметь очень доброе сердце и хорошо знать, что такое дружба, чтобы почувствовать то, что почувствовала она в эту минуту. Напротив, немногие, надеюсь, способны представить, что происходило в душе Блайфила; но кто способен, тот согласится, что ему невозможно было возражать против этого посещения. Однако Фортуна или джентльмен, только что нами упомянутый, выручили своего приятеля и избавили его от крайне щекотливого положения: в ту самую минуту, когда посылали за каретой, пришел Партридж и, отозвав миссис Миллер в сторону, рассказал ей о только что сделанном ужасном открытии; услышав же, что мистер Олверти хочет ехать в тюрьму, просил ее как-нибудь его отговорить.

- Всю эту историю,- сказал он,- нужно во что бы то ни стало от него скрыть; если он сейчас поедет, он застанет у мистера Джонса его мать, которая прибыла как раз в ту минуту, когда я уходил, и оба они теперь горько сокрушаются о содеянном ими по неведению страшном преступлении.

Бедная миссис Миллер, совсем потерявшая голову при этом ужасном известии, была менее, чем когда-либо, способна что-нибудь придумать. Но так как женщины все же гораздо находчивее мужчин в таких случаях, то она придумала отговорку и, возвратясь к Олверти, сказала:

- Вы, конечно, будете удивлены, сэр, услышав, что я возражаю против вашего милого предложения, но я боюсь последствий, если мы поедem к мистеру Джонсу сейчас же. Надо полагать, сэр, что все эти бедствия, обрушившиеся на беднягу в последнее время, повергли его в крайнее уныние, и если мы теперь вдруг его обрадуем,- а ваше посещение, сэр, не может не вызвать в нем бурной радости,- то я боюсь, не будет ли это иметь для него роковых последствий, тем более что прибывший сейчас слуга его говорит, что мистеру Джонсу очень нехорошо.

- Здесь находится его слуга? - спросил Олверти.- Пожалуйста, позовите его. Я хочу задать ему несколько вопросов о его господине.

Сначала Партридж боялся показаться на глаза мистеру Олверти, но когда миссис Миллер, не раз слышавшая от него историю его жизни, пообещала его представить, он согласился.

Олверти узнал Партриджа с первого же взгляда, хотя много лет прошло со

времени их последней встречи. Поэтому миссис Миллер могла бы обойтись без своей рекомендательной речи, в которой на слова не поскупилась: читатель уже, я думаю, заметил, что язык этой почтенной женщины всегда готов был к услугам для друзей.

- Так вы слуга мистера Джонса? - обратился Олверти к Партриджу.

- Не могу сказать, сэр,- отвечал Партридж,- чтобы я был настоящим его слугой, но, с позволения вашей милости, теперь я живу вместе с ним. *Non sum qualis eram*, как изволит знать ваша милость.

Мистер Олверти принялся подробно его расспрашивать о здоровье Джонса и о других вещах; и на все его вопросы Партридж отвечал, нисколько не считаясь с действительным положением дел, а только с тем, как он желал бы их видеть, ибо строгая приверженность истине не принадлежала к числу нравственных или религиозных заповедей этого честного малого.

Во время этого диалога мистер Найтингейл удалился, а вслед за ним и миссис Миллер покинула комнату, откуда Олверти выслал также Блайфила, полагая, что Партридж при беседе наедине будет откровеннее. Как только они остались одни, Олверти обратился к нему со словами, которые читатель найдет в следующей главе.

ГЛАВА VI, в которой наша история продолжается дальше

- Право, приятель,- сказал Олверти,- вы престранный человек. Мало вам того, что вы прежде пострадали за упорство во лжи, вы и теперь продолжаете лгать, выдавая себя везде за слугу своего собственного сына! Какая вам от этого польза? Что побуждает вас это делать?

- Я вижу, сэр,- отвечал Партридж, падая на колени,- что вы против меня предубеждены и решили не верить ни одному моему слову; так какое же значение будет иметь то, что я вам скажу? Но есть над нами некто, кто знает, что я не отец этого молодого человека.

- Как! Вы все еще отпираетесь от того, в чем были некогда уличены так явно, так неопровержимо? Разве теперешняя совместная ваша жизнь с этим человеком не подтверждает всего, что было установлено двадцать лет тому назад? Я думал, вы уехали из наших мест, думал даже, что вы давно умерли!.. Каким же образом узнали вы об этом молодом человеке? Как вы встретились с ним, если не поддерживали с ним отношений? Не отпирайтесь: смею вас уверить, сын ваш много выиграет в моем мнении, если в нем было столько почтительности, что долгие годы он тайно поддерживал своего отца.

- Если ваша милость будет иметь терпение выслушать меня, - сказал Партридж,- я расскажу вам все.

Получив приказание говорить, он продолжал:

- Навлекши на себя вашу немилость, сэр, я скоро попал в самое бедственное положение: моя маленькая школа закрылась, и священник, думая, вероятно, сделать вам приятное, отставил меня от должности причетника; осталась у меня только цирюльня, а этим в такой деревушке не проживешь. Когда же умерла жена моя, при жизни которой я получал пенсион в двенадцать фунтов в год неизвестно от кого,- полагаю, от вашей милости, потому что, насколько я знаю, никто другой таких вещей не делает,- когда умерла жена, я лишился и этого пособия; пришлось сделать два или три небольших долга, которые начали меня беспокоить, особенно один из них⁹, выросший с пятнадцати шиллингов до тридцати фунтов благодаря судебным издержкам, искусно навороченным моим стряпчим; таким образом, все источники моего существования исчерпались, и я собрал свои пожитки и ушел.

Прежде всего я остановился в Солсбери, где поступил на службу к одному юристу, прекраснейшему человеку; он был добр не только ко мне, но, как мне известно, совершил тысячу благодеяний во время моего пребывания у него; и я знаю, что он часто отказывался вести дела, если находил их грязными и

разорительными.

- Можете не вдаваться в подробности,- прервал его Олверти,- я знаю этого юриста, он действительно человек достойный и делает честь своей профессии.

- Слушаю, сэр,- продолжал Партридж.- Оттуда я переселился в Лимингтон, где провел года три на службе у другого юриста, тоже очень хорошего человека, одного из первых весельчаков в Англии. Словом, сэр, через три года я завел маленькую школу и снова зажил бы хорошо, если бы не один пренеприятный случай. Держал я у себя поросенка, и однажды, на мое несчастье, поросенок этот забежал в соседский сад и нанес, как говорится, ущерб чужой собственности; сосед был человек спесивый, мстительный, он обратился к стряпчему - как бишь его?.. не припомню имени,- только он притянул меня в суд. Когда я явился туда - господи, чего только я не услышал от адвокатов! Один из них наговорил про меня судье кучу отвратительной лжи: сказал, будто я постоянно гоняю своих свиней в чужие сады. и много другого вздора, а заключил свою речь выражением надежды, что наконец я угодил со своими свиньями куда следует. Поверить ему, так выходило, что я первый свипоторговец в Англии, а у меня всего-то был один несчастный поросенок. Словом...

- Пожалуйста, не так подробно,- снова прервал его Олверти.- Вы еще ни слова не сказали о своем сыне.

- О, прошло много лет, прежде чем я увидел моего сына, как вы изволите его называть... После этого я переселился в Ирландию и завел школу в Корке (надо сказать, что эта тяжба снова разорила меня, и я семь лет просидел в тюрьме в Винчестере).

- Хорошо,- сказал Олверти,- пропустите все до вашего возвращения в Англию.

- Вернулся я только полгода назад и сначала пробыл некоторое время в Бристоле, но, не найдя там работы и услышав, что в одном местечке по дороге в Глостер умер цирюльник, отправился туда, а месяца через два встретился там с мистером Джонсом.

Потом он подробно рассказал Олверти об их встрече и обо всем, что случилось с тех пор, насколько мог припомнить, обильно уснащая рассказ спой панегириками Джонсу и не забывая отметить, с какой любовью и почтением молодой человек всегда отзывался об Олверти. Заключил он словами:

- Вот и все, сэр; я рассказал вам чистую правду. После чего торжественно побожился, что он такой же отец Джонса, как римский папа, и призывал на свою голову все проклятия, если сказал неправду.

- Не знаю, что мне и думать! - произнес Олверти.- Зачем вы так упорно отрицаете факт, в котором, по-моему, вам выгоднее было бы сознаться?

- Хорошо, сэр,- отвечал Партридж (больше он не мог выдержать),- если вы мне не верите, то скоро получите другие доказательства. Дай бог, чтобы вы ошиблись в матери этого молодого человека, как ошибаетесь в его отце.

И на вопрос Олверти, что он хочет этим сказать, Партридж с выражением ужаса на лице и в голосе рассказал ему всю историю, которую только что перед этим так усердно просил миссис Миллер никому не передавать. Олверти был потрясен этим открытием не меньше самого Партриджа.

- Праведный боже! - воскликнул сквайр.- В какие ужасные бедствия вовлекают людей пороки и невозддержание! Как сильно подчас расходятся с нашими намерениями последствия дурных поступков!

Только что произнес он эти слова, как в комнату поспешно и без доклада вошла миссис Вотерс. При виде ее Партридж воскликнул:

- Вот она сама, сэр! Вот несчастная мать Джонса! Я уверен, она оправдает меня перед вашей милостью. Пожалуйста, сударыня...

Миссис Вотерс, не обращая никакого внимания на слова Партриджа и почти не замечая его самого, подошла прямо к мистеру Олверти.

- Я так давно не имела чести видеть вас, сэр, что вы, вероятно, меня не узнаете.
- Действительно,- отвечал Олверти,- вы так сильно изменились во многих отношениях, что, если бы вот этот человек не сказал мне, кто вы, я бы не сразу вас узнал. У вас есть, сударыня, какое-нибудь личное дело ко мне?

Олверти сказал это очень сдержанно: как легко поймет читатель, он был не слишком доволен поведением этой дамы,- ни то, что он слышал о ней прежде, ни теперешнее сообщение Партриджа не могли расположить его к ней.

- Да, сэр,- ответила миссис Вотерс,- у меня к вам сугубо личное дело, и притом такое, о котором я могу сказать вам только с глазу на глаз. Поэтому попрошу вас выслушать меня наедине; смею уверить, я должна сообщить вам вещи чрезвычайно важные.

Партриджу приказано было выйти вон, но, прежде чем их покинуть, он попросил миссис Вотерс засвидетельствовать перед мистером Олверти его полную невиновность.

- Не беспокойтесь, сэр,- отвечала она,- я представлю на этот счет мистеру Олверти подробные объяснения.

Партридж удалился, и между мистером Олверти и миссис Вотерс произошел разговор, который мы сообщим в следующей главе.

ГЛАВА VII Продолжение нашей истории

Миссис Вотерс несколько минут хранила молчание, так что мистер Олверти не мог удержаться и сказал:

- С сожалением убеждаюсь, сударыня, на основании всего, что я слышал, что вы так дурно употребили...

- Мистер Олверти,- прервала его она,-я знаю, что у меня есть недостатки, но неблагодарность к вам не принадлежит к их числу. Я никогда не забывала и не забуду вашей доброты, мной, признаюсь, так мало заслуженной; но сделайте одолжение, отложите ваши упреки: я пришла сообщить вам очень важные вещи касательно молодого человека, которого вы называли Джонс - моей девичьей фамилией.

- Неужели я по неведению наказал невинного в лице человека, только что нас покинувшего? Неужели не он - отец ребенка?

- Нет, не он,- отвечала миссис Вотерс.- Благоволите припомнить, сэр, я сказала вам когда-то, что со временем вы все узнаете; теперь я сознаюсь в непростительной небрежности: я должна была открыть вам это раньше. Я не знала, насколько это было необходимо.

- Продолжайте, продолжайте, сударыня,- сказал Олверти.

- Вы, наверно, помните, сэр, молодого человека по имени Самер?

- Прекрасно помню,- отвечал Олверти,- сын священника, очень образованного и достойного, к которому я питал самые дружеские чувства.

- Надо думать, сэр. Ведь вы, кажется, дали воспитание его сыну и содержали его в университете, откуда по окончании курса он и приехал к вам. Прекраснее этого человека, должно быть, никогда на свете не было - и любезный, и остроумный, и воспитанный, а о том, что красавец, и говорить нечего.

- Да, вы правы,- сказал Олверти,- жаль только, смерть унесла его так рано, бедняжку! Но я никогда не думал, что за ним водились такие грехи; вы, верно, хотите сказать, что он отец вашего ребенка?

- Нет, сэр, вы ошибаетесь,- отвечала миссис Вотерс.

- К чему же ведет все это предисловие?

- К делу, которое вам сообщить, к сожалению, выпало на мою долю. Приготовьтесь же, сэр, услышать вещь, которая вас поразит и опечалит.

- Говорите: на моей совести нет преступлений, и мне нечего бояться.

- Сэр, этот мистер Самер, сын вашего друга, воспитанный на ваши деньги,

который, прожив у вас год на положении родного сына, умер от оспы и был вами оплакан и похоронен, как родное дитя,- этот Самер, сэр, отец вашего воспитанника.

- Но вы ведь противоречите себе!

- Нет, нисколько: он его отец, но я не мать его.

- Смотрите, сударыня, не берите на душу лжи, пытаюсь выгородить себя от обвинения в другом преступлении. Вспомните, что есть бог, от которого ничто не укроется и перед судом которого ложь только отягчит вашу вину.

- Право, сэр, я не мать его и ни за что на свете не хотела бы быть теперь его матерью.

- Я знаю, почему, и буду не меньше вашего радоваться, если ваши слова окажутся правдой; но вспомните, что вы мне сами в этом признались.

- Признание мое было справедливо только в том, что я собственными руками положила ребенка к вам на постель, положила по приказанию его матери, по ее же приказанию я признала себя матерью ребенка, считая, что буду щедро вознаграждена за сохранение тайны и за свой позор.

- Кто же могла быть эта женщина? - спросил Олверти.

- Мне страшно назвать ее,- отвечала миссис Вотерс.

- По всем этим недомолвкам я заключаю, что она моя родственница...

- И даже очень близкая.- При этих словах Олверти сделал движение, а она продолжала: - У вас была сестра, сэр!

- Сестра! - повторил он, оторопев.

- Клянусь вам небом,- продолжала миссис Вотерс,- ваша сестра - мать ребенка, которого вы нашли у себя на постели.

- Возможно ли? Боже праведный!

- Имейте терпение, сэр,- отвечала миссис Вотерс,- и я расскажу вам все по порядку. Вскоре после вашего отъезда в Лондон мисс Бриджет пришла однажды к моей матери. Она изволила сказать, что наслышалась много удивительного о моей учености и выдающемся для простой девушки уме - так ей было угодно сказать. Она велела мне прийти к ней в комнаты и, когда я явилась, поручила мне читать вслух. Чтение мое ей понравилось, она меня обласкала и сделала мне много подарков. По прошествии некоторого времени она начала меня спрашивать, умею ли я хранить тайну, и ответы мои показались ей настолько удовлетворительны, что она заперла на замок дверь, привела меня к себе в спальню, заперла и спальню и сказала, что желает доказать мне свое полное доверие, сообщив мне тайну, от которой зависит ее честь и, следовательно, самая жизнь. Тут она помолчала несколько минут, часто отирая глаза платком, и спросила, как, по-моему, можно ли безопасно довериться моей матери. Я отвечала, что готова поручиться жизнью за ее преданность. Тогда она поведала мне великую тайну, схороненную в ее сердце, которую открыть, думаю, стоило ей больших мук, чем впоследствии родить ребенка. Мы порешили, что при родах будем только я с матерью и что миссис Вилкинс будет куда-нибудь удалена, что и было сделано: мисс Бриджет отправила ее в самую отдаленную часть Дорсетшира - разузнать о нравственности одной служанки. Надо сказать, что месяца за три перед тем мисс Бриджет отказала своей горничной, и все это время я была, по ее словам, на испытании, но оказалась, как она потом объявила, непригодной для этой должности. Это и многое другое говорила она только затем, чтобы устранить всякие подозрения миссис Вилкинс впоследствии, когда я признаю ребенка своим, ибо она считала, что никто не поверит, чтобы она решилась отозваться дурно о женщине, которой доверила такую тайну. Понятное дело, сэр, за все это бесчестье я была щедро вознаграждена и, зная подкладку дела, осталась вполне довольна. Больше всех других мисс Бриджет опасалась миссис Вилкинс: не то чтобы она питала к ключнице неприязнь, но считала ее неспособной хранить тайну, особенно от вас, сэр. Помню, мисс Бриджет не раз говорила, что, если бы миссис Вилкинс

совершила убийство, она бы и в этом вам призналась. Наконец ожидаемый день настал, и миссис Вилкинс, уже неделю как приготовившаяся к отъезду, но беспрестанно задерживаемая под тем или иным предлогом, чтобы не возвратилась слишком рано, была отправлена в путь. Произошли роды, при которых присутствовали только я и моя мать, причем младенец был тотчас взят матерью к нам в дом, где мать моя и продержала его тайно до вашего приезда. В этот день вечером я снесла его, по приказанию мисс Бриджет, к вам на постель, где вы его и нашли. Впоследствии сестра ваша искусно отвела от себя все подозрения: помните, как она притворялась, будто не любит мальчика и заботится о нем исключительно в угоду вам.

Закончила миссис Вотерс торжественной клятвой, что все сказанное ею правда, и прибавила:

- Итак, сэр, вы нашли племянника, ибо я не сомневаюсь, что с этой минуты вы будете считать его племянником, а он, в свою очередь, сделает честь своему дяде и будет ему утешением.

- Нечего и говорить о том, сударыня,- сказал Олверти,- как я поражен вашим рассказом, а между тем вы бы не стали, да и не могли сочинить все эти подробности в подтверждение неправды! Признаться, я и сам вспоминаю кое-какие мелочи относительно этого Самера, давшие мне в свое время повод думать, что сестра равнодушна к нему. Я сказал ей об этом, потому что очень любил молодого человека за его высокие душевные качества и в память об его отце охотно согласился бы на брак сестры с ним; однако сестра чрезвычайно обиделась моим неприличным, как она сказала, подозрением, так что я никогда больше не говорил на эту тему. Боже, ты все устраиваешь к лучшему!.. А все-таки сестра поступила непростительно, унеся с собой в могилу эту тайну.

- Смею вас уверить, сэр,- сказала миссис Вотерс,- что она никогда не имела такого намерения и, напротив, часто говорила мне о своем решении когда-нибудь во всем вам признаться. Она, правда, была очень рада, что ее затея так хорошо удалась и что ребенок так вам понравился, что покамест незачем открывать тайну,- но, доживи она до того дня, когда этот несчастный молодой человек был выгнан, как бродяга, из вашего дома, больше того услышь она, что вы сами поручили адвокату обвинить его перед судом в убийстве, в котором он не виноват... Простите меня, мистер Олверти, я должна вам сказать,- это нехорошо... Вам наклеветали на него, он этого не заслужил.

- Это вам, сударыня, наклеветал на меня тот, от кого вы все это услышали.

- Мне бы не хотелось, чтобы вы поняли меня превратно: я вовсе не желаю обвинять вас в несправедливости, сэр. Приходивший ко мне джентльмен не предлагал мне ничего дурного: он сказал мне только, приняв меня за жену мистера Фитцпатрика, что если мистер Джонс убил моего мужа, то один почтенный джентльмен, хорошо знающий, что это за мерзавец, готов дать мне сколько угодно денег на преследование его судебным порядком. От этого человека я и узнала, кто такой мистер Джонс. Человека этого зовут Даулинг, и мистер Джонс сказал мне, что это ваш управляющий. Я узнала его имя случайно; сам он отказался назвать себя, но Партридж, встретивший его у меня во время его второго посещения, оказывается, знал его когда-то в Солсбери.

- И этот мистер Даулинг,- спросил Олверти с выражением крайнего изумления,- сказал, что я готов помочь вам вести процесс?

- Нет, сэр, я не хочу несправедливо обвинять его. Он сказал только, что мне будет оказана помощь, но кем именно, не сказал. Извините, сэр, что, сопоставив все обстоятельства, я подумала, что это не кто другой, как вы.

- А я,- отвечал Олверти,- сопоставив обстоятельства, прихожу к твердому убеждению, что его послал к вам кто-то другой. Праведный боже, каким чудесным

путем разоблачается иногда самое черное и коварное злодейство! Позвольте попросить вас, сударыня, остаться здесь до прихода человека, которого вы назвали: я жду его каждую минуту. Может быть, он даже уже здесь.

И Олверти пошел к двери позвать слугу, но в это время в двери вошел не мистер Даулинг, а другой джентльмен, о котором мы скажем в следующей главе.

ГЛАВА VIII Снова продолжение

Вошедший джентльмен был не кто иной, как мистер Вестерн. Едва он увидел Олверти, как, не обращая ни малейшего внимания на присутствие миссис Вотерс, завопил благим матом:

- Славные дела творятся в моем доме! Вот уж неразбериха, не приведи господи! Наказание мне с дочерью!

- В чем дело, сосед? - спросил Олверти.

- А в том, что когда я думал, что она уже стала шелковая, когда она обещала мне исполнить все мои желания и я уже надеялся, что остается только послать за нотариусом и покончить дело,- можете себе представить, что я обнаружил? Эта сучка все время водила меня за нос и переписывалась с вашим пашенком. Сестра, с которой я из-за нее побранился, черкнула мне об этом, и я велел обыскать ее карманы, когда она спала; и точно, нашлось письмо за собственноручной подписью прохвоста. У меня не хватило терпения дочитать и до половины, так как оно длиннее проповеди священника Сапла, но я вижу ясно, что все оно о любви; да и о чем же больше им переписываться? Я опять посадил ее под замок и завтра утром отправлю в деревню, если она не согласится сейчас же пойти под венец. До конца дней своих она будет жить на чердаке и питаться хлебом и водой; и чем скорей окочурится, тем лучше. Да только она живуча, подлая, много еще хлопот мне доставит.

- Вы знаете, мистер Вестерн,- отвечал Олверти,- я всегда возражал против насилия, и вы мне обещали к нему не прибегать.

- Ну да, но только при условии, что она и без того даст свое согласие. Тысяча чертей! Разве я не вправе делать с родной дочерью, что хочу, особенно для ее же добра?

- Вот что, сосед,- отвечал Олверти,- если вы позволите, я попробую поговорить с вашей дочерью.

- В самом деле? - воскликнул Вестерн.- Вот это по-дружески и по-соседски! Авось вы с ней успеете больше моего: она о вас очень высокого мнения.

- Если так, то поезжайте домой и освободите мисс Софью, а я буду у нее через полчаса.

- А что, если она тем временем сбежит с ним? - сказал Вестерн. Стряпчий Даулинг говорит, что нет никакой надежды на то, чтобы молодчика повесили: раненый жив и, вероятно, поправится, а Джонса скоро выпустят на свободу.

- Так, значит, это вы поручили расследовать это дело и предпринять разные шаги?

- Нет, я ему ничего не поручал: он сам сказал мне это сейчас.

- Сейчас? Где же вы его видели? Мне самому необходимо видеть мистера Даулинга.

- Вы его увидите, когда приедете ко мне: у меня на квартире сейчас происходит совещание адвокатов по поводу одной закладной. По милости этого честного джентльмена, мистера Найтингейла, я, того и гляди, потеряю две или три тысячи фунтов.

- Хорошо, сэр,- сказал Олверти,- я буду у вас через полчаса.

- И послушайте хоть раз моего глупого совета,- продолжал Вестерн, мягкие меры вы с ней оставьте: помяните мое слово - они ни к чему не приведут. Я уж их пробовал. Ее надо застрашать, другого способа нет. Скажите ей, что я ее отец, что непослушание отцу большой грех и что на том свете ее ждет за это страшное

наказание, а потом пригрозите, что здесь она будет посажена на всю жизнь под замок - на хлеб и на воду.

- Сделаю все, что могу,- отвечал Олверти,- потому что, повторяю, я был бы чрезвычайно рад породниться с этим милым созданием.

- Да, на этот предмет девка что надо! - воскликнул сквайр.- Такой лакомый кусочек не скоро сыщешь: говорю это, хоть она моя родная дочь. И если только она будет меня слушаться, так за сто миль не найдется такого отца, который бы любил свою дочь больше моего. Но вы, я вижу, заняты с дамой, так что я уйду и жду вас. Ваш покорный слуга.

Когда мистер Вестерн ушел, миссис Вотерс сказала:

- Я вижу, сэр, сквайр совсем забыл меня. Думаю, что и вы, мистер Олверти, меня бы не узнали. Я сильно изменилась с того дня, как вы изволили дать мне совет, последовав которому, я была бы счастлива.

- Поверьте, сударыня, я был очень огорчен, узнав, что вы пошли по другому пути.

- Поверьте, сэр, я попала в предательски расставленную мне ловушку; и если бы вы знали все подробности, то это хотя и не могло бы оправдать меня в ваших глазах, но послужило бы для меня смягчающим обстоятельством и тронуло бы ваше сердце. Теперь вам некогда меня слушать, но уверяю вас, что я была обманута торжественнейшими обещаниями жениться; перед небом я была с ним обвенчана. Я много читала по этому предмету и пришла к убеждению, что обряд нужен только для узаконения брака и имеет чисто мирское значение, давая женщине привилегии жены; но та, которая остается верной одному мужчине, торжественно дав ему слово, мало в чем может упрекнуть себя перед своей совестью, что бы о ней ни говорили люди.

- Очень жаль, сударыня, что вы извлекли такой плохой урок из ваших чтений. Вам надо было получить или гораздо больше знаний, и, in остаться совсем невежественной. И кроме того, сударыня, боюсь, что у вас на душе не один этот грех.

- Клянусь вам всем святым, что при его жизни, в течение двенадцати лет, я не знала других грехов. Но поставьте себя, сэр, на мое место: что может сделать женщина, лишившаяся доброго имени и оставленная без поддержки? Разве добрые люди потерпят возвращение заблудшей овцы на путь добродетели, как бы она этого ни желала? И, конечно, я бы избрала этот путь, если бы это было в моей власти; но нужда толкнула меня в объятия капитана Вотерса, с которым, правда, еще не обвенчавшись, я живу несколько лет как жена и ношу его имя. Я рассталась с ним в Ворчестере, когда он отправился в поход против мятежников, и после этого случайно встретила с мистером Джонсом, освободившим меня из рук одного мерзавца. Это человек, достойный во всех отношениях. Я думаю, нет юноши в его возрасте более чуждого порока, и очень немногие обладают десятой долей его добродетелей; к тому же, сколько бы он ни нагрешил, я твердо убеждена, что он принял сейчас непоколебимое решение исправиться.

- Надеюсь, что это так и что он не отступится от своего решения. Добавлю, что я питаю те же надежды и по отношению к вам. Я с вами согласен: люди в таких случаях действительно беспощадны; все-таки время и настойчивость в конце концов одержат верх над их, если можно так сказать, нерасположением к состраданию, ибо хотя они не обладают готовностью, как отец наш небесный, принимать кающегося грешника, однако чистосердечное раскаяние смягчает в конце концов самые черствые сердца. Во всяком случае, можете быть уверены, миссис Вотерс, что если я увижу искренность ваших добрых намерений, то всеми силами помогу вам в них укрепиться.

Миссис Вотерс упала на колени и со слезами на глазах, в самых прочувствованных выражениях поблагодарила мистера Олверти за его доброту, которая, как она правильно заметила, походила больше на ангельскую, чем на человеческую.

Олверти поднял ее и очень ласково, подбирая самые нежные слова, принялся утешать, когда в комнату вошел мистер Даулинг. Увидев миссис Вотерс, он остановился, немного опешив, но скоро овладел собой и сказал, что страшно спешит на совещание к мистеру Вестерну, однако счел долгом зайти сообщить Олверти мнение юристов о рассказанном ему случае. Они полагают, что дело с банковскими билетами не является преступлением, но что можно вчинить иск против утаенной находки, и если присяжные признают найденные деньги собственностью истца, то суд постановит вернуть их ему.

Не отвечая ни слова, Олверти запер дверь, подошел к Даулингу и, строго посмотрев на него, сказал:

- Как бы вы ни спешили, сэр, прежде я должен получить от вас ответ на некоторые вопросы. Знаете вы эту даму?

- Эту даму, сэр? - отвечал Даулинг в большой нерешительности.

Тогда Олверти торжественно сказал:

- Слушайте, мистер Даулинг, если вы дорожите моим расположением, если не хотите, чтобы я сию же минуту уволил вас со службы, не вливайте и не лукавьте, а отвечайте прямо и правдиво на все мои вопросы. Знаете вы эту даму?

- Да, сэр,- отвечал Даулинг,- я ее видел.

- Где. сэр?

- У нее на квартире.

- По какому же делу вы к ней ходили, сэр, и кто вас посылал.

- Я ходил, сэр, разузнать, сэр, насчет мистера Джонса.

- Кто вас посылал?

- Кто, сэр? Меня посылал мистер Блайфил, сэр.

- Что же вы говорили этой даме по его поручению?

- Извините, сэр, я не могу припомнить все от слова до слова.

- Не угодно ли вам, сударыня, помочь памяти этого джентльмена?

- Он говорил мне, сэр,- сказала миссис Вотерс,- что если мистер Джонс убил моего мужа, то один почтенный джентльмен, хорошо знающий, что это за мерзавец, готов дать мне сколько угодно денег на преследование его судебным порядком. Могу присягнуть, что это его подлинные слова.

- Вы это говорили, сэр? - спросил Олверти.

- Не могу припомнить в точности, но что-то в этом роде.

- И это велел вам сказать мистер Блайфил?

- Разумеется, сэр, я не пошел бы по собственному почину и в делах такого рода не превысил бы по своей воле данных мне полномочий. Если я это сказал, значит, именно так понял предписания мистера Блайфила.

- Послушайте, мистер Даулинг,- сказал Олверти,- обещаю вам перед этой дамой, что я готов простить вам все, предпринятое вами в этом деле по приказанию мистера Блайфила, но при условии, если вы мне скажете всю правду, ибо я верю, что вы не стали бы действовать по собственному почину, не имея надлежащих полномочий. Мистер Блайфил поручал вам также расспросить двух молодцов с Олдерсгейта?

- Поручал, сэр.

- Какие же предписания дал он вам? Припомните хорошенько и передайте как можно точнее его слова.

- Извольте, сэр. Мистер Блайфил поручил мне отыскать свидетелей поединка. Он сказал, что опасается, как бы мистер Джонс или его друзья не подкупили их. Кровь, сказал он, требует крови, и не только укрыватели убийцы, но и те, кто недостаточно помогает предать его в руки правосудия, являются его сообщниками. Он сказал также, что вы очень желаете привлечения этого негодяя к суду, хотя вам и неудобно действовать самому.

- Он это сказал? - спросил Олверти.

- Да, сэр.- отвечал Даулинг.- Я, конечно, ни для кого на свете, кроме вашей милости, не пошел бы так далеко.

- А как далеко, сэр? - спросил Олверти.

- Не подумайте, пожалуйста, сэр, чтобы я согласился наущать к лжесвидетельству; но есть два способа давать показания. Я им предложил поэтому отказаться от награды, если она была им обещана противной стороной, и дал понять, что они не останутся в убытке, честно показывая правду. Я сказал, что мистер Джонс, как нам передавали, начал первый и что если это правда, то чтобы они так и показали; и я намекнул им, что от этого они ничего не потеряют.

- Да, вы действительно зашли далеко,- сказал Олверти.

- Поверьте, сэр, я не побуждал их говорить неправду, да не решился бы и на то, что я сделал, если бы не думал, что доставлю вам удовольствие.

- Вероятно, вы бы этого не думали, если бы знали, что этот мистер Джонс мой родной племянник.

- Я полагал, сэр, что мне не подобает считаться с тем, что вы, по-видимому, желаете держать втайне.

- Как! - воскликнул Олверти.- Неужели вам это было известно?

- Если ваша милость приказывает мне говорить, я скажу всю правду. Да, сэр, я это знал; ведь это были едва ли не последние слова миссис Блайфил, которые она произнесла на ложе смерти, вручая мне письмо, доставленное вашей милости.

- Какое письмо? - удивился Олверти.

- То письмо, сэр, которое я привез из Солсбери и передал в руки мистера Блайфила.

- Боже! Что же сказала вам сестра? Повторите мне ее слова.

- Она взяла меня за руку и сказала, вручая мне письмо; "Я едва соображаю, что я написала. Скажите брату, что мистер Джонс - его племянник... Что он мой сын... Дай бог ему счастья",- и с этими словами упала на изголовье в предсмертной агонии. Я тотчас кликнул людей, но она уже ничего не могла сказать и через несколько минут скончалась.

Олверти некоторое время хранил молчание, возведя глаза к небу, потом обратился к Даулингу с вопросом:

- Как же вы не отдали мне этого письма?

- Благоволите вспомнить, сэр, что вы в то время были больны и лежала в постели; я же, как всегда, страшно торопился и передал письмо и поручение мистеру Блайфилу, пообещавшему доставить их вам. После он говорил мне, что все это исполнил, но что ваша милость отчасти из любви к мистеру Джонсу, отчасти из уважения к вашей почтенной сестре не желает предавать дела гласности; поэтому, сэр, если бы вы не заговорили о нем первый, я, разумеется, не счел бы себя вправе коснуться этого предмета как в разговоре с вашей милостью, так и с кем-либо другим.

Нам уже случилось где-то заметить, что человек способен облекать ложь в слова правды; так было и в настоящем случае. Блайфил действительно сказал Даулингу то, о чем тот доложил Олверти, но не вводил его в заблуждение и даже не считал себя на это способным. На самом деле единственным побуждением, заставлявшим Даулинга хранить тайну, были обещания Блайфила; теперь же, ясно увидев, что Блайфил не может их сдержать, он счел уместным сделать свое признание, чему немало содействовали обещание простить его, грозные взгляды и властный тон Олверти, а также открытия, сделанные им ранее, и то обстоятельство, что он был захвачен врасплох и не имел времени придумать увертку.

Олверти, по-видимому, остался очень доволен рассказом Даулинга и, строго приказав ему никому не говорить о том, что между ними произошло, проводил его до самых дверей, чтобы он не мог повидаться с Блайфилом. А Блайфил между тем ликовал в своей комнате, что так ловко обманул дядю, совсем не подозревая, что

происходит внизу.

Возвращаясь к себе, Олверти встретил на пороге миссис Миллер; бледная и с перекошенным от ужаса лицом, она сказала ему:

- Боже мой, сэр, эта безнравственная женщина была у вас, и вы знаете все! Но, ради бога, не отворачивайтесь по этому случаю от несчастного юноши. Поймите, сэр, что он не знал, что это его мать; это открытие само по себе, наверно, повергло его в глубочайшее отчаяние; пощадите его!

- Сударыня,- отвечал Олверти,-я так поражен тем, что сейчас услышал, что не в состоянии что-нибудь сказать вам. Пожалуйте ко мне в комнату. Да, миссис Миллер, я открыл удивительные вещи, и вы скоро все узнаете.

Бедная женщина последовала за ним, дрожа всем телом, а Олверти подошел к миссис Вотерс, взял ее за руку и, обратись к миссис Миллер, сказал:

- Чем наградить мне эту благородную женщину за оказанную мне услугу? Вы тысячу раз слышали, миссис Миллер, как я называл молодого человека, которому вы так преданы, своим сыном. Но у меня и в мыслях не было, что он мне сродни... Ваш друг, сударыня,- мой племянник; он брат этой гадины, которую я так долго пригревал на своей груди... Миссис Вотерс сама вам расскажет все подробности и как случилось, что мальчик прослыл ее сыном. Да, миссис Миллер, теперь я вижу, что его оклеветали; оклеветал человек, в котором вы совершенно справедливо подозревали мерзавца. Да, он действительно мерзавец и подлец.

Радость, охватившая миссис Миллер, отняла у нее способность речи, и вдова лишилась бы даже чувств, если бы на помощь ей своевременно не подоспел благотворительный поток слез. Наконец, немного придя в себя и вновь обретя дар слова, она сказала:

- Так, значит, любезнейший мистер Джонс - ваш племянник, сэр, а не сын этой дамы? И я увижу его наконец счастливым, как он того заслуживает?

- Он точно мой племянник,- отвечал Олверти,- и я надеюсь, что ваше желание сбудется.

- И вы обязаны таким важным открытием этой достопочтенной даме? продолжала миссис Миллер.

- Да, ей.

- Так да благословит же господь и да пошлет он ей всякого счастья! воскликнула миссис Миллер, упав на колени.- И да простит ей за одно это доброе дело все грехи ее, как бы много их ни было!

Тогда миссис Вотерс сообщила, что Джонс, вероятно, скоро будет выпущен на волю. потому что хирург пошел с одним дворянином к судье, посадившему его в тюрьму, засвидетельствовать, что мистер Фитцпатрик вне всякой опасности, и добиться освобождения заключенного.

Олверти сказал, что рад будет, возвратясь домой, застать у себя племянника, но что сейчас ему нужно уйти по одному важному делу. Он велел слуге кликнуть портшез и простился с дамами.

Мистер Блайфил, услышав, что заказан портшез, спустился проводить дядю: он никогда не забывал исполнить этот долг вежливости. Он спросил дядю, не уезжает ли он,- что было вежливой формой вопроса, куда он едет. Но так как дядя не отвечал ни слова, то Блайфил пожелал узнать, когда ему угодно будет возвратиться. Олверти не дал ответа и на этот вопрос, и только уже садясь в портшез, обернулся и проговорил:

- Послушайте, сэр, позаботьтесь отыскать к моему возвращению письмо ко мне вашей матери, написанное ею на смертном ложе.

С этими словами Олверти уехал, оставив Блайфила в положении, которому мог бы позавидовать лишь человек, поднимающийся на виселицу.

ГЛАВА IX Снова продолжение

Сидя в портшезе, Олверти прочел письмо Джонса к Софье, оставленное ему Вестерном; некоторые выражения в этом письме, относившиеся к нему лично, тронули его до слез. Наконец он прибыл в дом мистера Вестерна и велел провести себя прямо к Софье.

Обменявшись приветствиями, они сели и несколько минут молчали. Софья, предупрежденная отцом о посещении Олверти, перебирала веер, выдавая каждой черточкой своего лица и всеми своими манерами крайнее смущение. Наконец Олверти, который и сам чувствовал некоторое замешательство, проговорил:

- Боюсь, мисс Вестерн, что семья моя причинила вам неприятности, чему и сам я невольно содействовал в большей степени, чем предполагал. Поверьте, сударыня, если бы я знал с самого начала, как неприятно вам предложение моего племянника, я бы не допустил, чтобы вас так долго преследовали. Поэтому, надеюсь, вы поймете, что я пришел не с тем, чтобы докучать вам новыми домогательствами в подобном роде, а чтобы совершенно набавить вас от них.

- Сэр,- отвечала Софья скромно и нерешительно,- поступок ваш исполнен благородства, какого можно было ожидать только от мистера Олверти; но поскольку вы были так добры коснуться этого сватовства, то простите, если я скажу, что оно действительно доставило мне много неприятностей и было причиной жестокого обращения со мной отца, который до тех пор обходился со мной как нельзя более нежно и ласково. Я убеждена, сэр, что вы слишком добры и благородны и не будете на меня в обиде за отказ вашему племяннику. Наши чувства не в нашей власти, и, несмотря на все достоинства мистера Блайфила, я не могу заставить себя полюбить его.

- Уверю вас, любезнейшая мисс Вестерн,- сказал Олверти,- я не обиделся бы на вас, если бы даже он был моим сыном и я питал к нему величайшее уважение. Вы справедливо заметили, что мы не властны над нашими чувствами; тем менее могут управлять ими за нас другие.

- О сэр, каждое ваше слово доказывает, сколь вы заслуживаете всеми признанной за вами репутации человека доброго, великодушного и отзывчивого! Поверьте, что только страх перед будущим несчастьем мог заставить меня послушаться приказаний отца.

- Искренне верю вам, сударыня,- отвечал Олверти,- и сердечно поздравляю с такой прозорливостью: ваше послушание действительно спасло вас от большого несчастья!

- Благодарю вас, мистер Олверти: мало кто способен на такую деликатность! Но, право же, жить с человеком, к которому совершенно равнодушна,- жалкая участь... И, пожалуй, еще хуже, когда сознаешь достоинства этого человека, но не можешь отдать ему своего сердца. Если бы я вышла замуж за мистера Блайфила...

- Простите, что я вас прерву, сударыня, но ваше предположение для меня невыносимо. Поверьте, мисс Вестерн, я радуюсь, от всего сердца радуюсь, что вы избежали этой участи... Я обнаружил, что человек, из-за которого вы натерпелись столько неприятностей от вашего отца,- негодяй.

- Вот как! - воскликнула Софья.- Вы меня поражаете.

- Я сам был поражен этим открытием, сударыня, и все будут поражены. Но я вам сказал истинную правду.

- О, я убеждена, что из уст мистера Олверти исходит только правда... И все-таки, сэр, такая неожиданная новость... Вы обнаружили, говорите вы... О, если бы каждое злодейство выходило наружу!..

- Вы скоро узнаете все подробности,- сказал Олверти,- а теперь не будем больше упоминать это ненавистное имя. У меня к вам другое, очень важное дело... Ах, мисс Вестерн, я знаю все ваши достоинства и не могу легко расстаться с честолюбивой мыслью породниться с вами... У меня есть близкий родственник,

сударыня, молодой человек, характер которого, я убежден, является полной противоположностью характеру этого негодяя и которому я отдам состояние, назначенное прежде для первого. Могу ли я надеяться, сударыня, что вы разрешите ему посетить вас?

Помолчав немного, Софья отвечала:

- Я хочу быть совершенно откровенной с мистером Олверти. Этого требуют характер его и оказанная мне им услуга. Я решила не принимать сейчас таких предложений ни от кого на свете. Единственное мое желание - вернуть любовь отца и снова сделаться хозяйкой в его доме. Надеюсь, сэр, что это желание вы мне поможете осуществить. Позвольте же просить вас, заклинаю вас всей вашей добротой, которую испытали на себе и я и всякий, кто вас знает, не подвергайте меня в ту самую минуту, когда вы избавили меня от одного преследования, не подвергайте меня новому преследованию, которое будет мне так же тягостно и окажется таким же бесплодным.

- Поверьте, мисс Вестерн,- отвечал Олверти,- я не способен на подобные вещи, и если таково ваше решение, мой родственник должен с ним примириться, как ни мучительно ему отказываться от своих надежд.

- Не могу не улыбнуться, мистер Олверти, слыша, как вы говорите о мучениях человека, которого я не знаю и который поэтому может знать меня лишь очень мало.

- Извините, дорогая мисс Вестерн, боюсь, он знает вас слишком хорошо, чтобы навсегда утратить покой; ибо если есть на земле человек, способный к искренней, пылкой и благородной страсти, то это, я убежден, мой племянник с его страстью к мисс Вестерн.

- Ваш племянник, мистер Олверти! - воскликнула Софья.- Как это странно. Я никогда до сих пор о нем не слышала.

- Вам неизвестно, сударыня, только то, что он мой племянник, обстоятельство, которого и сам я не знал до сего дня. Мистер Джонс, который любит вас так давно, мистер Джонс - мой племянник.

- Мистер Джонс - ваш племянник, сэр! - воскликнула Софья.- Возможно ли?

- Да, сударыня,- отвечал Олверти,- он сын моей родной сестры, я всегда буду признавать его своим племянником и не стыжусь этого. Гораздо больше стыжусь я своего прежнего обращения с ним, но я так же не знал его достоинств, как и его происхождения. Да, мисс Вестерн, я поступил с ним жестоко... слишком жестоко.

Тут почтенный сквайр отер слезы и после короткого молчания продолжал:

- Без вашей помощи я не в силах вознаградить его за все, что он перенес. Поверьте, любезнейшая мисс Вестерн, я его глубоко уважаю, если решаюсь сделать это предложение такой достойной девушке. Он, я знаю, не без недостатков, но сердце у него очень доброе. Поверьте мне, сударыня.

И он замолчал, как бы в ожидании ответа, который и получил после того, как Софья немного оправилась от волнения, вызванного этим странным и непредвиденным известием.

- От души поздравляю вас, сэр, с открытием, доставившим вам столько удовольствия,- сказала она.- Я не сомневаюсь, что он не обманет ваших надежд и будет вам отрадой. У этого молодого джентльмена тысячи хороших качеств, не позволяющих сомневаться в его благородном отношении к такому дяде.

- Надеюсь, сударыня,- отвечал Олверти,- у него нет недостатка и в тех качествах, которые должны сделать его хорошим мужем. Конечно, он был бы негоднейшим человеком, если бы, удостоившись получить от такой женщины...

- Пожалуйста, простите меня, мистер Олверти,- сказала Софья.- Я не могу принять ваше предложение. Мистер Джонс, я уверена, достойнейший человек, но я отказываюсь принять его как жениха... Я не могу, честное слово...

- Простите, сударыня, я несколько удивлен вашими словами, после того что

слышал от мистера Вестерна... Надеюсь, несчастный юноша не сделал ничего такого, что лишило бы его вашего благоволения, если когда-нибудь он имел честь им пользоваться... Может быть, его оклеветали перед вами, как оклеветали передо мной. Те же гнусные происки могли повредить ему где угодно... Уверю вас, он не убийца, как его ославили.

- Мистер Олверти,- отвечала Софья,- вы слышали мое решение. Меня не удивляет то, что вам сказал отец, но, каковы бы ни были его опасения и страхи, я не подала к ним, насколько я знаю свое сердце, никакого повода, потому что я твердо держалась и держусь правила не выходить замуж без его согласия. Я считаю это своим долгом по отношению к отцу, и ничто, надеюсь, не заставит меня от него уклониться. Но я не думаю, чтобы родители имели право выдавать нас замуж вопреки влечениям нашего сердца. Чтобы избежать подобного насилия, опасаться которого у меня были основания, я покинула родительский дом и искала защиты в другом месте. Вот вам вся правда. И если свет или отец мой подозревают меня в других намерениях, то совесть ни в чем меня не упрекает.

- Я слушаю вас, мисс Вестерн, с восхищением. Я восхищен верностью ваших суждений, но вы чего-то не досказываете. Я не хотел бы вас оскорбить, сударыня, по неужели все, что я слышал и видел до сих пор, не больше как сон? Неужели вы терпели преследования отца ради человека, к которому вы всегда были совершенно равнодушной?

- Умоляю вас, мистер Олверти. не требуйте от меня объяснений... Да, я много натерпелась. Я не буду скрывать, мистер Олверти... я хочу быть с вами вполне откровенной: да, у меня было высокое мнение о мистере Джонсе... Я думаю... я знаю, что я за это пострадала... и тетка и отец обращались со мной жестоко; но теперь это прошло... я прошу, чтобы меня оставили в покое, ибо решение мое бесповоротно. У вашего племянника, сэр, много достоинств... у него большие достоинства, мистер Олверти. Я не сомневаюсь, что он сделает вам честь и осчастливит вас.

- И я желал бы сделать его счастливым, сударыня; но я глубоко убежден, что это зависит единственно от вас. Это убеждение и побуждает меня так горячо за него ходатайствовать.

- Вы заблуждаетесь, сэр; уверю вас, заблуждаетесь! Надеюсь, впрочем, что не он ввел вас в заблуждение. Довольно и того, что он обманул меня. Мистер Олверти, я настоятельно прошу вас не говорить мне больше об этом предмете. Мне было бы прискорбно... Нет, я не хочу ронять его в вашем мнении... Я желаю мистеру Джонсу добра. Я искренне желаю ему добра и повторяю вам: как ни провинился он передо мной, я все же уверена, что у него много хороших качеств. Я не отрицаю, что прежде была о нем другого мнения, но мнения этого теперь уже не вернуть. Теперь нет на земле человека, от предложения которого я отказалась бы более решительно, чем от предложения мистера Джонса; сватовство самого мистера Блайфила было бы мне приятнее.

Вестерн между тем с нетерпением ждал, чем кончится этот разговор, и подошел наконец к двери. Услышав последние слова дочери, он потерял всякое самообладание, в бешенстве распахнул дверь и заорал:

- Это ложь! Гнусная ложь! Всему виновник этот мерзавец Джонс, и если б только она могла до него добраться, так сию минуту дала бы тягу.

Тут вмешался Олверти.

- Мистер Вестерн,- сказал он сквайру, гневно взглянув на него,- вы не сдержали своего слова. Вы обещали воздержаться от всякого насилия.

- И воздерживался, пока было можно,- отвечал Вестерн,- по слышать от девчонки такую наглую ложь - нет, слуга покорный! Уж не думает ли она, что если дурачит других, так и меня можно одурачить?.. Нет, нет, я знаю ее лучше вас.

- К сожалению, должен сказать вам, сэр, что, судя по вашему обращению с этой

девушкой, вы ее вовсе не знаете. Извините, что я так говорю, но думаю, что наша дружба, ваше собственное желание и обстоятельства дают мне на это право. Она - ваша дочь, мистер Вестерн, и, мне кажется, делает честь вашему имени. Если бы я способен был завидовать, я позавидовал бы вам больше, чем кому-нибудь другому.

- Голубчик, от всего сердца желаю, чтоб она была твоей,- как рад бы ты был тогда избавиться от хлопот с ней!

- Поверьте, дорогой друг, что вы сами причина всех хлопот, на которые вы жалуетесь. Имейте к вашей дочери доверие, которого она вполне заслуживает, и, я убежден, вы будете счастливейшим отцом на свете.

- Иметь к ней доверие? Только этого недоставало! Какое может быть доверие, когда она не желает делать, как ей велят? Пусть согласится выйти, за кого хочу, так я буду иметь к ней сколько угодно доверия.

- Вы не вправе, сосед, требовать от нее этого согласия. Ваша дочь признает за вами право запрета, а больших прав не дали вам ни бог, ни природа.

- Право запрета! Ха-ха! Я вам покажу, что это за право. Убирайся вон, ступай в свою комнату, упрямец!

- Право, мистер Вестерн, вы обращаетесь с ней жестоко... Я не могу этого видеть... Вам надо быть с ней ласковее. Она заслуживает лучшего обращения.

- Ладно, ладно, я знаю, чего она заслуживает,- сказал мистер Вестерн. Теперь, когда она ушла, я покажу вам, чего она заслуживает. Вот, взгляните, сэр,- письмо моей кузины, миледи Белластон: она меня предупреждает, что молодчик уже выпущен из тюрьмы, и советует глядеть за девчонкой в оба. Нет, черт возьми, вы не знаете, что такое иметь дело с дочерью, сосед Олверти!

И сквайр заключил речь похвалами своей дальновидности.

Тогда Олверти после надлежащего предисловия подробно сообщил ему о своем открытии относительно Джонса, о гневе на Блайфила и вообще обо всем, что было рассказано в предыдущих главах.

Люди чрезмерно бурного темперамента по большей части легко меняют свой образ мыслей. Едва только узнав о намерении мистера Олверти сделать Джонса своим наследником, Вестерн от всего сердца присоединился к дядиным похвалам племяннику и с таким же жаром выступил в пользу союза дочери с Джонсом, с каким раньше хлопотал о том, чтобы она вышла за Блайфила.

Мистер Олверти снова принужден был умерить его пыл, рассказав о своем разговоре с Софьей, чем Вестерн был крайне поражен.

Несколько минут он хранил молчание, дико выпучив глаза.

- Да что же это может значить, сосед Олверти? - проговорил он наконец.- Что она была влюблена в него, в этом я готов поклясться... Ага! Понимаю. Как бог свят, это так. Сестриных рук дело! Девчонка втюрилась в этого сукина сына - лорда. Я застал их вместе у кузины, миледи Белластон. Он вскружил ей голову, это ясно... Но будь я проклят, если я ее за него выдам!.. Ни лордам, ни придворным в семье моей не бывать!

В ответ на это Олверти произнес длинную речь, в которой снова выразил порицание всем насильственным мерам и настойчиво советовал мистеру Вестерну обращаться с дочерью ласковее, сказав, что этим способом он, наверное, добьется успеха. Потом он попрощался и вернулся к миссис Миллер, но прежде, уступая горячим просьбам сквайра, должен был дать слово привезти к нему сегодня же мистера Джонса, "чтобы тут же все с ним и порешить". Расставаясь с мистером Олверти, Вестерн, в свою очередь, обещал последовать его совету и переменить обращение с Софьей.

- Не знаю, как это у вас выходит, Олверти, только вы всегда заставляете меня делать по-вашему, а ведь мое поместье не хуже вашего и я такой же мировой судья, как и вы.

ГЛАВА X, в которой наша история начинает близиться к развязке

Вернувшись домой, Олверти узнал, что только что перед ним явился мистер Джонс. Он поспешил в пустую комнату, куда велел пригласить мистера Джонса, чтобы остаться с ним наедине.

Нельзя себе представить ничего чувствительнее и трогательнее сцены свидания дяди с племянником (ибо миссис Вотерс, как читатель догадывается, открыла Джонсу при последнем посещении тайну его рождения). Первые проявления охватившей обоих радости я описать не в силах; не буду поэтому и пытаться. Подняв Джонса, упавшего к его ногам, и заключив его в свои объятия, Олверти воскликнул:

- О дитя мое, какого порицания я заслуживаю! Как оскорбил я тебя! Чем могу я загладить мои жестокие, мои несправедливые подозрения и вознаградить причиненные ими тебе страдания?

- Разве я уже не вознагражден? - отвечал Джонс.- Разве мои страдания, будь они в десять раз больше, не возмещены теперь сторицей? Дорогой дядя, ваша доброта, ваши ласки подавляют, уничтожают, сокрушают меня. Я не в силах вынести охватившую меня радость. Быть снова с вами, быть снова в милости у моего великодушного, моего благородного благодетеля!

- Да, дитя мое, я поступил с тобой жестоко,- повторил Олверти и рассказал ему все козни Блайфила, выражая крайнее сожаление, что поддался обману и поступил с Джонсом так дурно.

- Не говорите так! - возразил Джонс.- Право, сэр, вы поступили со мной благородно. Мудрейший из людей мог бы быть обманут, подобно вам, а будучи обманутым, поступил бы со мною так же, как вы. Доброта ваша проявилась даже и в гневе - справедливом, как тогда казалось. Я всем обязан этой доброте, которой был так недостоин. Не заставляйте меня мучиться упреками совести, простирая свое великодушие слишком далеко. Увы, сэр, я был наказан не больше, чем того заслуживал, и вся моя жизнь будет отныне посвящена тому, чтобы заслужить счастье, которое вы мне даруете; поверьте, дорогой дядя, ваше наказание было наложено на меня не втуне: я был великим, хоть и не закоренелым грешником; благодарение богу, я имел, таким образом, время поразмыслить о моей прошедшей жизни, и хотя на моей совести не лежит ни одного тяжелого преступления, все же я знаю за собой довольно безрассудств и пороков, которых надо стыдиться и в которых надо раскаиваться, безрассудств, имевших для меня ужасные последствия и приведших меня на край гибели.

- Очень рад, милый мой мальчик, слышать от тебя такие разумные слова, отвечал Олверти.- Так как я убежден, что лицемерие (боже, как я был обманут им в других!) никогда не принадлежало к числу твоих недостатков, то я искренне верю всему, что ты сказал. Теперь ты видишь, Том, каким опасностям простое неблагоразумие может подвергать добродетель (а для меня теперь ясно, как высоко ты чтешь добродетель). Действительно, благоразумие есть наш долг по отношению к самим себе; и если мы настолько враги себе, что им пренебрегаем, то нечего удивляться, что свет тогда и подавно пренебрегает своими обязанностями к нам; когда человек сам закладывает основание собственной гибели, другие, боюсь я, только того и ждут, чтобы на нем строить. Ты говоришь, однако, что сознал свои ошибки и хочешь исправиться. Вполне тебе верю, друг мой, и потому с настоящей минуты никогда больше не буду о них напоминать, но сам ты о них помни, чтобы научиться тем вернее избегать их в будущем. Однако в утешение себе помни также и то, что есть большая разница между проступками, вытекающими из неблагоразумия, и теми, которые диктуются подлостью. Первые, пожалуй, даже вернее ведут человека к гибели, но если он исправится, то с течением времени может надеяться на полное перерождение; свет хотя и не сразу, но все-таки под конец с ним примирится, и он не без приятности будет размышлять о том, каких опасностей ему

удалось избежать. Но подлость, друг мой, однажды разоблаченную, невозможно заглазить ничем; оставляемые ею пятна не смоет никакое время. Негодяй навсегда будет осужден в мнении людей, в обществе он будет окружен всеобщим презрением, и если стыд заставит его искать уединения, он и там не освободится от страха, подобного тому, который преследует утомленного ребенка, боящегося домовых, когда он покидает общество и идет лечь спать один в темной комнате. Больная совесть не даст ему покоя. Сон покинет его, как ложный друг. Куда он ни обратит свои взоры, повсюду будет встречать только ужасы: оглянется назад - бесплодное сокрушение преследует его по пятам; посмотрит вперед - безнадежность и отчаяние вперяют в него взоры; как заключенный в тюрьму преступник, клянет он нынешнее свое состояние, но в то же время страшится последствий часа, который освободит его из неволи. Утешься же, друг мой, что участь твоя не такова; радуйся и благодари того, кто дал тебе увидеть твои ошибки прежде, чем они довели тебя до гибели, неминуемо постигающей всякого, кто упорствует в них. Ты от них отрешился, и теперь обстоятельства складываются так, что счастье зависит исключительно от тебя.

При этих словах Джонс испустил глубокий вздох и на замечание, сделанное по этому поводу Олверти, отвечал:

- Не хочу таиться от вас, сэр: одно следствие моего распутства, боюсь, непоправимо. Дорогой дядя, какое сокровище я потерял!

- Можешь не продолжать,- отвечал Олверти.- Скажу тебе откровенно: я знаю, о чем ты горюешь; я видел ее и говорил с ней о тебе. И вот в залог искренности всего тобой сказанного и твердости твоего решения я в одном требую от тебя безоговорочного повиновения: ты должен всецело руководиться волей Софьи, будет ли она в твою пользу или нет. Она уже довольно натерпелась от домогательств, о которых мне противно вспоминать; я не желаю, чтобы кто-нибудь из моей семьи послужил для нее причиной новых притеснений. Я знаю, отец готов теперь мучить ее ради тебя, как раньше мучил ради твоего соперника, но я решил оградить ее впредь от всех заточений, от всех неприятностей, от всякого насилия.

- Умоляю вас, дорогой дядя, дайте мне приказание, исполнить которое было бы с моей стороны заслугой. Поверьте, сэр, я мог бы послушаться только в одном: если бы вы пожелали, чтобы я сделал Софье что-нибудь неприятное. Нет, сэр, если я имел несчастье навлечь на себя ее неудовольствие без всякой надежды на прощение, то этого одного, наряду с ужасной мыслью, что я являюсь причиной ее страданий, будет достаточно, чтобы уничтожить меня. Назвать Софью моей было бы величайшим и единственным в настоящую минуту счастьем, которое небо может даровать мне в добавление к тому, что оно уже послало; но этим счастьем я желаю быть обязан только ей.

- Не хочу тебя обнадеживать, друг мой,- сказал Олверти.- Боюсь, что дела твои незавидны: никогда не приходилось мне слышать такого непреклонного тона, каким она отвергает твои искательства; отчего - ты, может быть, знаешь лучше, чем я.

- Да, сэр, знаю слишком хорошо,- отвечал Джонс. - Я настолько провинился перед ней, что не имею никакой надежды на прощение; но как я ни виноват, вина моя, к несчастью, представляется ей в десять раз чернее, чем она есть на самом деле. Ах, дядя, я вижу, что мои безрассудства непоправимы и вся ваша доброта не спасет меня от гибели!

В эту минуту слуга доложил о приезде мистера Вестерна: он с таким нетерпением желал увидеть Джонса, что не мог дожждаться назначенного часа. Джонс, глаза которого были полны слез, попросил дядю занять Вестерна несколько минут, пока сам он немного придет в себя. Олверти согласился и, приказав провести мистера Вестерна в гостиную, вышел к нему.

Миссис Миллер, узнав, что Джонс один (она еще не видела его после

освобождения из тюрьмы), тотчас же вошла к нему в комнату и в прочувствованных словах поздравила с новообретенным дядей и счастливым примирением с ним.

- Хотелось бы мне поздравить вас еще кое с чем, дорогой друг, прибавила она, - но такой неумолимой я еще не встречала.

Джонс с некоторым удивлением спросил ее, что она хочет сказать.

- Да то, что я была у мисс Вестерн и объяснила ей все, как рассказал мне мой зять Найтингейл. Насчет письма у нее не может быть больше сомнений, я в этом уверена: я сказала, что зять мой готов присягнуть, если ей угодно, что он сам все это придумал и сам продиктовал письмо. Я сказала, что причины, заставившие вас послать это письмо, говорят в вашу пользу, потому что это было сделано ради нее и служит явным доказательством вашей решимости оставить легкомысленный образ жизни; сказала, что вы ни разу ей не изменили с тех пор, как встретились с ней в Лондоне, - боюсь, я зашла тут слишком далеко, но бог меня простит: ваше будущее поведение, надеюсь, послужит мне оправданием. Словом, я сказала все, что могла, но это не привело ни к чему. Она непреклонна. Она говорит, что многое прощала вашей молодости, но выразила такое отвращение к распутству, что я принуждена была замолчать. Я всячески пыталась защищать вас, но справедливость ее обвинений слишком била в глаза. Ей-богу, она прелестна; мне редко доводилось встречать такую очаровательную и такую рассудительную девушку! Я чуть не расцеловала ее за одну ее фразу. Это суждение, достойное Сенеки или епископа; "Я вообразила себе когда-то, - сказала она, - что у мистера Джонса очень доброе сердце, и за это, признаюсь, прониклась к нему искренним уважением; однако распущенность испортит самое лучшее сердце, и все, чего может ожидать от доброй души распутник, - это несколько крупниц жалости, примешанных к презрению и отвращению". Она истинный ангел, что правда, то правда.

- Ах, миссис Миллер, - воскликнул Джонс, - могу ли я примириться с мыслью, что потерял такого ангела!

- Потеряли! Нет, - отвечала миссис Миллер, - надеюсь, вы ее еще не потеряли. Оставьте раз навсегда свои дурные привычки, и вы можете еще надеяться. Ну, а если она все-таки останется неумолимой, так есть другая молодая дама, очень милая и недурная собой, страшно богатая, которая буквально умирает от любви к вам. Я узнала это сегодня утром и сказала об этом мисс Вестерн; признаться, я и тут немножко перехватила: сказала, что вы ей отказали; но я была уверена, что откажете. Тут могу вас немного утешить: когда я назвала имя молодой дамы - это не кто иная, как вдовушка Гант, - то мне показалось, мисс Софья побледнела; а когда я прибавила, что вы ответили ей отказом, то, клянусь, щеки ее мгновенно покрылись ярким румянцем, и она проговорила: "Не буду отрицать: он, кажется, чувствует ко мне некоторую привязанность".

Тут разговор их был прерван появлением Вестерна, которого не мог дольше удержать даже сам Олверти, несмотря на всю свою власть над ним, как мы уже не раз это видели.

Вестерн подошел прямо к Джонсу и заорал:

- Здорово, Том, старый приятель! Сердечно рад тебя видеть. Забудем прошлое. У меня не могло быть намерения оскорбить тебя, потому что - вот Олверти это знает, да и сам ты знаешь - я принимал тебя за другого; а когда нет желания обидеть, так что за важность, если сгоряча сорвется необдуманное словечко? Христианин должен забывать и прощать обиды.

- Надеюсь, сэр, - отвечал Джонс, - я никогда не забуду ваших бесчисленных одолжений; а что касается обид, так я их вовсе не помню.

- Так давай же руку! Ей-ей, молодчага: такого бабьего угодника, как ты, во всей Англии не сыскать! Пойдем со мной: сию минуту сведу тебя к твоей крале.

Тут вмешался Олверти, и сквайр, будучи не в силах уговорить ни дядю, ни

племянника, принужден был после некоторого препирательства отложить свидание Джонса с Софьей до вечера. Из сострадания к Джонсу и в угоду пылкому Вестерну Олверти в конце концов согласился приехать к нему пить чай.

Дальнейший разговор их был довольно занятен, и, случись он где-нибудь раньше в нашей истории, мы бы угостили им читателя, но теперь нам приходится ограничиваться самым существенным и потому скажем лишь, что, договорившись подробно насчет вечернего визита, мистер Вестерн возвратился домой.

ГЛАВА XI Наша история подходит еще ближе к развязке

По уходе мистера Вестерна Джонс рассказал мистеру Олверти и миссис Миллер, что своим освобождением он обязан двум благородным лордам: они явились вместе с двумя хирургами и одним приятелем мистера Найтингейла к судье, посадившему его в тюрьму, и тот после клятвенного показания хирургов, что раненый вне всякой опасности, приказал отпустить Джонса.

Только одного из этих лордов, сказал Джонс, он видел раньше, да и то всего один раз, но другой очень его удивил, попросив у него извинения за обиду, которую ему нанес,- по его словам, единственно потому, что не знал, с кем имеет дело.

Объяснилось это, как Джонс узнал впоследствии, следующим образом: офицер, которому лорд Фелламар поручил, по совету леди Белластон, завербовать Джонса как бродягу в матросы, явившись к лорду с докладом об известном уже нам поединке, отозвался с большой похвалой о поведении мистера Джонса и всячески уверял лорда, что произошла какая-то ошибка, ибо этот Джонс, несомненно, джентльмен. Он говорил так убедительно, что лорд, человек весьма щепетильный в вопросах чести и ни в коем случае не желавший быть обвиненным в поступке, предосудительном в глазах света, начал сильно на себя досадовать, что последовал совету леди.

Дня через два после этого лорду Фелламару случилось обедать с ирландским пэром, и последний, когда разговор зашел о дуэли, рассказал, что за человек Фитцпатрик, но рассказал не вполне беспристрастно, особенно о том, что касалось его отношений к жене. По его словам, миссис Фитцпатрик была невиннейшей женщиной на свете, терпевшей жестокие обиды, и он за нее вступается единственно из сострадания. Он объявил далее о своем намерении отправиться завтра утром на квартиру к Фитцпатрику и постараться уговорить его развестись с женой, которая, сказал пэр, опасается за свою жизнь, если ей придется возвратиться под власть мужа. Лорд Фелламар предложил пойти с ним вместе, чтобы подробнее разузнать о Джонсе и обстоятельствах поединка, ибо он был крайне недоволен ролью, которую сыграл в этом деле. Едва только лорд намекнул о своей готовности помочь освобождению миссис Фитцпатрик, как пэр с жаром ухватился за эту мысль: он возлагал большие надежды на влияние лорда Фелламара, полагая, что оно очень поможет добиться согласия у Фитцпатрика,- и, пожалуй, был прав: по крайней мере, бедный ирландец, увидя, что два благородных пэра так хлопочут за его жену, скоро сдался, и тут же были составлены и подписаны обеими сторонами статьи разводного акта.

Фитцпатрик, получив от миссис Вотерс самые убедительные доказательства невинного поведения жены его с Джонсом в Эптоне, а может быть, и по другим причинам, проникся таким равнодушием к этому делу, что дал лорду Фелламару самый благоприятный отзыв о Джонсе, взял всю вину на себя и сказал, что противник его вел себя, как подобает джентльмену и человеку, дорожающему своей честью; а в ответ на дальнейшие расспросы лорда относительно мистера Джонса сообщил, что Джонс - племянник одного очень знатного и богатого джентльмена, как передала ему только что миссис Вотерс со слов Даулинга.

После этого лорд Фелламар счел своим долгом сделать все от него зависевшее, чтобы загладить свою вину перед джентльменом, которого так грубо оскорбил; оставив всякое помышление о соперничестве (ибо теперь он отказался от всяких

видов на Софью), лорд решил выхлопотать мистеру Джонсу свободу, тем более что нанесенная им рана, по уверению хирурга и самого Фитцпатрика, была не смертельна. Поэтому он уговорил ирландского пэра поехать с ним в место заточения Джонса, где они и побывали, как было сказано выше.

Возвратясь домой, Олверти тотчас же увел Джонса к себе в комнату и рассказал ему все, что узнал от миссис Вотерс и мистера Даулинга.

Джонс выслушал его рассказ с большим удивлением и не меньшим огорчением, но не сказал ни слова. В это время мистер Блайфил прислал спросить, может ли дядя его принять. Олверти вздрогнул и побледнел, а затем совершенно несвойственным ему раздраженным тоном приказал слуге передать Блайфилу, что он его не знает.

- Подумайте, сэр...- начал было Джонс дрожащим голосом.

- Я уже все обдумал,- прервал его Олверти,- и ты сам передашь мой ответ этому мерзавцу. Лучше всего, если он услышит приговор от человека, гибель которого он так подло замышлял.

- Простите, сэр,- сказал Джонс,- небольшое размышление, я уверен, заставит вас отказаться от этого плана. То, что было бы, может быть, справедливым в других устах,- сказанное мною будет оскорблением; и кого приказываете вы мне оскорбить? Моего брата и вашего племянника. Он не поступал со мной так жестоко,- право, с моей стороны это было бы непростительнее всех его проступков. Корыстолюбие может соблазнить и не очень дурного человека на дурное дело, но оскорбления исходят только от душ злобных и мстительных и не могут быть оправданы никакими соблазнами. Умоляю вас, сэр, ничего не предпринимайте против него сейчас, в порыве гнева! Вспомните, дорогой дядя, что даже меня вы не судили, не выслушав моих оправданий.

Олверти несколько мгновений хранил молчание, потом заключил Джонса в объятия и сказал со слезами, хлынувшими из глаз:

- Милый мальчик! И я так долго мог быть слеп к такой доброте!

В эту минуту в комнату вошла миссис Миллер; предварительно она тихонько постучалась, но ее стука не услышали. Увидев Джонса в объятиях дяди, добрая женщина вне себя от радости упала на колени и вознесла пламенные благодарения богу за случившееся, затем, подбежав к Джонсу, крепко его обняла и воскликнула:

- Дорогой друг, желаю вам тысячу и тысячу раз радоваться, вспоминая этот благословенный день!

Потом она принесла такие же поздравления мистеру Олверти, который ей отвечал:

- Да, да, миссис Миллер, я невыразимо счастлив! Последовало еще несколько выражений восторга со стороны каждого из присутствующих, а затем миссис Миллер пригласила дядю и племянника спуститься в столовую пообедать, сказав, что там уже собрался целый кружок счастливых людей, а именно: мистер Найтингейл с молодой женой и его кузина Гарриет с молодым мужем.

Олверти попросил извинения, сказав, что ему нужно поговорить с племянником о многих своих делах и потому он уже велел подать закусить у себя в комнатах, зато пообещал отужинать с Джонсом в ее обществе.

Тогда миссис Миллер спросила, как быть с Блайфилом.

- Я не могу быть спокойна, пока этот негодяй у меня в доме,- объяснила она.

Олверти отвечал, что он вполне разделяет ее чувства.

- О, если так,- сказала миссис Миллер,- так предоставьте мне самой с ним разделаться: я живо укажу ему двери, будьте спокойны. У меня найдется два-три дюжих молодца среди слуг.

- Нет, вам не придется прибегать к насилию, - сказал Олверти.- Если вы пожелаете передать ему мое поручение, он, я убежден, уйдет добровольно.

- Пожелаю ли я? - отвечала миссис Миллер.- Я в жизни своей ничего не делала с большей охотой.

Тут вмешался Джонс, сказав, что, по зрелом размышлении, он, если угодно мистеру Олверти, согласен сам передать Блайфилу его волю.

- Теперь я хорошо знаю ваше желание, сэр,- сказал он,- и прошу вас позволить мне ознакомить его с ним лично. Подумайте, пожалуйста, сэр, какие ужасные последствия может иметь для него жестокое и внезапное отчаяние. Какая неподходящая минута для смерти этого несчастного!

Это предостережение не оказало ни малейшего действия на миссис Миллер, она вышла из комнаты, воскликнув:

- Вы бесконечно добры, мистер Джонс, слишком добры, чтобы жить в этом мире! Зато оно произвело сильное впечатление на Олверти.

- Любезный друг,- сказал он,- я давно дивлюсь доброте твоего сердца и проницательности твоего ума. Сохрани бог лишить этого несчастного средств и времени раскаяться! Это было бы действительно ужасно. Пойди к нему и действуй по своему усмотрению, но не вселяй в него надежды на мое прощение: я никогда не буду снисходителен к подлости больше, чем того требует от меня религия, а она не требует ни великодушия к подлецу, ни общения с ним.

Джонс поднялся в комнату Блайфила и застал его в положении, возбуждавшем в нем жалость, хотя в других зрителях оно возбудило бы, пожалуй, другое чувство. Блайфил лежал на кровати, предавшись отчаянию, и плакал навзрыд: но то не были слезы сокрушения, смывающие с души тяжесть проступка, совершенного нами неумышленно, вопреки нашим природным склонностям, как это подчас случается, вследствие слабости человеческой, и с праведниками,- нет, то были слезы ужаса, слезы вора, которого ведут на казнь, слезы тревоги за свою участь, нередко испытываемой даже самыми закоренелыми злодеями.

Было бы неприятно и скучно изображать эту сцену во всех подробностях. Довольно будет сказать, что Джонс простер доброту свою до крайних пределов. Он пустил в ход всю свою изобретательность, чтобы ободрить и утешить упавшего духом Блайфила, прежде чем объявил ему распоряжение дяди, чтобы он сегодня же вечером оставил этот дом. Он предлагал ему денег, сколько понадобится, уверял, что искренне прощает все его козни против него, что готов впоследствии жить с ним как с братом и приложит все усилия, чтобы примирить его с дядей.

Сначала Блайфил угрюмо молчал, соображая, не следует ли ему отпереться от всего, но, увидя, что улики против него слишком сильны, решил наконец принести повинную. Плачущим голосом начал он молить брата о прощении, упав перед ним на колени и целуя ему ноги,- словом, проявил безграничную низость, равнявшуюся его прежней безграничной злобе.

При виде этого пресмыкательства Джонс не в силах был подавить невольно выразившееся на лице его презрение. Он поспешил поднять брата и посоветовал ему переносить несчастья мужественнее, повторив свое обещание сделать все возможное, чтобы облегчить их. В ответ на это Блайфил, признавая всю гнусность своего поведения, разразился целым потоком благодарностей и в заключение объявил, что немедленно переезжает на другую квартиру. Тогда Джонс покинул его и возвратился к дяде.

Разговаривая с Джонсом, Олверти сообщил ему о сделанном им открытии насчет банковых билетов на пятьсот фунтов.

- Я уже советовался с юристом,- сказал он,- и, к великому моему удивлению, узнал, что за подобную утайку не полагается никакого наказания. Право, я нахожу, что по сравнению с черной неблагодарностью этого человека к тебе разбой на большой дороге есть самое невинное дело.

- Боже мой, возможно ли это?! - воскликнул Джонс.- Меня крайне поражает это

известие. Я считал его честнейшим человеком на свете... Видно, соблазн был велик и он не мог устоять: меньшие суммы всегда доходили до меня в целости через его руки. Право, дорогой дядя, вы должны согласиться, что это скорее слабость, чем неблагодарность; я убежден, что бедняга меня любит: он оказывал мне услуги, которых я никогда не забуду; я даже думаю, что он раскаялся в своем поступке, потому что не далее как день или два тому назад, когда дела мои находились в самом плачевном состоянии, он посетил меня в тюрьме и предлагал денег, сколько мне понадобится. Подумайте, сэр, какой соблазн для человека, испытавшего самую ужасную нищету, увидеть в своем распоряжении сумму, которая способна на всю жизнь обеспечить его самого и его семью.

- Ты простираешь снисходительность слишком далеко, друг мой,- сказал Олверти.- Твое ошибочное милосердие не только слабость, но граничит с несправедливостью и весьма пагубно для общества, потому что поощряет порок. Нечестность я бы еще мог, пожалуй, ему простить, но неблагодарность никогда. И позволь тебе сказать: когда мы склоняемся проявить снисходительность к нечестному поступку, то в нашем милосердии нет ничего дурного - я сам, бывши членом большого совета присяжных, часто проникался состраданием к участи разбойников и не раз ходатайствовал за них перед судьей, если находил какие-нибудь смягчающие обстоятельства их вины; но когда нечестный поступок сопровождается худшим преступлением, например, жестокостью, убийством, неблагодарностью, то сострадание и снисходительность недопустимы. Я убежден, что этот человек негодяй, и он должен быть наказан; по крайней мере, я приложу к этому все старания.

Это было сказано таким непреклонным тоном, что Джонс счел всякие возражения неуместными; кроме того, час, назначенный для посещения ими мистера Вестерна, был уже так близок, что ему едва оставалось время одеться. Таким образом, разговор дяди с племянником на этом закончился, и Джонс удалился в другую комнату, где приказал Партриджу ожидать его с платьем.

Партридж почти не видел своего господина со времени счастливого открытия. Бедняга неспособен был ни сдержать, ни выразить свой восторг. Он вел себя как помешанный и делал ошибку за ошибкой, подавая Джонсу платье, вроде того как это делает арлекин, одеваясь перед публикой на сцене.

Память, однако, ему нисколько не изменила: он припомнил множество предзнаменований этого счастливого события, из которых иные были им отмечены тогда же, но большая часть пришла на память только сейчас; не забыл он и сна, виденного им накануне встречи с Джонсом, и в заключение сказал:

- Я всегда говорил вашей милости о моем предчувствии, что рано или поздно, а вы меня благодетельствуете.

Джонс отвечал, что предчувствие это, наверное, оправдается на Партридже, как все прочие предзнаменования оправдались на нем самом, что немало усилило восторги педагога, охватившие его по случаю радостного оборота дел Джонса.

ГЛАВА XII Все ближе к концу

Закончив свой туалет, Джонс поехал с дядей к мистеру Вестерну. Он был красавец хоть куда, и одна его внешность могла обворожить большую часть представительниц прекрасного пола; но читатель, надеемся мы, заметил в продолжение этой истории, что природа, создавая его, не ограничилась, как это нередко бывает, одним этим даром, а украсила его также и другими.

Софья, несмотря на весь свой гнев, тоже принарядилась,- почему, представляю найти причину моим читательницам,- и явилась такой писаной красавицей, что даже Олверти, увидя ее, не удержался и шепнул Вестерну, что, по его мнению, она красивейшая в мире женщина. На что Вестерн отвечал ему тоже шепотом, но таким, что его слышали все присутствующие:

- Тем лучше для Тома! Будь я неладен, если он не найдет в ней чем полакомиться.

При этих словах Софья покраснела, как маков цвет, а Том сделался блее полотна и готов был сквозь землю провалиться.

Едва только убрали со стола, как Вестерн потащил Олверти в другую комнату, сказав, что у него есть к нему важное дело, о котором он должен сейчас же поговорить с соседом наедине, чтобы не позабыть.

Влюбленные остались одни, и многим читателям покажется, без сомнения, странным, что те, которые имели сказать друг другу так много, когда раз! сваривать было опасно и трудно, и, казалось, так страстно желали броситься в объятия друг друга, когда на пути лежало столько препятствий, оставались теперь, имея полную волю говорить и делать что угодно, некоторое время безмолвны и неподвижны; настолько, что не слишком проницательный наблюдатель мог бы подумать, что они друг к другу равнодушны. Но было именно так, как ни странно это может показаться: оба сидели опустив глаза в землю и несколько минут хранили полное молчание.

Мистер Джонс раз или два сделал попытку заговорить, но это ему совершенно не удалось, и он только пробормотал или, вернее, испустил в виде вздоха несколько бессвязных слов. Наконец Софья, частью из жалости к нему, частью желая отклонить разговор от того предмета, о котором, как она ясно чувствовала, Джонс собирался заговорить, сказала:

- Это открытие, сэр, верно, сделало вас счастливейшим человеком на свете?

- Неужели вы действительно можете считать меня счастливым, сударыня, отвечал Джонс со вздохом, - в то время как я навлек на себя ваше неудовольствие?

- Что до этого, сэр, то вам лучше знать, заслужили ли вы его.

- Право, сударыня, вы тоже хорошо осведомлены о всех моих провинностях. Миссис Миллер рассказала вам всю правду. Ах, Софья, неужели нет надежды на прощение?

- Мне кажется, мистер Джонс, я могу обратиться к вашему собственному чувству справедливости и предложить вам самому произнести приговор вашему поведению.

- Увы, сударыня, я молю вас о милосердии, а не о справедливости. Справедливость, я знаю, признает меня виновным, однако не в том, что я написал леди Белластон. Насчет этого письма я торжественно объявляю: вам сказали чистую правду.

И он с жаром заговорил об уверениях мистера Найтингейла в том, что всегда найдется предлог отступить, если бы, вопреки их ожиданиям, леди согласилась принять его предложение; однако признался, что поступил очень неосторожно, дав ей в руки такое письмо, "за что,- сказал он,- я дорого поплатился, как видно по впечатлению, которое оно на вас произвело".

- Я думаю об этом письме,- отвечала Софья,- именно так, как вам желательно, и не могу думать иначе. Мое поведение, кажется, ясно вам показывает, что я не придаю ему большого значения. И все же, мистер Джонс, разве у меня нет других поводов на вас сердиться? После всего, что произошло в Эптоне, так скоро завести интригу с другой женщиной, когда я думала, как вы уверяли, что сердце ваше переполнено любовью ко мне! Какое странное поведение! Могу ли я поверить в искренность любви, о которой вы мне столько твердили? Да если бы я и поверила, что ожидает меня с человеком, способным быть настолько непостоянным?

- Ах, Софья, не сомневайтесь в искренности чистейшего чувства, какое когда-либо пылало в человеческом сердце! Подумайте, дорогая, в каком я был ужасном положении, какое овладело мной отчаяние! Если бы я мог, обожаемая Софья, льстить себя самой слабой надеждой, что мне когда-нибудь позволено будет броситься к вашим ногам, как бросаюсь я теперь, то никакая женщина в мире не в

силах была бы пробудить во мне и тени сколько-нибудь предосудительных в нравственном отношении помыслов. Быть неверным вам! О Софья, если вы можете быть настолько добры, чтобы простить прошедшее, да не остановят "вашего милосердия опасения за будущее! Никогда не было более искреннего раскаяния. О, пусть примирит оно меня с небом - небом, заключенным в вашем сердце!

- Искреннее раскаяние, мистер Джонс, дает прощение грешнику, но его прощает судия, для которого открыты все наши помыслы. А человека можно обмануть, и нет никакого верного средства избежать обмана. Вы должны поэтому ожидать, что если раскаяние ваше побудит меня простить вас, то я потребую от вас убедительного доказательства вашей искренности.

- Требуйте любого доказательства, какое только в моей власти,- с жаром сказал Джонс.

- Время, только время, мистер Джонс, может убедить меня в том, что вы действительно раскаиваетесь и твердо решили отказаться от порочных привычек, за которые я бы вас возненавидела, если бы считала, что они укоренились в вашей натуре.

- Не считайте меня таким дурным! На коленях прошу, умоляю вас оказать мне доверие, и всю свою жизнь я посвящу на то, чтобы его оправдать.

- Посвятите хотя бы часть ее. Кажется, я довольно ясно сказала, что не откажу вам в доверии, когда увижу, что вы его заслуживаете. После всего случившегося, сэр, разве могу я полагаться на одни ваши слова?

- Хорошо, не верьте моим словам,- отвечал Джонс,- я располагаю более надежной порукой - залогом моей верности,- и он рассеет все ваши сомнения.

- Каким залогом? - спросила Софья с некоторым удивлением.

- Сейчас я покажу вам его, мой прелестный ангел,- сказал Джонс, беря Софью за руку и подводя ее к зеркалу.- Вот он, взгляните на эту очаровательную фигуру, на это лицо, на этот стан, на эти глаза, в которых светится ум. Может ли обладатель этих сокровищ быть им неверным? Нет, это невозможно, милая Софья; они навеки приковали бы самого Дориманта, самого лорда Рочестера. Вы бы в этом не сомневались, если бы могли смотреть на себя чужими глазами.

Софья покраснела и не могла удержаться от улыбки, но потом опять нахмурила брови и сказала:

- Если судить о будущем по прошедшему, то образ мой так же исчезнет из вашего сердца, когда я скроюсь с ваших глаз, как исчезает он в этом зеркале, когда я ухожу из комнаты.

- Клянусь небом, клянусь всем святым, он никогда не исчезнет из моего сердца! Ваша женская деликатность не может понять мужской грубости и того, как мало участвует сердце в известного рода любви.

- Я никогда не выйду замуж за человека,- сказала Софья очень серьезно,- который не научится быть настолько деликатным, чтобы перестать чувствовать это различие.

- Я научусь,- отвечал Джонс, - я уже научился. То мгновение, когда у меня появилась надежда, что Софья может стать моей женой, сразу этому научило; и с этого мгновения ни одна женщина, кроме вас, не способна возбудить во мне ни грубого желания, ни сердечного чувства.

- Справедливость этих слов покажет время. Ваше положение, мистер Джонс, теперь изменилось, и, могу вас уверить, я этому очень рада. Теперь у вас будет довольно случаев встречаться со мной и доказать мне, что и ваш образ мыслей тоже изменился.

- Вы ангел! -- воскликнул Джонс.- Как мне отблагодарить вас за вашу доброту? И вы говорите, что вас радует благополучная перемена в моей жизни... Поверьте же, сударыня, поверьте, что вы одна дали цену этому благополучию, поскольку я ему

обязан надеждой... Ах, Софья, не откладывайте ее осуществления! Я буду беспрекословно вам повиноваться. Не смею ничего вынуждать у вас больше, чем вы позволяете, но, умоляю вас, сократите срок испытания. Скажите, когда могу я ожидать, что вы убедитесь в истине того, что, клянусь вам, есть святая истина?

- Согласившись пойти так далеко, я прошу вас, мистер Джонс, не вынуждать у меня никаких обещаний. Убедительно прошу.

- Ради бога, не смотрите на меня так сердито, дорогая Софья! Я ничего у вас не вынуждаю, не смею вынуждать. Позвольте мне только еще раз просить вас назначить срок. Будьте милосердны: любовь так нетерпелива.

- Ну, может быть... год.

- Боже мой, Софья, вы назвали целую вечность!

- Может быть, немного раньше,- отстаньте от меня. Если ваша любовь ко мне такая, как я желаю, то, мне кажется, вы должны быть теперь довольны.

- Доволен! Не называйте моего ликующего счастья этим холодным словом... О, сладкая надежда! Быть уверенным, что придет благословенный день, когда я назову вас моей, когда все страхи исчезнут, когда я буду иметь высокую, несказанную, безмерную, упоительную отраду заботиться о счастье моей Софьи!

- Наступление этого дня зависит от вас, сэр.

- Ангел мой, божество мое! Слова эти сводят меня с ума от радости... Я должен, я не могу не поблагодарить милые уста, даровавшие мне блаженство.

И он заключил Софью в объятия и стал целовать так пылко, как никогда раньше не осмеливался.

В эту минуту Вестерн, подслушивавший некоторое время у дверей, ворвался в комнату и закричал на охотничий лад:

- Ату ее, малый, ату, ату! Вот так, вот так, горько! Ну что, покончили? Назначила она день? Когда же - завтра или послезавтра? Не вздумайте откладывать и на минуту дольше - я уже решил.

- Позвольте вас просить, сэр,- сказал Джонс,- не заставляйте меня быть поводом...

- Ступай ты со своими просьбами... Я думал, в тебе больше огня и ты не поддашься на девичьи штучки... Все это вздор, поверь мне. Фигли-мигли! Она готова под ненец хоть сейчас. Разве не правда, Софи? Ну признайся же, скажи хоть раз в жизни правду! Что ж ты молчишь? Почему не отвечаешь?

- Зачем же мне признаваться, сэр,- отвечала Софья,- если вы так хорошо знаете мои мысли?

- Дельно сказано! Так ты согласна?

- Нет, сэр, я своего согласия не давала.

- Так ты не хочешь за него ни завтра, ни послезавтра?

- Нет, сэр, у меня нет такого желания.

- И я скажу тебе почему: потому что тебе нравится быть непослушной, мучить и раздражать твоего отца.

- Пожалуйста, сэр...- вмешался Джонс.

- Да и ты тоже - щенок, не больше того! - остановил его Вестерн. Когда я ей запрещал, так только и было, что вздохи, да слезы, да тоска, да письма. Теперь я за тебя, а она - прочь. Лишь бы наперекор. Она, видишь ли, выше того, чтобы подчиняться приказаниям отца и слушаться его советов, все дело в этом. Ей бы только досаждать и перечить отцу.

- Чего же папеньке от меня угодно? - спросила Софья.

- Чего мне от тебя надо? Дай ему руку сию минуту!

- Извольте, сэр, я вам повинуюсь. Вот моя рука, мистер Джонс.

- И ты согласна идти под венец завтра утром?

- Я готова вам повиноваться, сэр,- отвечала Софья.

- Ну, так завтра же утром сыграем свадьбу! - воскликнул Вестерн.

- Хорошо, папенька, я согласна, если такова ваша воля. Тут Джонс упал на колени и принялся в иступлении покрывать поцелуями руки Софьи, а Вестерн заплясал и запрыгал по комнате, восклицая:

- Да куда же провалился Олверти? Все возится с этим крючкомвором Даулингом, когда тут есть дело поважнее!

И он побежал отыскивать Олверти, очень кстати оставив влюбленных на несколько минут наедине.

Скоро, однако, он возвратился с Олверти, приговаривая"

- Если не верите мне, спросите у нее самой. Ведь ты согласилась, Софья, завтра же обвенчаться?

- Таково ваше приказание, сэр,- отвечала Софья,- и я не смею вас ослушаться.

- Надеюсь, сударыня,- сказал Олверти,- племянник мой будет достоин вашей доброты и сумеет, подобно мне, оценить великую честь, которую вы оказываете моей семье. Союз с такой очаровательной и прекрасной девушкой сделал бы честь самым знатым людям Англии.

- Да,- подхватил Вестерн,- а позволь я ей мяться да колебаться, так долго бы еще не видать вам этой чести! Я принужден был прибегнуть к отцовской власти.

- Надеюсь, сэр, здесь нет никакого принуждения? - спросил Олверти.

- Что же, если вам угодно, велите ей взять слово назад. Ты очень раскаиваешься, что дала его, или нет? Скажи, Софья.

- Нет, не раскаиваюсь, папенька,- отвечала Софья,- и думаю, что никогда не раскаюсь ни в одном обещании, которое я дала ради мистера Джонса.

- В таком случае, племянник, поздравляю тебя от всей души,- сказал Олверти.-Ты счастливейший из смертных. Позвольте поздравить и вас, сударыня, по случаю этого радостного события: я уверен, что вы отдали свою руку человеку, который оценит .ваши достоинства и приложит все старания, чтобы заслужить вашу любовь.

- Приложит старания! Да, он постарается, за это я поручусь! воскликнул Вестерн.- Слушай, Олверти: держу пять фунтов против кроны, что ровно через девять месяцев с завтрашнего дня мы будем иметь внука. Однако скажи, чего велеть подать: бургундского, шампанского или чего другого? Чего-нибудь надо, потому что, клянусь Юпитером, мы сегодня же отпразднуем помолвку.

- Извините, сэр,- отвечал Олверти,- я с племянником уже дал слово, не подозревая, что дело придет к развязке так скоро.

- Дал слово! - воскликнул сквайр.- Как бы не так! Я ни за что на свете не отпущу тебя сегодня. Ты у меня поужинаешь,- знать ничего не хочу.

- Нет, извините, дорогой сосед: я дал слово, а вы знаете, что я всегда держу свое слово.

- Да кому же ты обещал? - спросил сквайр, и когда Олверти ответил, к кому он идет и с кем будет, он воскликнул:

- Черт возьми! Так и я поеду с тобой и Софья поедет! Сегодня я с тобой не расстанусь, а разлучать Тома с невестой было бы жестоко.

Это предложение было тотчас же принято Олверти. Софья тоже согласилась, взяв сначала с отца обещание ни слова не говорить о ее помолвке.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ, в которой наша история, заканчивается

Найтингейл-младший, как было условлено, явился в этот день к отцу и был принят гораздо ласковее, чем ожидал. У него застал он и дядю, возвратившегося в Лондон отыскивать свою только что обвенчавшуюся дочь.

Брак этот случился как нельзя более на руку молодому человеку. Дело в том, что братья - его отец и дядя - вели между собой непрерывные споры по поводу воспитания своих детей, и каждый от всей души презирал метод другого. Теперь оба

они старались по мере сил обелить проступок собственных детей и очернить брак племянников. Желание одержать победу над братом и многочисленные доводы Олверти так сильно подействовали на старика, что он встретил сына с улыбкой и даже согласился поужинать с ним сегодня у миссис Миллер.

Что касается другого брата, души не чаявшего в своей дочери, то его нетрудно было уговорить примириться с нею. Узнав от племянника, где живет дочь с мужем, он объявил, что сию минуту к ней едет. Дочь пала перед ним на колени, но он тотчас ее поднял и обнял с нежностью, тронувшей всех, кто это видел; не прошло и четверти часа, как он уже настолько примирился и с дочерью, и с ее мужем, как будто сам соединил их руки.

В таком положении были дела, когда мистер Олверти со спутниками приехал к миссис Миллер - для полноты ее счастья. Увидев Софью, она тотчас обо всем догадалась; и дружеские чувства к Джонсу были в ней так сильны, что это обстоятельство прибавило немало жару к ее восторгам по случаю счастья собственной дочери.

Редко, я думаю, можно увидеть группу людей, в которой каждый был бы так счастлив, как в кружке, собравшемся у миссис Миллер. Меньше других радовался отец молодого Найтингейла, ибо, несмотря на любовь к сыну, несмотря на влияние и на доводы Олверти и другие упомянутые выше мотивы, он не совсем был доволен выбором сына; этому, может быть, содействовало присутствие Софьи, то и дело внушая ему мысль, что сын его мог бы жениться на ней или на другой такой же девушке. Но огорчился он не тем, что красота и ум Софьи достаются другому, - нет: предметом его сокрушений было содержимое сундуков ее отца. Он не мог примириться с мыслью, что сын его пожертвовал такой соблазнительной вещью ради дочери миссис Миллер.

Обе новобрачные были очень хороши собой, но красота их до такой степени затмевалась красотой Софьи, что, не будь они добрейшие девушки в мире, в сердцах их пробудилась бы зависть, ибо мужья обеих почти не в силах были отвести глаза от Софьи, которая сидела за столом подобно королеве, принимающей почести, или, лучше сказать, подобно высшему существу, принимающему поклонение всех окружающих. Но поклонялись они добровольно, она этого от них не требовала: скромность и приветливость украшали ее не меньше, чем прочие совершенства.

Вечер прошел в самом неподдельном веселье. Все были счастливы, но всех больше те, которые ранее были наиболее несчастны. Прошедшие горести и страхи придавали особенный вкус их радости, которого не могли бы дать даже самая пылкая любовь и несметное богатство без этого контраста. Но так как великая радость, особенно после внезапной и крутой перемены обстоятельств, бывает обыкновенно безмолвна и сосредоточивается скорее в сердце, чем на языке, то Джонс и Софья казались наименее веселыми во всей компании. Это очень раздражало Вестерна, то и дело приговаривавшего:

- Что ж ты молчишь, дружок? Что смотришь так мрачно? А ты почему язык проглотила, дочка? Выпей еще рюмочку, ну-ка выпей!

И чтобы оживить ее, он затягивал веселую песню, имевшую некоторое отношение к бракосочетанию и потере девственности. Он зашел бы в этом отношении так далеко, что заставил бы Софью выйти из комнаты, если бы мистер Олверти не останавливал его то взглядом, то замечанием:

- Фи, стыдитесь, мистер Вестерн!

Сквайр попробовал было затеять спор и отстоять свое право говорить дочери все, что он считает нужным, но так как никто его не поддержал, то он скоро остепенился.

Несмотря на это маленькое стеснение, он остался так доволен веселым обществом, что пригласил всех на завтра к себе. Приглашение было принято, и все

приехали; и любезная Софья, тоже сделавшаяся тем временем втихомолку молодой женой, распоряжалась в качестве хозяйки - иными словами, угощала гостей за столом. Утром она отдала свою руку Джонсу в домовая церковь "Докторской коллегии" в присутствии только мистера Олверти, мистера Вестерна и миссис Миллер.

Софья горячо просила отца не говорить о ее свадьбе никому из гостей, приглашенных им к обеду. Миссис Миллер и Олверти, по просьбе Джонса, тоже обещали молчать. Это несколько примирило Софью со званым обедом, на котором ей пришлось присутствовать в угоду отцу, хотя это было ей вовсе не по душе. Положившись на обещания, она чувствовала себя весь день довольно хорошо, пока наконец сквайр, перейдя ко второй бутылке, не мог дольше сдерживать свою радость и, наполнив бокал, выпил за здоровье новобрачной. Тост был горячо поддержан всеми приглашенными, к великому смущению покрасневшей Софьи и великому огорчению Джонса за свою жену. Сказать правду, открытие это никого не поразило; миссис Миллер успела уже шепнуть о нем дочери, дочь мужу, муж своей сестре, а сестра всем прочим.

Софья воспользовалась первым удобным случаем, чтобы удалиться из комнаты с дамами, а сквайр остался со своими бутылками, мало-помалу покинутый всеми, за исключением дяди молодого Найтингейла, любившего хмельное не меньше Вестерна. Они отважно просидели вдвоем весь вечер, далеко за тот счастливый час, который отдал прелестную Софью в пылкие объятия восхищенного Джонса.

Таким образом, читатель, мы довели наконец нашу историю до развязки, в которой, к нашему великому удовольствию, хотя, может быть, и против твоего ожидания, мистер Джонс является счастливейшим из смертных,- ибо, признаюсь откровенно, я не знаю, какое счастье на этом свете может сравниться с обладанием женщиной, подобной Софье.

Что касается других лиц, игравших сколько-нибудь значительную роль в этой истории, то мы постараемся в нескольких словах удовлетворить любопытство тех, кто пожелал бы узнать больше о их судьбе.

Олверти до сих пор не желает ничего слышать о свидании с Блайфилом, но по неотступным просьбам Джонса, поддержанным Софьей, согласился назначить ему двести фунтов в год, к которым Джонс прибавил тайно от себя третью сотню. На эти средства Блайфилл живет в одном из северных графств, милях в двухстах от Лондона, откладывая каждый год по двести фунтов, с целью купить себе на ближайших выборах в парламент место депутата от соседнего местечка, о чем он уже торгуется с одним тамошним стряпчим. Недавно он сделался также методистом, рассчитывая жениться на одной очень богатой вдове, сектантке этого толка, поместье которой находится в той части королевства.

Сквейр умер вскоре после отправления вышеупомянутого письма; а что касается Твакома, то он продолжает быть священником в своем приходе. Он делал много бесплодных попыток вернуть доверие Олверти и вкрась в милость Джонса, лгя им обоим в глаза д понося их за спиной, но на его место мистер Олверти недавно взял к себе в дом мистера Абраама Адамса, которого Софья чрезвычайно полюбила и которому намерена поручить воспитание своих детей.

Миссис Фитцпатрик развелась со своим мужем и сохранила кое-какие остатки своего состояния. Она ведет широкий образ жизни в аристократической части Лондона и обнаружила большие экономические способности: проживает втрое больше своих доходов, не входя в долги. Она поддерживает самые короткие отношения с женой ирландского пэра и оплачивает ей дружескими услугами за все одолжения ее мужа.

Миссис Вестерн скоро помирилась с Софьей и провела у нее в деревне два месяца. Леди Белластон сделала Софье визит по возвращении ее в Лондон, причем обращалась с Джонсом как с незнакомым и очень учтиво поздравила его с

женитьбой.

Мистер Найтингейл купил своему сыну поместье по соседству с землями Джонса, где молодой человек и поселился с женой, миссис Миллер и ее младшей дочерью, поддерживая дружеские отношения с семьей Джонса.

Что касается героев второстепенных, то миссис Вотерс возвратилась в деревню, получает от Олверти пенсию в шестьдесят фунтов и вышла замуж за священника Сапла, которому Вестерн предоставил, по просьбе Софьи, богатый приход.

Черный Джордж, прослышав о сделанном открытии, бежал и с тех пор не подает о себе никаких вестей. Присвоенные им деньги Джонс разделил между его женой и детьми, но не поровну; Молли получила больше всех.

Что касается Партриджа, то Джонс назначил ему пятьдесят фунтов в год; он снова открыл школу, встретив на этот раз гораздо больше сочувствия своему делу, чем прежде, и сейчас идут переговоры о бракосочетании его с миссис Молли Сигрим; благодаря посредничеству Софьи они, вероятно, закончатся успехом.

Возвратимся теперь к мистеру Джонсу и Софье, чтобы попрощаться с ними. Через два дня после свадьбы они уехали с мистером Вестерном и мистером Олверти в деревню. Вестерн уступил свое родовое имение и большую часть своих земель зятю, а сам переселился в другую часть графства, где охота лучше. Он часто приезжает в гости к мистеру Джонсу, который, как и его жена, находит великое удовольствие в том, чтобы всячески ему угождать. Это им удастся блестяще; по крайней мере, старик утверждает, что никогда еще не был так счастлив, как теперь. В доме Джонса для него отведены особая гостиная и приемная, где он напивается, с кем ему угодно, а дочь его по-прежнему готова ему играть, когда он ни попросит: Джонс ее уверил, что после угождения ей для него нет большего удовольствия, как видеть счастливым старого сквайра; поэтому готовность Софьи угождать отцу дорога Джонсу почти так же, как и ее любовь к нему самому.

Софья уже подарила ему двух прелестных малюток, мальчика и девочку; старый сквайр настолько от них без ума, что по целым дням просиживает в детской, объявляя, что лепет маленькой внучки, которой скоро будет два года, для него слаще лая лучшей своры в Англии.

Олверти тоже щедро одарил Джонса после свадьбы и не упускает случая засвидетельствовать любовь к нему и к его жене, которая любит его, как отца. Порочные наклонности Джонса исчезли благодаря постоянному общению с этим достойным человеком и союзу с прекрасной и добродетельной Софьей. Размышляя о прежних своих, безрассудствах, герой наш проникся скромностью и благоразумием, какие редко встречаются в человеке со столь живым темпераментом.

Словом, как нельзя сыскать людей достойнее этой любящей пары, так нельзя вообразить никого счастливее их. Они исполнены чистой и нежной любви друг к другу, которая растет и крепнет с каждым днем, поддерживаемая взаимной нежностью и взаимным уважением. Так же любезны и внимательны они к своим родным и друзьям, а их снисходительность, приветливость и щедрость по отношению к низшим таковы, что нет ни одного соседнего фермера, ни одного слуги, который горячо не благословлял бы день, когда мистер Джонс женился на своей Софье.

ПРИМЕЧАНИЯ

"История Тома Джонса, найденыша" вышла в свет в Лондоне в начале 1749 года и в дальнейшем переиздавалась по первоначальному тексту. Фильдинг не успел исправить вкравшиеся в его работу ошибки (они отмечены в комментариях Франковского), поскольку роман появился всего за пять лет до смерти автора, к тому же сразу после выхода романа Фильдинг получил крупную судебскую должность, отнимавшую много времени; он с большим трудом осуществлял другие свои литературные планы, да и здоровье его к этому времени было уже подорвано.

На русский язык роман Фильдинга был впервые переведен в 1770 году

Евсигнеем Харламовым, однако не с оригинала, а с французского перевода Делапласа. Перевод Харламова вышел в Петербурге в четырех томах. В 1787 году он был переиздан в Москве.

С оригинала "Тома Джонса" впервые перевел известный русский литератор А. Кронеберг. Его перевод был напечатан в V-XII книгах "Современника" за 1848 год, а год спустя опубликован в Петербурге отдельным изданием в двух томах.

Большим событием было появление в 1935 году (издательство "Academia", два тома) перевода А. Франковского, воспроизводимого в настоящем издании. А. Франковский принадлежит к числу классиков советской переводческой школы, а "История Тома Джонса" - самая значительная его работа. Сосредоточив свои усилия на переводе английских писателей XVIII века, А. Франковский был большим знатоком этой эпохи, и комментарии, которыми он снабдил свой перевод, также представляют собой значительную ценность. Для переводческой манеры А. Франковского характерна редкостная верность тексту и замечательная способность передавать стиль автора и дух эпохи при умении выразить все это современными средствами, избежать излишней усложненности и нарочитости.

Перевод А. Франковского переиздавался в 1954 и 1955 годах в Гослитиздате и в 1960 году в издательстве "Известия".

Ю. Кагарлицкий

Эпиграф на титульном листе: "Mores hominum multorum vidit" ("Видел нравы многих людей") заимствован Фильдингом из "Поэтического искусства" Горация (ст. 141-142); в этих стихах Гораций дал вольный перевод вступительных стихов "Одиссеи" Гомера.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Стр. 25. Литтлтон Джордж (1703-1773) - школьный товарищ Фильдинга по Итонскому колледжу, происходил из богатой и влиятельной аристократической семьи, виг. Был одним из лидеров так называемой "сельской партии" (существовала с 1731 по 1842 г.) - объединения вигов и тори, выступавших против премьер-министра Роберта Вальполя. Литтлтон покровительствовал литературе, сам писал стихи и исторические сочинения; материально помогал Фильдингу.

Стр. 26. ...два лица, послужившие мне образцом...- Джордж Литтлтон и Ральф Аллен. Ральф Аллен (1694-1764), которому Фильдинг посвятил свой последний роман "Амелия", был, согласно признанию самого Фильдинга, редким исключением в среде представителей английской крупной буржуазии XVIII века. Сын содержателя гостиницы в провинциальном городке, Аллен начал свою карьеру с должности мелкого почтового служащего в Бате и кончил жизнь миллионером. Наряду с Литтлтоном Аллен послужил прототипом для сквайра Олверти. После смерти Фильдинга Аллен оказывал материальную помощь семье писателя.

Герцог Бедфордский (Джон Рессел, 1710-1771) - влиятельный член той же группы, к которой принадлежал Литтлтон. Вероятно, не без его содействия Фильдинг в 1748 году был назначен мировым судьей; позднее писатель жил в его доме на Боу-стрит.

...великий поэт...- Александр Поп (1688-1744), один из наиболее выдающихся представителей просветительского классицизма в английской литературе. Приведенный ниже стих заимствован из его "Эпилога к сатирам Горация" (ст. 135).

КНИГА ПЕРВАЯ

Стр. 31. Олдермен - член городского управления, рангом ниже мэра. Стр. 32. Остро сказать...- Цитата взята из стихотворного трактата Попа об искусстве поэзии, озаглавленного "Essay on Criticism" (ст. 297-298). Гелиогабал - римский император (род. в 204 г., убит в 222 г. н. э.), был известен своим распутством. Вся первая глава книги представляет переработку письма, напечатанного 3 декабря 1745 года в газете "Истинный патриот", которая издавалась Фильдингом. Указанное письмо подписано

псевдонимом "Гелиогабал" и, очевидно, принадлежит перу самого Фильдинга. Благодаря этому письму можно установить начало работы Фильдинга над "Томом Джонсом".

Стр. 36. ...на задке телеги! - Со времен средневековья и до конца XVIII века приговоренных к наказанию преступников привязывали к задку телеги и секли всю дорогу, пока телега объезжала вокруг городской стены.

Стр. 48. Фисба.- Вавилонское сказание о несчастной любви Пирама и Фисбы увековечено в 1 веке н. э. римским поэтом Овидием в четвертой книге "Метаморфоз". Скрывая свои встречи от родителей, влюбленные устраивали свидания, переговариваясь сквозь щель в стене, которая разделяла их дома. Эту сцену Шекспир ввел в свою комедию "Сон в летнюю ночь" (действие V, сцена 1), откуда и взято упомянутое восклицание.

Стр. 49. Тизифона - одна из трех эриний, или, в римской мифологии, фурий, богинь подземного царства (Тартара), мстительниц за преступления (г р е ч. ми ф.).

Стр. 55. Методизм.- Методисты - религиозная секта, образовавшаяся в Англии в 30-х годах XVIII века. Она была основана группой студентов-богословов Оксфордского университета во главе с братьями Весли (особенное значение имеет организаторская деятельность старшего брата, Джона, 1703-1791) и Джорджем Витфильдом (1714-1770). Методизм ставил себе целью строгое соблюдение внешнего благочестия, регламентацию частной жизни (отсюда и его название), а также проповедовал воздержание и умеренность, осуждая праздность, роскошь и разврат. Фильдинг отрицательно относился к методизму (ср. его выпад против Витфильда - кн. VIII, гл. 8), порицая в нем главным образом лицемерие и ханжество. Награждая капитана Блайфила этими качествами, он не забыл наделить его пристрастием к методизму.

Стр. 57. Хогарт (1697-1764) - английский художник, друг Фильдинга, известный главным образом своими сатирическими и нравоучительными гравюрами; упоминаемая здесь гравюра "Утро" входит в цикл Хогарта "Времена дня".

Аэндорская волшебница.- В Библии (Первая книга Царств, гл. 28) содержится рассказ о том, что Аэндорская волшебница, по просьбе Саула, вызвала накануне битвы с филистимлянами призрак умершего пророка Самуила, и тот предсказал Саулу поражение и смерть.

Стр. 58. *Nolo episcopari...* (не желаю быть епископом) - формула, которой католические священники обязаны троекратно отвечать на предложение церковных властей возвести их в епископский сан; только выполнив этот обряд, они могут согласиться на повышение.

КНИГА ВТОРАЯ

Стр. 67. *Ad confligendum...*- Лукреций, "О природе вещей" (III, 833-837), перевод Ф. А. Петровского.

Стр. 68. Гильдхолл - лондонская ратуша. Стр. 71. Учебные заведения в Итоне и Вестминстере - старинные английские аристократические школы; основаны в XV и XVI веках. В первой из них учился Фильдинг.

Стр. 71. "Путь прелестницы" - серия гравюр Хогарта.

Стр. 73. ...ревностью жать...- цитата из "Отелло" Шекспира (действие III, сцена 3).

...leve fit...- Овидий, "Любовные элегии" (I, 2, 10).

Стр. 74, Джон Фр...- Джон Фрик (1688-1756), известный лондонский хирург, занимавшийся психологией и физикой.

Стр. 88. Годли Бенджамин (1676-1761) - выдающийся английский богослов-полюист, рационалист.

Стр. 92. *Ga secunda marmora...*- Гораций, "Оды" (II, 18, 17-19).

КНИГА ТРЕТЬЯ

Стр. 102. Индийские банианы - индийские купцы-брамины, торговавшие главным образом за пределами Индии. Фильдинг намекает здесь на веру браминов (не только банианов) в переселение душ, следствием которой является их бережное отношение к животным и воздержание от мясной пищи. Европейцам, торговавшим с Индией, прежде всего приходилось сталкиваться с банианами, и это слово долгое время было синонимом брамина.

Fruges consumers...- Гораций, "Послания" (I, 2, 27).

Стр. 106. Коук Эдуард (1552-1634) - основатель современного английского гражданского права, автор "Уставов" ("Institutiones") в четырех томах, первый том которых является комментарием к упомянутому трактату Литтлтона.

Литтлтон Эдуард (1589-1645) - английский юрист, написавший на так называемом юридическом французском языке трактат "О владении", который и до сих пор служит основой английского законодательства о собственности.

Стр. 122. Проповеди Тиллотсона,- Тиллотсон Джон (1630-1694) -- проповедник-рационалист.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Стр. 129. ...по мнению нашего знаменитого поэта...- Имеется в виду Сэмюэль Батлер (1612-1680) - автор поэмы "Гудибрас", в которой он осмеивает революционных буржуа-пуритан.

"Герлотрамбо" - нелепая по своему содержанию пьеса танцмейстера и актера Сэмюэля Джонсона (1691-1773). Одна из первых комедий Фильднша, "Авторский фарс" (1730), являлась пародией на эту пьесу.

Стр. 130. ...слепой мистера Локла...- Рассуждая о том, что простая идея (то есть ощущение) не поддаются определению, Джон Локк (1632-1704), один из основоположников английского эмпиризма, приводит в качестве примера слепого человека, вообразившего, будто он понял, что такое пунцовый цвет, и на вопрос, как же он его себе представляет, отвечал: "Он похож на звук трубы" ("Опыт о человеческом разуме", кн. 3, гл. 4, 11).

Стр. 132. Гендель Георг Фридрих (1685-1759) - немецкий композитор, саксонец, живший в Лондоне с 1713 года. Фильдинг не раз упоминает его в качестве непререкаемого авторитета в вопросах музыки.

Гемптон-Корт - дворец в окрестностях Лондона, служивший резиденцией английских королей, в частности, Карла II Стюарта (1630-1685). В Гемптон-Корте он устроил, между прочим, гарем, славившийся упоминаемыми здесь красавицами, образовавшими так называемый "Млечный Путь".

Леди. Черчилль (1648-1730) - сестра знаменитого полководца Джона Черчилля, известного в истории под именем герцога Мальборо. Арабелла Черчилль была долгое время любовницей Карла II Стюарта и входила в число красавиц "Млечного Пути".

Кит-Кэт - литературный клуб вигов, существовавший в Лондоне с 1700 по 1720 год; его члены собирались одно время в кондитерской Кристофера Кэта (сокращенно Кит-Кэт).

Рочестер Джон Вильмот (1648-1680) - сатирический и лирический поэт, придворный Карла II, отличавшийся остроумием и распутством.

Леди Рамла - дочь ирландского лорда, графа Ричарда Ранела; герцогиня Мазарини Гортензия (1646-1699) - племянница кардинала Маза-рини, первого министра Франции; разойдясь с мужем, жила в Англии при дворе Карла II. Обе принадлежали к "Млечному Пути".

...на. ту, чей образ ..- намек на Шарлотту Крейдок, первую жену Фильдинга.

Стр. 133. Саклинг Джои (1609-1642) - лирический поэт и драматург, подражатель Донна.

Рот ал...- перевод Вс. Рождественского.

Донн Джон (1573-1631) - английский поэт; возглавлял школу так называемых "метафизических поэтов", в творчестве которых наиболее полно сказался кризис гуманистических идей эпохи Возрождения. Стихи Донна, и в особенности его последователей, трудны для понимания, форма их чрезвычайно усложнена. Цитата взята из стихотворения, озаглавленного "Anniversary" ("Годовщина"); перевод Вс. Рождественского.

Nitor splendens...- несколько измененные Фильдингом стихи Горация:

Urit me Glycaerae nitor

Splendentis pario mannore purius,

то есть: "Жжет меня блеск Глицеры, сверкающей чище паросского мрамора" ("Оды", I, 19, 5-6).

Стр. 136. Брут Старший Люций Юний - легендарный герой римской истории; согласно Титу Ливию, возглавлял восстание против Тарквиния Гордого и являлся одним из создателей Римской республики. Когда сыновья Брута приняли участие в заговоре с целью восстановить царскую власть, отец без колебания приговорил их к смертной казни.

Стр. 137. Брут Младший Марк Юний (86-42 гг. до н. э.) - племянник Катона, убийца Цезаря, сторонник республики и борец против тирании.

Стр. 139. Parua lews...- Овидий, "Искусство любви" (I, 159).

Стр. 144. Пресловутый сундучник.- Здесь Фильдинг намекает на статью Аддисона в "Зрителе" (№ 235, 1711 г.), в которой дано ироническое описание театрального клакера, называвшегося в те времена "сундучником с верхней галереи": удары по скамье, производимые клакером в знак одобрения, напоминали стук, доносившийся из мастерской сундучника.

Лорд верховный канцлер - верховный судья и спикер (председатель) палаты лордов.

Стр. 145. Конгрив Уильям (1670-1729) - крупнейший английский драматург эпохи Реставрации. Фильдинг признавал Конгрива как большого мастера языка и комедийной интриги

Стр. 148. Конклав - собрание кардиналов для избрания папы.

Стр. 149. Гудибрас - рыцарь, герой одноименной поэмы английского поэта Батлера (см. прим. к стр. 129).

Трулла - мужеподобная воительница, персонаж из той же поэмы.

Стр. 155. Мистер Фрик - лондонский хирург, на которого Фильдинг уже однажды ссылался (см. прим. к стр. 74). Фрик, между прочим, занимался изучением электричества и в 1748 году (то есть за год до появления "Тома Джонса") выпустил сочинение под заглавием: "Опыт объяснения причины электричества". Именно эту книгу и имеет в виду Фильдинг, упоминая здесь о ее новом издании.

Стр. 156. Rara avis...- Ювенал, "Сатиры" (VI, 165).

Стр. 157. Ingenui vultus...- Ювенал, "Сатиры" (XI, 154).

Стр. 161. ...обозначить... коротким, словечком.- Подразумевается слово "lie" - ложь.

Стр. 162. Стиль Ричард (1672-1729) - английский публицист, критик и драматург, редактор известных нравоучительных журналов "Болтун" и (совместно с Аддисоном) "Зритель"; является одним из основоположников буржуазной журналистики в Европе.

Стр. 167. Осборн Франсис (1593-1659) - английский публицист, в молодости служил конюхом у графа Пемброка. Цитата заимствована из популярного сочинения Осборна "Совет сыну" (1656).

"Скромность и храбрость..." - Цитата заимствована из третьей книги "Политики" Аристотеля, в которой автор рассуждает о гражданских и личных добродетелях.

Бейль Пьер (1647-1706) - французский писатель-скептик, предшественник идеологов революционной французской буржуазии, автор знаменитого

"Исторического и критического словаря", который имеет здесь в виду Фильдинг.

Стр. 169. "...сидел, как статуя..."-Из "Двенадцатой ночи" Шекспира (действие II, сцена 4), реплика Виолы.

КНИГА ПЯТАЯ

Стр. 175. Древний критик.- Имеется в виду Аристотель и его "Поэтика".

Стр. 177. *Inventas qui vitam...*- Вергилий, "Энеида" (VI, 661).

Стр. 178. *Indignor, quandoque...*- Гораций, "Искусство поэзии" (359-360).

Олдмиксон Джон (1673-1742) - бездарный английский историк, осмеянный А. Попом в "Дунсиаде", откуда и взята цитата.

Писатель-шутник. - Имеется в виду Ричард Стиль (см. прим. к стр.162).

Стр. 180. "Тускуланские исследования" (*Tusculanae quaestiones*) морально-философский трактат виднейшего римского оратора I века до н. э. Цицерона, в пяти частях или книгах. Тема второй книги: является ли боль злом?

Лорд Шефтсбери (1671-1713) - английский философ, родоначальник одного из двух ведущих направлений так называемой "этической философии" XVIII века, основным тезисом которого было: "Все к лучшему в этом лучшем из миров". Шефтсбери много писал по вопросам эстетики.

Стр. 187. *...captique dolls...*- Вергилий, "Энеида" (II, 195-198), перевод В. Брюсова.

Стр. 190. Прописная греческая дельта. - Буква "дельта" имеет Зюрму треугольника.

Стр. 197. Спартанская покража.- Стремясь привить своим детям наряду с прочими воинскими доблестями сообразительность и хитрость, спартанцы разрешали им воровать при одном лишь условии - не попадаться, в противном случае детям грозило суровое наказание. Легенда рассказывает, что спартанский мальчик, укравший лисицу, спрятал ее за пазуху и спокойно отвечал на задаваемые ему вопросы, в то время как лисица терзала ему грудь. В данном случае автор намекает на это предание.

Стр. 200. Доктор Мизобен (ум. в 1734 г.) - француз, живший в Лондоне и получивший здесь репутацию шарлатана. Фильдинг иронически посвятил ему свою переделку комедии Мольера "Врач поневоле" - "Лжедоктор" ("The mock Doctor", 1732). Его же изобразил Хогарт на пятом листе упомянутой выше серии гравюр "Путь прелестницы" (см. прим. к стр. 71).

Катон - герой трагедии Аддисона (1672-1719) "Катон Утический" (1715). Катон Утический, или Младший (95-46 гг. до н. э.), защищал республику против диктаторских покушений Цезаря; покончил с собой в Утике (город в Африке) после сражения при Таисе, где были окончательно разбиты республиканские войска. Трагедия Аддисона - образец просветительского классицизма в английской литературе. Отрывок ".Пускай вино иль страх..." в переводе Вс. Рождественского.

Стр. 206. ...и все другие деисты...- Допуская сотворение мира богом, деисты полагали, что мир управляется собственными законами и никакого сверхъестественного вмешательства в события и явления природы не существует.

Стр. 208. *Si nullus erit...*- Овидий, "Искусство любви" (I, 151). Фильдинг несколько изменяет стих Овидия в целях иронического эффекта. У Овидия этот стих читается так:

Et si nullus erit pulvis, tamen excute nullum,

- то есть: "И если не будет никакой пыли, все же стряхни несуществующую".

Эсхин - один из крупнейших древнегреческих ораторов, живший в начале IV века н. э.

Стр. 210. *Quis desferio...*- Гораций, "Оды" (I, 24, 1-2). Стр. 214. *Speluncam...* ("К той же самой пещере Блайфил-вождь и богослов подходят...") - Фильдинг здесь пародирует Вергилия:

Speluncam Dido dux et Trojanus eandem // Deveniunt...

то есть: "К той же самой пещере Дидона и вождь троянский подходят..." ("Энеида", IV, 165-166).

Стр. 215. Procul, o procul...- Вергилий, "Энеида" (VI, 258); перевод В. Брюсова.

...Generi omni...- Лукреций, "О природе вещей" (I, 4). Стр. 218. Лор индийский царь, взятый в плен Александром Македонским (327 г. до н. э.).

КНИГА ШЕСТАЯ

Стр. 227. "...вкладывать целый мир..." - Шекспир, "Много шума из ничего" (действие II, сцена 1).

...звук трубы - намек на то же место из трактата Локка, что и в кн. IV, гл. 1 (см. прим. к стр. 130).

Стр. 228. Рапен Поль, де (1661-1725) - французский гугенот (протестант), покинувший родину после отмены Нантского эдикта и живший частью в Англии, частью в Голландии. В 1724 году в Гааге вышла его восьмитомная "История Англии".

Ичард Лоуренс (1670-1730) - английский писатель, автор многочисленных, но чрезвычайно слабых исторических сочинений.

Стр. 230. Пресвитерианец и ганноверец.- Брат и сестра Вестерн принадлежат к двум разным политическим партиям: он - тори, сторонник свергнутой в 1688 году династии Стюартов, мечтающий об ее реставрации, что не раз проскальзывает в его речах, и враг пресвитериан, участвовавших в буржуазной революции; его сестра вращалась при дворе новой, Ганноверской династии (в то время правил второй ее представитель - Георг II), поддерживаемой вигами, которые выражали интересы буржуазии и части земельной аристократии.

Стр. 233. Кроаты, или хорваты- славянское племя, жившее в XVIII веке на границах Австрии и Турции. Кроатская конница, организованная наподобие казачьих частей в русской царской армии, входила в состав австрийских войск. В Англии той эпохи слово "кроат" было синонимом варвара.

Императрица-королева - Мария-Терезия, занимавшая в то время австрийский престол (1717-1780).

Стр. 234. Гровенор-сквер-площадь в аристократической части Лондона;

Брентфорд - пригород Лондона. "Виятширская гостиница".- Вильтшир графство в западной части Англии.

Стр. 235. Нищий-поэт.- Имеется в виду гравюра Хогарта, созданная в 1736 году; на ней изображен поэт, пишущий на своем убогом чердаке стихотворение о богатстве.

Стр. 252. Стрефон и Филида.- Стрефои - пастушок из поэмы "Аркадия", написанной сэром Филиппом Сиднеем (1554-1586), английским поэтом елизаветинской эпохи; Фнлида - пастушка из "Буколик" Вергилия. В пасторальной поэзии оба имени стали условным наименованием влюбленных.

Стр. 253. Петушиные бои - популярное в старой Англии зрелище.

Стр. 254. Александр и. Клит.- Имеются в виду Александр Македонский и Клит - один из выдающихся полководцев Александра Македонского, спасший ему жизнь в битве у Граника. Александр, будучи пьяным, заколол Клита во время возникшего между ними спора (328 г. до н. э.).

Стр. 262. Ли Натаниэль (1655-1691) - английский поэт и драматург периода Реставрации, отличавшийся пышным метафорическим стилем.

Стр. 269. Круглые головы и ганноверские крысы.-"Круглыми головами" назывались сторонники парламента и революции во время гражданской войны 1642-1649 годов. "Ганноверские крысы"- сторонники Ганноверской династии, занявшей английский престол в 1714 году.

КНИГА СЕДЬМАЯ

Стр. 273. Феспис - греческий поэт, живший в VI веке до и. ч. Сент-Джасмс - дверей, служивший во времена Фильдинга королевской резиденцией.

Друрилейн - один из двух ведущих драматических театров Англии, носивших титул "королевских" (второй - Ковент-Гарден).

Стр. 274. Лицемер.- Лицемер по-гречески гипокрит - буквально: отвечающий; греческое слово, обозначающее и актера и лицемера.

...Подобна жизнь...- Цитата из "Макбета" Шекспира (действие V, сцена 5).

В тебе источник...- Стихотворение третьестепенного поэта Сэмюэля Бойса (1708-1749); перевод Вс. Рождественского.

Стр. 275. Гаррик Дэвид (1717-1779) - великий английский актер, друг Фильдинга, много сделавший для возрождения на английской сцене подлинного Шекспира, дотоле подвергавшегося переделкам в духе классицизма, а также для утверждения реалистической манеры актерской игры. Гаррик обладал замечательным мимическим даром. Существует рассказ о том, что вскоре после смерти Фильдинга его друзья выразили однажды сожаление, что ни один художник не запечатлел лица писателя, и Гаррик тут же вызвался позировать Хогарту за своего покойного друга. Таково будто бы происхождение первого портрета Фильдинга в Собрании его сочинений, вышедшем в 1762 году.

Сципион Великий Эмилиан Младший (185-129 гг. до н. э.) - римский полководец, разрушитель Карфагена; был покровителем искусств и литературы, как и его друг Кай Лелий Мудрый (185-115 гг. до н. э.).

Стр. 276. ...nil admirari...- Гораций, "Послания" (I, 6, 1).

Стр. 279. ...вроде Сократа, Алкивиада...- Алкивиад (450-404 гг. до и. э.) - греческий политический деятель и полководец, был близок к Сократу и Платону, хотя сам отнюдь не был философом. Миссис Вестерн причислила его к философам лишь по своему невежеству. По невежеству делает она ссылку и на Сократа, который, как известно, никогда не пренебрегал мнением собеседника, а, напротив, всегда внимательно выслушивал его.

Словарь Бейли.- До выхода в свет знаменитого словаря С. Джонсона (1755) словарь Натана Бейли (ум. в 1742 г.) был самым распространенным английским толковым словарем.

Стр. 283. Заморскими королями (the king over the water) англичане называли короля Иакова II Стюарта, изгнанного в 1688 году за море, а также его сына и внука, претендентов на английский престол.

Стр. 296. Кеведо-и-Виллегас Франсиско (1580-1645) - испанский писатель, поэт и публицист, автор сатирического романа "История и жизнь великою Таканьо".

Стр. 298. Сент-Джемский парк - парк в Лондоне, расположенный к югу от Сент-Джемского дворца.

Стр. 304. Квакер.- Секта квакеров возникла в Англии в середине XVII века; основателем ее считается сапожник Джордж Фоке. Слово "квакер" значит: трясущийся; секта получила это название потому, что члены ее во время религиозных обрядов доводили себя до судорог. Эпизод с квакером введен Фильдингом с целью осмеять ханжество и лицемерие этих святош.

Стр. 306. Широкополая шляпа - прозвище, полученное квакерами за их головной убор, который они ни перед кем не снимали.

Стр. 308. Герцог Камберлендский (1721-1765) - третий сын занимавшего тогда английский престол короля Георга II. Здесь идет речь о возглавленной им экспедиции против так называемого Молодого Претендента (иначе: Молодого Кавалера) Карла-Эдуарда Стюарта, внука Иакова II, высадившегося в августе 1745 года у берегов Шотландии с целью захватить английский престол для своего отца Иакова-Эдуарда. Окруженный правительственными армиями. Молодой Претендент вынужден был отступить в Шотландию и здесь, при Куллодене, 16 апреля 1746 года был разбит правительственными войсками, сражавшимися под командой герцога Камберлендского. Фильдинг, понимая, что новая реставрация Стюартов повела бы к

жестокой реакции, в своей публицистике деятельно выступал против них; с этой целью 5 ноября 1745 года он основал журнал "Истинный патриот". Своими политическими убеждениями Фильдинг наделяет и Тома Джонса.

Стр. 309. ...заслужил алебарду...- Алебарда была в то время отличительным знаком сержанта.

Стр. 311. ...гогочущими гусями...- На самом деле Гомер сравнивает воинственные крики троянцев с криком журавлей, а не гусей ("Илиада", III, 1-4).

Стр. 312. Кордериус - латинизированная фамилия Кордые Матюрена (1478-1564), французского педагога эпохи Возрождения, автора весьма популярного учебника латинского языка, которым долго пользовались в английской школе.

Стр. 313. ...в каком колледже? - Старейшие английские университеты состоят из нескольких колледжей.

Бридж-стрит - улица в Лондоне.

Стр. 317. ...за одни окна...-До 1851 года английские домовладельцы облагались налогом по числу окон, выходящих на улицу.

Стр. 319. Сак-вей - напиток из белого вина с сывороткой.

Стр. 322. Сражение при Леттингене (деревня в Баварии).- В этом сражении 29 июня 1743 года соединенная англо-австрийская армия под командованием короля Георга II разбила французов, после чего они принуждены были отвести свои войска за Рейн (эпизод из так называемой войны за австрийское наследство).

Стр. 324. Окровавленный призрак Банка - образ, заимствованный из трагедии Шекспира "Макбет".

Стр. 327. ...насчет известного деревянного сооружения...- Имеется в виду виселица.

КНИГА ВОСЬМАЯ

Стр. 333. Досье Андре (1651-1722) - французский филолог, автор многочисленных переводов из древних писателей и комментариев к ним.

Стр. 334. Феаки - легендарный народ; к феакам был выброшен морем герой Гомера Одиссей, или Улисс. О большей части своих сказочных приключений (встреча с циклопом Полифемом, волшебницей Цирцеей, превратившей спутников Улисса в свиней, и проч.) Улисс рассказывает приютившим его феакам. - Эта особенность в построении гомеровской поэмы в дала повод А. Попу высказать свое предположение.

Стр. 334. Гелакон - посвященная музам гора в Беотии (Греция), из которой бал ключ Гапмрена - символ поэтического вдохновения.

Стр. 335. Арриан Флавий (II в. н. а.) - греческий историк, от которого до нас дошла история Алеюстддра Македонского.

Джордж Вил, герцог Бэкинжек (1627-1687) - фаворит Иакова I и Карла I Стюартов, один из авторов знаменитой театральной пародии "Репетиция" (1671), в которой высмеивалась эстетика трагедии эпохи Реставрации.

"История революции".- Фильдинг имеет здесь в виду сочинение Эд. Гайда графа Кларендона (1608-1674), "Истерия великого мятежа". Кларендон сам участвовал в гражданской войне на стороне короля, и его "История" проникнута реакционной тенденцией.

Дреленяур Шарль (1595-1669) - французский богослов-протестант. Фильдинг имеет здесь в виду его сочинение "О страхе смерти", переведенное на английский язык; к четвертому изданию этого- перевода, вышедшему в 1706 году, автор "Робинзона Крузо" Даниэль Дефо приложил свой рассказ о "Привидении миссис Виль", составленный им якобы на основании документальных данных.

Стр. 337. Но если, с другм старены...- Вея эта тирада -прозрачный намек на Ральфа Аллена, о котором см. прим. к стр. 26.

Quis credet....- Измененные слева Персия (Сатира I, I-2);

Quis leget haec?-Min tu istad ais? Nemo hereule.-Nemo?

Vel dao, vel nemo...

Кто это станет читать?-Вот это? Никто! -Ты уверен?

Двое или вовсе никто... (Перевод Ф. А. Петровского)

Стр. 338. Rarae aves...- Ювенал, "Сатиры" (VI, 165).

Антонин Пий (86-161)-римский император, отличавшийся мягким характером; был полной противоположностью прославившемуся жестокостью Нерону (правил в 54-68 гг.).

Тайберн - площадь в западной части Лондона, на которой до 1783 года публично совершались казни.

Стр. 339. ...в пятой главе Батоса...- Фильдинг имеет в виду рассуждение Попа под заглавием "Martinus Scriblerus, или Искусство погружаться в поэзию", появившееся в 1728 году во втором томе сборника "Смесь", который издавался Попом в сотрудничестве со Свифтом. Греческое слово "батос" в переводе на русский означает "глубина". В своем сатирическом трактате автор пародирует очень популярное в это время сочинение греческого риторика и грамматика Лонгипа (III в. н. э.) под заглавием "О возвышенном"; с тех пор слово "батос" вошло в аяглайский язык для обозначения ложной глубины, напыщенности. Marlines Scritileras (Мартин Скриблерус)- коллективный псевдоним группы писателей, в которую входили Поя, Свифт, Арбетнот и основатель сатирической демократической комедии в Англии XVIII века Джон Гей.

Стр. 344. Багдадский цирюльник - персонаж из "Тысячи и одной ночи" (ночь 31-я и следующие).

Стр. 346. Non emma...- Вергилий, "Буколики" (VIII, 63).

.. hinc illae...- Теренций, "Андрия" (I, 1, 99).

.. везти уголь е Ньюкасл.- Около Ньюкасла находятся знаменитые угольные копи.

Стр 347. ...lucus" nmi Iwxndo...- Слово "роща" (lucus) происходит от отсутствия в ней света (а поп lucendo). Ходячий школьный пример нелепой этимологии "по противоположности", приводимой многими римскими филологами.

Стр. 349. Non, si.. ("Если нынче дела обстоят плохо, отсюда не следует, что так будет и впредь") - Гораций, "Оды" (II, 10, 17).

Стр. 352. ...tempus...- Овидий, "Метаморфозы" (XV, 234).

Erasmi "Colloguia" (1518)-диалоги голландского гуманиста Эразма Роттердамского (1467-1536), направленные против средневекового обскурантизма и суеверий; одна из самых популярных книг эпохи Возрождения. "Gradus ad Pwnassum" ("Лестница на Парнас", 1702) - учебник стихосложения, написанный немецким иезуитом Паулем Алером Стоу Джон (1525-1605) английский историограф; первую половину жизни был портным "Зритель" (1711-1714) - нравоучительный журнал Стиля и Аддисона. Ичард (см. прим. к стр. 228). Фома Немпийский (1379- 1471) - немецкий мистический писатель, которому приписывают книгу "Подражание Христу". Том Б пау л (1663-1704) английский публицист, сатирик и поэт. "Его сатирические произведения замечательны больше грубостью, чем остроумием",- характеризует его биограф.

Стр. 354. Injandum, regina...- Вергилий, "Энеида" (II, 2), перевод В. Брюсова.

Стр. 35Р. Nil desperandum...- Гораций, "Оды" (VII, 27).

Тевкр - древнегреческий мифический герой, удачливость которого вошла а поговорку.

Стр. 360. Витфия9 Джордж (1714-1770) - один из основателей методизма (см. прим. к стр. 55), родом из Глостера, сан кабатчика. Фильдинг не упускает случая посмеяться над методистами, так же как и над квакерами (ср. кн. VII, гл. 10).

Стр. 367. Принц Карл - Карл-Эдуард, сын претендента на английский престол Иакова-Эдуарда Стюарта (см. прим. к стр. 308). Чтобы сделать сына более

популярным в Англии, Претендент, будучи католиком, воспитал его в протестантской вере. Наделяя простоватого Партриджа горькими убеждениями, Фильдинг тем самым их осмеивает.

Стр. 367. Якобит-сторонник свергнутой династии Стюартов (от имени последнего короля из этой династии Иакова и его сына Иакова-Эдуарда, претендовавшего на английский престол).

Бриарей - согласно древнегреческой мифологии, великан, сын неба и земли, у которого было пятьдесят голов и сто рук.

Чудовище Вергилия - Молва ("Энеида", IV, 173-192).

Стр. 371. Отвей Томас (1652-1685) - драматург периода Реставрации: его трагедия "Сирота" (1680) долго пользовалась успехом на английской сцене.

...ее повесили, бы, без всяких улик...- Намек на обычные в то время процессы ведьм.

Стр. 377. Черный понедельник - на школьном жаргоне: первый понедельник после каникул.

Стр. 378. Вице-канцлер.- Подразумевается вице-канцлер университета.

Стр. 381. Habeas corpus - гарантия неприкосновенности личности, введенная в Англии в XV веке; носила первоначально характер приказа, обязывающего доставлять всякого арестованного в суд с неременным указанием времени и основания ареста. Постепенно эта судебная практика получила силу закона (1679 г.), который в периоды реакции правительство неоднократно обходило.

Стр. 384. Леденгольский рынок-лондонский мясной рынок. Effodiuntur opes, irritamenta malorum. (Люди копают землю, добывая золото, семя зол.) Овидий, "Метаморфозы", I, 140.

Внутренний Темпл - одна из четырех старинных юридических школ в Лондоне; здание, в котором она помещается, некогда принадлежало ордену тамплиеров.

Стр. 392. Fortis...- Гораций, "Сатиры" (II, 7, 86-88).

Стр. 396. Герцог Монмутский (1649-1685) - побочный сын английского короля Карла II Стюарта. После смерти Карла II в 1685 году ему наследовал его брат, Иаков II, стремившийся восстановить абсолютизм и католичество в Англии. Монмут, находившийся в момент смерти отца в Голландии, решил воспользоваться обстоятельствами и отнять престол у своего дяди. С этой целью он высадился в Англии, рассчитывая, что преданностью протестантству, а также обещанием соблюдать вольности Англии сумеет привлечь на свою сторону большинство населения. Однако его планы не оправдались: при вступлении на престол Иаков дал упомянутую в тексте присягу и в первые месяцы царствования располагал поддержкой широких слоев общества. Монмут потерпел неудачу и был казнен.

...изгнали этого короля...- Изгнание Иакова II произошло 23 декабря 1688 года, через три года после неудачного выступления герцога Монмутского.

Стр. 397. ...два восстания...- Первое восстание произошло в 1715- 1716 годах, когда сын Иакова II высадился в Шотландии, но потерпел неудачу; о втором идет речь в тексте.

Сражение при Седжмуре. - Во время этого сражения (6 июля 1685 года) был разбит герцог Монмутский.

Стр. 399. ...Les laquais a louange.- Вероятно, Фильдинг хотел сказать: laquais de louage, то есть - наемные лакеи. Слово louange значит - хвала.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

Стр. 407. ..редактор "Зрителя".- На самом деле их было два: Стиль и Аддисон (см. прим. к стр. 352).

Стр. 408. Роу Николае (1674-1718) - английский драматург, один из первых редакторов-издателей сочинений Шекспира.

.. по словам Горация.. -Гораций, "Послания" (1,19,12). Scribimus.. - Гораций,

"Послания" (II, 1, 115).

...говорили в другом месте.-Во вступительных главах к книгам I и VII и других частях романа.

Стр. 410. Миллер Филипп (1691-1771) - английский ботаник, директор Аптекарского сада в Лондоне; составил словари растений, переведенные на другие европейские языки.

Сиббер Сюзанна (1714-1766) - актриса театра Друрилейн.

Клайв Катерина (1711-1785) - актриса того же театра. О ней сохранились восторженные отзывы Гаррика, Генделя и других видных людей того времени; исполняла ряд ведущих ролей в пьесах Фильдинга.

Стр. 415. Орфей и Эвридика.- По греческой мифологии, музыкант Орфей, лишившись жены своей Эвридики, спустился за ней в царство усопших. Очарованные его пением властители подземного царства согласились отпустить Эвридику с условием, чтобы Орфей шел впереди и не оглядывался. Это условие не было соблюдено Орфеем, и он навсегда лишился жены. Фильдинг использовал этот сюжет в своем фарсе "Эвридика" (1737).

Стр. 418. Фалестрида - царица амазонок, будто бы предложившая, помощь Александру Македонскому в его борьбе против персов (греч. миф.).

Стр. 419. Веллона - римская богиня войны.

Стр. 422. Затем он предложил совершить возлияние...-У древних греков и римлян ритуал возлияния составлял обыкновенно часть жертвоприношения. У римлян он заключался в том, что жрец, а затем и остальные участники обряда отпивали по очереди вино из чаши, а остатки его выливали между рогов жертвенного животного. Возлияния богам совершались также во время пиршеств.

Стр. 425. ...полюбила в общепринятом теперь значении этого слова...

См. кн. VI, гл. 1.

Пасифая - мифическая царица Крита, восплавленная любовью к быку и родившая Минотавра - стол у быка-полу человека.

Стр. 426. ...dignus vindice nodus...- подразумевается: путем божественного вмешательства (Гораций, "Искусство поэзии", 191).

КНИГА ДЕСЯТАЯ

Стр. 439. ..некоторых редакторов его сочинений.- Известно, что тексты произведений Шекспира дошли до нас в неудовлетворительном состоянии. Научные комментированные издания его сочинений начинают появляться лишь с 1709 года. До 1749 года (время выхода в свет "Тома Джонса") было опубликовано пять таких собраний сочинений.

Стр. 440. Дидона - легендарная финикийка, дочь царя Тира; согласно легенде, оставшись вдовой, переселилась в Африку, основала там город Карфаген и стала его царицей. Вергилий в "Энеиде" рассказывает, что сын троянского царя Приама Эней был заброшен бурей к берегам Африки и встретил здесь радушный прием у Дидоны; выслушав повесть о его злоключениях, она воспыкала к нему любовью и, когда он покинул ее, лишила себя жизни.

Далее. Мы всячески убеждаем тебя... или такт дьявольской порочности...-Абцаз этот является довольно прозрачной полемикой с Ричардсоном, который в своих романах резко делил характеры на добродетельные и порочные.

Nulla virtute...- Ювенал, "Сатиры" (IV, 1).

Стр. 441. ...quas humana...- Гораций, "Искусство поэзии" (353).

Стр. 443. Бэн Аффа (1640-1689) - английская писательница, проведшая молодость в Южной Америке, в Суринаме (Гвиана); по возвращении оттуда писала пьесы для театра, стихи и романы. В наиболее известном из ее романов, "Орувоко", рассказывается история любви африканского князя Оруоко, работавшего невольником на плантациях и возглавившего восстание негритянских невольников.

Этой книгой Бэн Афра впервые привлекла внимание европейских читателей к тяжелому положению негров-рабов в Америке.

Стр. 450. Миссис Хасси - портниха, действительно жившая в Лондоне и пользовавшаяся большой известностью. Существует рассказ, что Фильдинг обещал вывести ее в "Томе Джонсе", но позабыл об этой и лишь в последнюю минуту, когда книга была уже в наборе, внес ее имя в текст.

Стр. 452. Аеигея - библейский персонаж (Первая книга Царств, XXV), одна из жен-рабынь Давида; имя ее (Эбигейл) стало в Англии нарицательным для горничной, камеристки.

Стр. 455. Non omnia...- Вергилий, "Эклоги" (VIII, 63).

Стр. 458. ...за здоровье короля Георга...- то есть занимавшего тогда английский престол Георга II. Симпатии тори Партриджа на стороне вторгшегося в Англию Молодого Претендента Карда-Эдуарда, внука Иакова II Стюарта.

Стр. 463. Бедлам (искаженное Вифлеем) - больница для умалишенных в Лондоне. Первоначально помещалась в монастыре ордена Вифлеемской звезды, имущество которого было конфисковано Генрихом VIII в 1547 году и передано лондонскому городскому управлению; позднее несколько раз меняла место. Слово "бедлам" стало в Англии и за ее пределами нарицательным для обозначения сумасшедшего дома.

Стр. 466. (Точь-в-точь таков"...-Шекспир, "Генрих IV" (часть 2-я, действие I, сцена 1), слова графа Нортумберлендского.

Стр. 467. Гиллс - прекрасный юноша, любимец Геракла, ваявшего его с собой в поход аргонавтов за золотым руном. Во время стоянки в Мизии (Малая Азия) Гилас, посланный за водой, был увлечен нимфами источника, в который он погрузил свой кувшин. Его исчезновение настолько опечалило Геракла, что он покинул экспедицию. Эта история вдохновила многих античных поэтов; наиболее красочно изложена она в одной из идиллий Феокрита (греч. миф.).

Стр. 468. Салический закон - древний кодекс так называемых салических франков, преимущественно уголовный (возник в VI в. н. э.). 59-я его статья запрещала переход салических земель во владение женщине. В XIV веке статья эта стала истолковываться как запрещение женщине занимать французский престол. Миссис Вестерн считает, что Салический закон ставит женщин в зависимое положение от мужчин.

Стр. 469. Аррия - римская матрона, прославившаяся своим мужеством. Чтобы подать пример мужу своему Петру, приговоренному к смерти за участие в заговоре Скрибониана против императора Клавдия, она вонзила себе и грудь кинжал, а затем передала его мужу со словами: "Петр, мне не больно".

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ

Стр. 477. Вестминстер-Холл - древнейший, уцелевший до сих пор зал Вестминстерского дворца - здания, где помещался английский парламент; в нем происходили также заседания Верховного суда. В теперешнем здании Вестминстерского дворца, построенного на месте сгоревшего в 1034 году, этот зал служит вестибюлем.

Стр. 478. Кашель стащить...-Шекспир, "Отелло" (действие III, сцена 3).

Стр. 479. Аристотель - здесь упомянут как автор "Поэтики"; Гораций как автор "Искусства поэзии"; Донуин (греческий филолог и ритор III в.) как автор трактата "О возвышенном"; Досье Андре, французский филолог, - как комментатор древних авторов; Босю (правильнее ле Боссю) Рене (1631-1680) как автор популярного в конце XVIII

века "Трактата об эпической поэзии" (1675).

Стр. 480. ...я смело могу... протестовать против хулы людей... аппетитом "низкий"-вовсе неприличным в устах критика, если только он не сиятельная особа.-

Эти слова направлены, по-видимому, против Ричардеопа, который в письмах к своим поклонникам (об их содержании Фильдинг мог знать от своей сестры Сары, находившейся в переписке с Ричардсоном) осуждал Фильдинга как писателя "низкого" и отказывался читать его.

Стр.480. Verum. иЫ...- Гораций, "Искусство поэзии" (351-353).

...aliter...- Марциал, "Эпиграммы" (I, 17, 1).

Стр. 481. ... послушать некоторых критиков и некоторых набожных христиан. ... - Выпад против Ричардсона и его морализаторских тенденций.

Северн - река в западной Англии, приток Эйвопа, на которой стоит город Ворчестер.

Стр. 485. Молодой Кавалер - Карл-Эдуард Стюарт. Армия герцога правительственная армия под командой герцога Камберлендского (см. прим. к стр. 308).

Стр. 486. Суффолк - графство к северо-востоку от Лондона, у берегов Немецкого моря.

Дясенни Камерон - любовница Карла-Эдуарда Стюарта.

Стр. 491. Макиавелли (1469-1527) - флорентийский историк, писатель и дипломат, стремившийся к установлению сильной власти и уничтожению феодальной раздробленности Италии. Некоторыми идеями Макиавелли воспользовались впоследствии для оправдания политики, свободной от всяких принципов.

Стр. 492. Наш Ричард (1674-1762) - светский щеголь, так называемый "король Бата", модного английского курорта, где процветали всякого рода увеселения. Наш добывал средства карточной игрой. Он любил предостерегать молодых девушек против подобных ему авантюристов. Эта ситуация и изображена здесь Фильдингом.

Стр. 495. Чеймонт - персонаж из драмы Отвея "Сирота" (см. прим. к стр. 371).

Стр. 502. "История Франции" Даниэля. ...- сочинение французского иезуита и придворного историографа Людовика XIV Г, Даниэля (1649- 1728), вышла в 1717 году.

"Атлантида" (полное заглавие: "Секретные мемуары некоторых знатных особ, или Скандальная хроника новой Атлантиды, острова на Средиземном море", 1709) - памфлет английской писательницы Мэри Манли (1672- 1724), разоблачавший частную жизнь тогдашних министров-вигов.

Драйден Джон (1631-1700) - английский поэт, драматург и критик, основоположник трагедии эпохи Реставрации. Находился под сильным влиянием французского классицизма.

Чиллингворт (1602-1644) - английский богослов. Особенной популярностью пользовалось его апологетическое сочинение "Протестантская религия - верный путь к спасению".

Графиня д'Онуа (ум. в 1705 г.) - французская писательница, автор романов, мемуаров, а также волшебных сказок.

Стр. 507. Биллингсгейтский рынок - центральный рыбный рынок в Лондоне.

Стр. 509. Элен Гуин (1650-1687) - английская актриса, любовница Карла II. Она была одной из первых актрис, выступавших на английской сцене, раньше женские роли исполнялись мужчинами.

Доктор Чейн Джордж (1671-1743) - шотландский врач; в молодости вел разгульную жизнь и подорвал свое здоровье, после чего переселился из Лондона в Бат, стал соблюдать режим и написал ряд популярных сочинений, в которых рекомендовал умеренность, вегетарианство, воздержание от спиртных напитков и т. д. Фильдинг намекает именно на эту сторону его биографии.

Стр. 515. Эшер - местечко к югу от Лондона, получившее известность благодаря находившемуся здесь дворцу кардинала Вольси (1471-1530), министра Генриха VIII. Вильтон - город в западной части Англии, поблизости от Солсбери, где находится известный дворец XVI века (Вильтон-Хаус), принадлежавший графам Пемброк.

Истбери - город, живописно расположенный на южном побережье Англии; кроме средневековых зданий, в нем сохранились развалины римских построек. Прайорс-Ларк - усадьба в окрестностях Бата, принадлежавшая тогда Ральфу Аллену (см. прим. к стр. 26).

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

Стр. 523. Ванье Антуан (1673-1741) - аббат, член Парижской академии надписей; его сочинение "Мифология и сказания, объясненные исторически" выдержало много изданий.

Стр. 525. Мистер Мур, или Смайс Дžeme (1702-1734) - светский молодой человек, прожигатель жизни. Теснимый кредиторами, он для поправления своих денежных дел написал комедию "Соперничество мод" (1726). Мур попросил у А. Попа разрешения вставить в свой текст несколько его стихов. А. Поп дал разрешение, но в последнюю минуту взял его обратно. Однако комедия вышла в свет со стихами, что дало повод поэту для желчных выпадов против Мура, на которые тот не отвечал.

Стр. 526. Роджер Л'Эстрендж (1616-1704) - торийский журналист и публицист; ему принадлежит также обширный сборник басен ("Басни Эзопа"), переведенный на многие языки, в том числе и на русский (1760 г.).

Стр. 531. Dulce et decorum...- Гораций, "Оды" (III, 2, 13-16).

Стр. 532. Vir bonus...- Гораций, "Послания" (I, 16, 40).

Стр. 534. Orandum est...- Ювенал, "Сатиры" (X, 356).

Стр. 537. Корона и гроб - герб Претендента.

Стр. 538. "Остроумное и серьезное действо об оскорбленном муже" (1728) - комедия Колли Сиббера (1671-1757), английского актера, драматурга, режиссера и театрального критика. Сиббер является первым представителем буржуазной нравоучительной комедии в Англии; в своем творчестве опирался на комедию эпохи Реставрации, но старался изменить ее "в духе нравственности". Фильдинг, представитель демократической драматургии, боролся с ним уже в 30-е годы XVIII в.

Панч (сокращенное от итальянского Пунчинелла, или Пульчинелла) полишинель, петрушка в английском кукольном театре.

Стр. 540. ...необдуманный обет Иеффая...- По библейскому рассказу, Иеффай, судья израильский, перед сражением с племенем аммонитян дал обет в случае победы принести в жертву первое, что выйдет ему навстречу из ворот дома. Победа была одержана, в Иеффаю пришлось принести в жертву собственную дочь ("Книга судей", XI).

Стр. 546. Пресвитерианцу. - одна из пуританских сект, игравшая крупную роль во время английской буржуазной революция; пресвитерианцы относились враждебно к театру и, захватив власть, запретили театральные представления.

Стр. 552. ...мнения тех, которые считают животных простыми машинами...-Такого мнения держались картезианцы, последователи французского философа Декарта (1596-1650).

Стр. 554. От детских лет...-несколько измененная цитата из "Отелло" Шекспира (действие I, сцена 3).

Стр. 556. Pone me pigris...- Гораций, "Оды" (I, 22, 17-24).

Стр. 562. Dum stupet...- Вергилий, "Энеида" (I, 495).

Стр. 565. Нерва, Траян, Адриан и два Антипина...- Имеются в виду римские императоры, правившие с 96 до 186 года н. э.

Стр. 567. Провала Лунгина сформулированы в его трактате "О возвышенном" (см. прим. к стр. 479).

Стр. 569. ...polly matete...- Возможно-, эта галиматья получилась у Партриджа из греческой пословицы: "Многознание не научает".

Стр. 571. ...одну из современных наций...- Подразумеваются французы с их военной тактикой, выработанной во второй половине XVII века.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

Стр. 577. Мнемесина - согласно греческой мифологии, богиня памяти и мать муз.
Гебр - река во Фракии, теперь Марица.

Меония - поэтическое название Лидии, которая предположительно считалась родиной Гомера.

Мантуя - город в Италии, родина Вергилия.

Шарлотта (Крейдок) - жена Фильдинга.

Стр. 578. Граб-стрит - улица в лондонском Сити, населенная в те времена издателями книг, рассчитанных на малообразованного читателя, и литературными поденщиками, поставлявшими им товар. В настоящее время переименована в Мидьтон-стрит.

Стр. 579. Итонские владения.- Подразумевается Итонская школа на берегу Темзы, в которой учился Фильдинг.

Ворбертан Вильям (1698-1779) - английский богослов, занимавшийся также историей литературы, как античной, так и новой. Он отличался властностью и менторским тоном. Отношение к нему Фильдинга явно ироническое.

Стр. 580. Сиднем Томас (1624-1689) - известный лондонский врач, оставивший много трудов на латинском языке в области теоретической и практической медицины; усердно занимался изучением эпидемий. Сочинения его были переведены на многие иностранные языки и переиздавались вплоть до середины XIX века.

Ганноверская и Гровенорская площади находятся в западной, аристократической, части Лондона. Том Джонс въехал в Лондон с севера, по Грейс-Инн-лейн (Грейс-Инн - одна из юридических школ Лондона).

Стр. 581. Гольборн - лондонская улица, идущая с востока на запад, продолжением ее служит Оксфорд-стрит, уже в западной части Лондона.

Цербер - трехглавый пес, охранявший вход в преисподнюю. По рассказу Вергилия ("Энеида", VI, 417-425), жрица Сивилла, сопровождавшая Энея в подземное царство, кинула Церберу кусок застывшего меда, смешанного с волшебными зельями.

Стр. 582. Стигийский страж.- Речь идет о Цербере, которого называли так потому, что, по верованиям древних, подземное царство обтекала река Стикс.

Пикет - карточная игра.

Стр. 587. Non acuta...- Гораций, "Оды" (I, 16, 7-8).

Кибела - древнегреческая богиня земли. Культ ее, азиатского (фригийского) происхождения, как и культ Диониса, носил оргиастический характер. Жрецы Кибелы назывались корибантами.

Стр. 589. Бонд-стрит - улица в западной части Лондона, выходит на Пикадилли.

др. 590. Виль н Баттон - лондонские популярные кофейни, открытые в конце XVII века.

Стр. 591. Браутон Джон (1705-1785) - знаменитый боксер, подчинивший бокс строгой системе правил и введший его в моду в богатых буржуазных и аристократических кругах Лондона.

Стр. 592. Гойл Эдмонд (1672-1769) - модный в свое время автор пособий по карточной игре, особенно висту. Его книжка "Краткое исследование игры в вист", вышедшая в 1742 году, пользовалась широкой известностью в течение ста лет. Первое издание этой книги действительно стоило гиней.

Стр. 597. Ломбард-стрит - улица в Сити, на которой помещалось большинство банковских контор.

Кондитерская Байта - была открыта в 1693 году.

Стр. 589. Гейдеаер Джон Джемс (1650-1740) - швейцарец по происхождению, оперный антрепренер; приобрел славу как устроитель публичных и частных развлечений, маскарадов, балов.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Стр. 623. Питт - Уильям Питт, граф Четем (1708-1778), крупнейший государственный деятель Англии XVIII века; первоначально принадлежал к "сельской партии" (см. прим. к стр.25). Питт был выдающимся оратором; речи его весьма риторичны и строились обыкновенно по типу речей Демосфена и Цицерона.

Стр. 624. Бисше Эдуард (годы рождения и смерти неизвестны) английский литератор, автор вышедшей в 1702 году компилятивной книги "Искусство английской поэзии", которая пользовалась в свое время большим успехом.

Ванбру Джон (1664-1726) - один из представителей комедии эпохи Реставрации.

Стр. 626. ...они воображают, будто мы живем в развращенном веке/Этот абзац и некоторые предыдущие замечания данной главы направлены в значительной мере против романа Ричардсона "Кларисса", в котором изображены представители высшего света. Этот роман выходил отдельными выпусками как раз в то время, когда Фильдинг работал над "Томом Джонсом".

Стр. 635. Пэл-Мал - улица в аристократической части Лондона, на которой сосредоточено много клубов (от итальянского *palla-maglio* - название старинной игры в шары, введенной в Англии Карлом I).

Стр. 649. ... римского сатирика...- Ювенала. У римлян было множество фортуна, на разные случаи жизни. Фортуны эти были объединены Траяном (98-117 гг. н. э.) в одну, которой он воздвиг храм, где совершалось жертвоприношение в день Нового года.

Стр. 655. Святой Антоний.- Чудо с рыбами, которые будто бы слушали его проповедь, католики приписывают Антонию Падуанскому (1195- 1231).

Орфей и Амфион - мифические греческие музыканты, которые способны были своим пением или игрой на лире приводить в движение неодушевленные предметы, останавливать реки и т. п. Сдвинув таким образом с места камни, Амфион соорудил укрепления вокруг Фив.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

Стр. 670. Меж совершеньем...- Шекспир, "Юлий Цезарь" (действие II, сцена 1), монолог Брута.

Стр. 672. Ньюгетские ходатаи - подручные адвокатов, сами не имевшие права выступать в суде. Ньюгет - старинная лондонская тюрьма, получившая свое название от городских ворот в Сити; в 1902 году была скрыта и на ее месте выстроено новое здание центрального уголовного суда.

Похищение сабинянок.- По римскому преданию, жены и дочери сабинян (народа, жившего по соседству с Древним Римом) были похищены во время празднества подданными первого римского царя, Ромула, среди которых не было женщин.

Гук Натаниэль (1690-1764) - английский историк-компилятор, автор "Римской истории с критическими замечаниями".

Стр. 673. "Роковой брак" (1694) - трагедия второстепенного английского драматурга эпохи Реставрации Томаса Саутерна (1660-1746).

Стр. 675. Мирмидоняне.- Согласно "Илиаде" Гомера, жители Фессалии, участвовавшие в осаде Трои под предводительством Ахилла.

Стр. 690. "Докторская коллегия"- Учреждение, регистрировавшее браки, разводы, завещания, при котором находился так же суд. "Докторская коллегия" была упразднена в 1867 году и функции ее переданы другим учреждениям.

Homo sum...-via комедии Теренция "Сам себя наказывающий" (I, 1, 24).

Стр. 697. Прайор Матью (1664-1721) - английский поэт и дипломат. Сын деревенского столяра, он благодаря своим способностям, а также богатым покровителям окончил университет и получил доступ ко двору Вильгельма III. Приведенный отрывок заимствован из его эпиграмм.

Олд-Бейли - центральный уголовный суд Лондона, помещавшийся рядом с Ньюгетской тюрьмой (см. прим. к стр. 672).

Стр. 698. Пред ним крушатся...- Стих заимствован из трагедии Аддисона "Катон".

Стр. 702. Non sum...- Гораций, "Оды" (IV, 1, 3).

Стр. 703. Ad unguem...- Гораций, "Сатиры" (I, 5, 32).

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Стр. 715. Банстедские возвышенности - возвышенности к югу от Лондона.

Солсберийская равнина - расположена в юго-западной части Англии.

Королевское общество.- В 1662 году английская Академия наук, формально учрежденная в 1663 году.

Гиацинт.- Согласно греческой мифологии, спартанский юноша, любимец Аполлона, случайно убитый им при метании диска. Труп его был обращен Аполлоном в цветок, называвшийся древними гиацинтом, но, судя по описанию Овидия, отличный от нашего гиацинта (Овидий, "Метаморфозы", X, 5, 162-219).

Стр. 724. Пороховой заговор - заговор католиков, за которыми стояли представители крупнейшего дворянства Англии, против короля Иакова I и парламента (ноябрь 1605 г.). В первые месяцы своего правления Иаков I Стюарт (1603-1625) смягчил законы, преследовавшие католиков при Елизавете, и вступил даже в переговоры с папой, чем возбудил в католиках большие надежды. На самом деле это было всего лишь политическим маневром короля для укрепления своей власти, и вскоре Иаков, по настоянию парламента, восстановил статут Елизаветы. Тогда группа заговорщиков-католиков задумала взорвать здание парламента в день его открытия королем (8 ноября 1605 г.), и с этой целью в погребе под залом заседаний были поставлены бочки с порохом. Вследствие недостаточной конспирации заговор был раскрыт и взрыв предотвращен. По случаю избавления от заговора государственной церковью Англии было составлено особое молебствие, о котором говорится в тексте, а день разоблачения заговора - 5 ноября - стал ежегодным праздником. Вплоть до середины XIX века во время этого праздника торжественно сжигалось чучело, изображавшее Гая Фокса, которому было поручено взорвать бочки с порохом.

Стр. 724. Мистер Гаррик.- Фильдинг дает здесь любопытное описание реалистических приемов игры Гаррика, о которых впоследствии писал Г.-Э. Лессинг в своем труде "Гамбургская драматургия" (см. прим. к стр. 275).

Стр. 733. ...так не можете ли вы. придумать какой-нибудь способ завербовать его в матросы? - Матросы и солдаты вербовались в Англии из "добровольцев". Приемы этой вербовки красочно описаны Фильдингом.

Стр. 740, ...зеленоглазое чудовище,-имеется в виду ревность (Шекспир, "Отелло", III, 3).

КНИГА СЕМНАДЦАТАЯ

Стр. 749. Плутарх (50-120) - греческий историк, известный главным образом своими "Сравнительными жизнеописаниями". В "Жизни Александра" он пишет: "Порок и добродетель мы часто познаем не столько при помощи великих дел, сколько при помощи анекдота, изречения, жеста, которые лучше раскрывают характер человека, чем кровавые битвы, осады и громкие подвиги".

Стр. 750 Акто́н.- Невежественный сквайр Вестерн хочет сказать:

Актеон, Актеон - легендарный охотник, о котором рассказывает греческая мифология. В наказание за то, что Актеон увидел Диану во время купанья, он был превращен ею в оленя и растерзан собственными собаками.

Стр. 759. Цицерон - древнеримский оратор Марк Туллий Цицерон (106-43 гг. до н. э.); оставил философскую переписку, имеющую большую историческую ценность

Стр. 764. Драм (drum) - буквально: барабан; так же называли большой званый вечер; но уже в эпоху Фильдинга это значение слова считалось устаревшим.

Стр. 773. Дептфорд - пригород Лондона на правом берегу Темзы.

Олдерсгейт - улица в Сити.

КНИГА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Стр. 790. Доктор Гаррингтон и доктор Брюстер - реальные лица. Стр. 791. "Федон"- диалог Платона, излагающий беседу умирающего Сократа с учениками. Темой этой беседы было доказательство бессмертия души. Стр.800. Лимингтон-портовый город на Ла-Манше, к югу от Солсбери. Стр. 832. Доримант - "светский лев" и распутник, персонаж из пьесы Этериджа "Щеголь" ("The Man of Mode"); прототипом его был граф Рочестер (см. прим. к стр. 132).

Стр. 838. ...купить себе на ближайших выборах в парламент место депутата. от соседнего местечка...- Владельцы пришедших в упадок старых административных центров, так называемых "гнилых местечек", либо сами назначали в парламент представителей, либо продавали право представительства. "Гнилые местечки" были упразднены лишь парламентской реформой 1832 года.

А. Франковский

1 Презираю вас от всего сердца (франц.).

2 Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

3 Я не тот, что был (лат.).

4 Буквально: в самый ноготь (лат.).

5 Академии наук (франц.).

6 Вероятно, Софья разумела банковый билет в сто фунтов.

7 Не доверяй наружности (лат.).

8 Полною свободу выбора (франц.).

9 Мне известен такой же случай в действительной жизни с одним бедным священником из Дорсетшира; не удовольствовавшись огромными издержками, которые бедняку пришлось понести в связи с процессом, мерзавец стряпчий обжаловал решение суда и возбудил другой процесс. Способ этот часто практикуется для притеснения бедняков и наполнения карманов стряпчих, к великому позору для нашего законодательства, народа нашего, христианской религии и даже природы человеческой.